

Карлос КАСТАНЕДА

КНИГА 2. ОТДЕЛЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ.

ВВЕДЕНИЕ

Десять лет назад мне посчастливилось встретиться в западной Мексике с одним индейцем из племени яки. Я назвал его «дон Хуан». В испанском языке дон — это обращение, выражающее уважение.

Мое знакомство с доном Хуаном состоялось при следующих обстоятельствах. Я сидел с Биллом, своим другом, в автобусном депо пограничного городка в аризоне. Мы были очень спокойны. Во второй половине дня летняя жара казалась за плечо.

— Вон человек, о котором я тебе рассказывал, — сказал он тихим голосом.

Он значительно кивнул в сторону входа. Старик только что вошел в помещение.

— Что ты мне рассказывал о нем? — спросил я.

— Это тот самый индеец, который знает о пейоте, помнишь? — я вспомнил, как мы с Биллом как-то проехали весь день на машине, разыскивая дом «эксцентричного индейца», который жил в том районе. Мы не нашли его дом, и у меня возникло ощущение, что индейцы, которых мы спрашивали о нем, намеренно давали нам неверное направление. Билл сказал, что человек этот был «травник» (человек, собирающий и продающий лекарственные растения) и что он очень много знает о галлюциногенном кактусе — пейоте. Он сказал также, что мне стоило бы встретиться с ним. Билл был моим гидом по этим местам в то время, когда я собирал различные сведения о лекарственных травах, используемых индейцами.

Билл поднялся и подошел к человеку поздороваться. Индеец был среднего роста. Его волосы были седыми и короткими и немного нависали над ушами, подчеркивая округлость головы. Он был очень темным. Глубокие морщины на лице придавали ему вид глубокого старца, однако его тело, казалось, было сильным и собранным. Я с минуту наблюдал за ним. Он передвигался с легкостью, которую я считал бы невозможной для старика. Билл сделал мне знак подойти к ним.

— Он хороший парень, — сказал мне Билл, — но я не могу понимать его. Его испанский, по-моему, исковеркан и полон сельских разговорных выражений.

Старик глянул на Билла и улыбнулся. А Билл, который знал по-испански лишь несколько слов, произнес на этом языке какую-то абсурдную фразу. Он посмотрел на меня, как бы спрашивая, имеет ли эта фраза какой-нибудь смысл, но я не знал, что он хотел сказать; тогда он смущенно улыбнулся и отошел. Старик взглянул на меня и начал смеяться. Я объяснил ему, что мой друг иногда забывает, что он не говорит по-испански.

— Я думаю также, что он забыл представить нас друг другу, — сказал я и назвал свое имя.

— А я, Хуан матус, к вашим услугам, — сказал он.

Мы пожали друг другу руки и некоторое время молчали. Я нарушил молчание и рассказал о стоящей передо мной задаче. Я сказал ему, что ищу любого рода информацию о растениях, особенно о пейоте. Я некоторое время продолжал напористо говорить и, хотя я был почти полным невеждой в этом вопросе, тем не менее я сказал ему, что уже очень многое знаю о пейоте. Я считал, что если я похвастаюсь своим знанием, то ему будет интересно разговаривать со мной. Но он не сказал ничего. Он терпеливо слушал. Затем он медленно кивнул и уставился на меня: его глаза, казалось, светились своим собственным светом. Я избегал его взгляда. Я чувствовал неудобство. У меня была уверенность в тот момент, что он знает, что я говорю чепуху.

— Заходи как-нибудь ко мне домой, — сказал он, наконец отведя свои глаза от меня. — может быть мы сможем там поговорить более легко.

Я не знал, что еще сказать. Я чувствовал неудобство. Через некоторое время Билл возвратился в зал. Он понял мое неудобство и ни слова не сказал. Некоторое время мы сидели в напряженном молчании. Затем старик поднялся. Его автобус прибыл. Он попрощался.

— Не очень хорошо пошло? — спросил Билл. — Да. Невыносимой. Внезапно Билл наклонился ко мне и тронул меня — ты спрашивал его о растениях?

— Да, спрашивал, но я думаю, что спросил не так.

— Я же говорил тебе, что он очень эксцентричен. Индейцы в окрестностях знают его, но они никогда о нем не говорят. А это уже кое-что.

— Все же он сказал, что я могу зайти к нему домой.

— Он надул тебя. Конечно, ты можешь зайти к нему домой, но что это значит? Он никогда ничего тебе не скажет. Даже, если ты попросишь его о чем-то, он замнется, как если бы ты был идиотом, несущим околесицу.

Билл убежденно говорил, что он встречал ранее людей такого рода, которые производят впечатление очень знающих. На его взгляд, сказал он, такие люди не стоят забот, так как рано или поздно можно получить ту же информацию от кого-нибудь еще, кто не строит из себя труднодоступного. Он сказал, что у него нет ни времени, ни терпения, чтобы распутывать туман стариков, и что, возможно, старик только делает вид, что знает что-то о травах, тогда как в действительности он знает не больше любого другого.

Билл продолжал говорить, но я не слушал. Мои мысли все еще были заняты старым индейцем. Он знал, что я лгу. Я вспомнил его глаза. Они действительно сияли.

Через пару месяцев я вернулся, чтобы навестить его, не столько как студент антропологии, интересующийся лекарственными растениями, сколько как человек с необъяснимым любопытством. То, как он тогда взглянул на меня, было беспрецедентным явлением в моей жизни. Я хотел знать, что скрывалось под этим взглядом. Это стало для меня почти точкой преткновения. Я размышлял об этом, и, чем дольше я думал, тем более необычным мне это казалось.

Мы стали с доном Хуаном друзьями, и в течение года я навестил его бесчисленное количество раз. Я нашел его манеры очень уверенными, а его чувство юмора превосходным; но прежде всего я чувствовал, что было скрытое содержание в его поступках, содержание, которое являлось для меня совершенно невидимым. Я чувствовал странное удовольствие в его присутствии, и, в то же самое время, я испытывал странное неудобство. Одно только его общество заставляло меня делать огромную переоценку моих моделей поведения. Я был воспитан, пожалуй, как и любой другой, принимать человека, как, в сущности своей, слабое и подверженное ошибкам существо. В доне Хуане меня поражало то, что он не производил впечатления слабого и незащищенного, и простое нахождение рядом с ним рождало неблагоприятное сравнение между его образом жизни и моим. Пожалуй, одним из самых поразительных утверждений, которые он сделал в этот период, касалось нашего врожденного различия. Перед одним из моих визитов я чувствовал себя очень несчастно из-за общего течения своей жизни и из-за ряда давящих личных конфликтов, которые я имел. Когда я прибыл в его дом, я чувствовал себя в плохом настроении и очень нервно.

Мы говорили о моем интересе к знанию, но, как обычно, мы шли по двум разным дорогам. Я имел в виду академическое знание, которое передает опыт, в то время как он говорил о прямом знании мира.

— Знаешь ли ты что-нибудь об окружающем тебя мире? — спросил он.

— Я знаю всякого рода вещи, — сказал я.

— Я имею в виду, ты когда-нибудь ощущаешь мир вокруг тебя?

— Я ощущаю в мире столько, сколько могу.

— Этого не достаточно. Ты должен чувствовать все, иначе мир теряет свой смысл.

Я высказал классический довод, что мне не нужно пробовать суп для того, чтобы узнать его рецепт, и не нужно подвергать себя удару электрического тока для того, чтобы узнать об электричестве.

— Ты заставляешь это звучать глупо, — сказал он. — насколько я вижу, ты хочешь цепляться за свои доводы, несмотря на тот факт, что они ничего тебе не дают. Ты хочешь остаться тем же самым даже ценой своего благополучия.

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Я говорю о том факте, что ты не цельный. У тебя нет мира. — это утверждение раздражило меня. Я почувствовал себя задетым. Я подумал, что он недостаточно квалифицирован, чтобы судить о моих поступках или о моей личности.

— Ты заражен проблемами, — сказал он, — почему?

— Я всего лишь человек, дон Хуан, — сказал я, как само собой разумеющееся. Я сделал это утверждение с теми же интонациями, которые делал мой отец, когда произносил его. Когда он говорил, что он всего лишь человек, то он всегда подразумевал, что он слаб и незащищен, и его утверждение, также, как и все, было полно безмерного чувства отчаяния.

Дон Хуан уставился на меня так же, как и тогда, когда мы впервые встретились.

— Ты думаешь о себе слишком много, — сказал он и улыбнулся. — а это дает тебе странную усталость, которая заставляет тебя закрываться от окружающего мира и цепляться за свои аргументы. Поэтому проблемы — это все, что у тебя есть. Я всего лишь человек тоже, но не имею здесь в виду того, что имеешь ты.

— Что ты имеешь в виду?

— Я избавился от своих проблем. Очень плохо, что жизнь так коротка, что я не могу ухватиться за все вещи, за которые мне понравилось бы схватиться. Но это не проблема. Это просто сожаление.

Мне понравился тон его высказывания. В нем не было отчаяния или жалости к самому себе.

В 1961 году, через год после нашей первой встречи, дон Хуан открыл мне, что он обладает секретным знанием по лекарственным травам. Он сказал мне, что является «брухо». Испанское слово брухо можно перевести, как маг, знахарь, колдун. С этого момента отношения между нами изменились. Я стал его учеником, и в течение следующих четырех лет он пытался учить меня тайнам магии. Об этом ученичестве я написал книгу: «учение дона Хуана: путь знания индейцев племени яки».

Наши разговоры проходили на испанском языке, и, благодаря тому, что дон Хуан блестяще владел этим языком, я получил детальные объяснения сложных значений его системы поверий. Я называл эту сложную и хорошо систематизированную ветвь знания магией, а его самого — магом, потому что именно такие категории он сам использовал в неофициальном разговоре. Однако, в контексте более серьезного освещения он использовал термины «знание», чтоб обозначить магию, и «человек знания», или «тот, кто знает», чтоб обозначать мага.

Для того, чтоб учить и передавать свое знание, дон Хуан использовал три хорошо известных психотропных растения: пейот *Lophophora williamsii*; дурман *Atropa belladonna* и вид грибов, относящийся к роду *psilocybe*.

Путем раздельного принятия внутрь каждого из этих галлюциногенов, он продуцировал во мне, как своем ученике, некоторые любопытные состояния нарушенного восприятия или измененного сознания, которые я называл «состояние необычайной реальности». Я использовал слово реальность, потому что в системе верований дона Хуана основным пунктом было то, что состояния сознания, продуцируемые принятием любого из этих трех растений, были не галлюцинациями, а цельными, хотя и необычными, аспектами реальности повседневной жизни. Дон Хуан вел себя по отношению к этим состояниям необычайной реальности не так, как если бы они не были реальны, но как к реальным.

Классифицировать эти растения, как галлюциногены, а состояния, которые они продуцируют, как необычную реальность, было, конечно, моим собственным изобретением. Дон Хуан понимал и объяснял эти растения, как транспортные средства, которые должны приводить и доставлять человека к неким безличным силам, а состояние, которое они продуцируют, как «встречи», которые маг должен иметь с этими силами для того, чтоб получить над ними контроль.

Он называл пейот — «мескалито», и объяснил, что он является добровольным учителем и защитником людей. Мескалито учит тому, «как правильно жить». Пейот обычно принимается на собрании магов, называемых «митоты», где участники собираются с определенной целью получить урок в том, как правильно жить.

Дон Хуан считал дурман и грибы силами другого рода. Он называл их «олли» и сказал, что ими можно управлять; фактически, маг получал свою силу, манипулируя олли. Из этих двух сил дон Хуан предпочитал грибы. Он утверждал, что сила, содержащаяся в грибах, была его личным олли, и он называл ее «дым» или «дымок».

Процедура использования грибов у дона Хуана состояла в том, чтобы дать им высохнуть в мельчайший порошок, пока они находятся внутри небольшого кувшина. Он держал кувшин запечатанным в течение года, затем смешивал получившийся порошок с пятью другими сухими растениями и получал смесь для курения в трубке.

Для того, чтобы стать человеком знания нужно «встретиться» с олли как можно большее количество раз. Нужно стать «знакомым» с олли. Эта задача состояла, конечно, в том, чтобы курить галлюциногенную смесь очень часто. Процесс «курения» заключался в проглатывании мелкого порошка, который не сгорал, и вдыхания дыма других пяти растений, которые составляли курительную смесь.

Дон Хуан объяснял глубокий эффект, который вызывали грибы в способностях восприятия, как то, что «олли убирает тело».

Метод учения дона Хуана требовал необычайных усилий со стороны ученика. Фактически, необходимая степень участия и вовлеченности была столь велика и напряженна, что к концу 1965 года я вынужден был бросить ученичество. Теперь, когда прошло уже 5 лет с тех пор, я могу сказать, что в то время учение дона Хуана начало представлять собой серьезную угрозу моей «идеи мира». Я стал терять уверенность, которую все мы имеем, в том, что реальность повседневной жизни является чем-то таким, что мы можем считать гарантированным и само собой разумеющимся.

Во время ухода я был убежден в том, что мое решение окончательное; я не хотел более видеть дона Хуана. Однако в апреле 1968 года я получил первую копию своей книги и почувствовал себя обязанным показать ее ему. Я навел на него. Наша связь учитель — ученик загадочно восстановилась, и я могу сказать, что с того времени я начал второй цикл своего ученичества, очень отличающийся от первого.

Мой страх не был столь острым, каким он был в прошлом. Общее настроение учения дона Хуана было расслабленным. Он очень много смеялся и смешил меня. Казалось, с его стороны было сознательное намерение свести к минимуму общую серьезность. Он шутил в действительно критические моменты этого второго цикла и таким образом помог мне пройти такие опыты, которые легко могли стать препятствием.

Его отправной точкой было то, что необходимо легкое и спокойное расположение духа для того, чтобы усвоить напор и чужеродность того знания, которому он меня учил.

— Причина того, что ты испугался и удрал, состоит в том, что ты чувствовал себя чертовски важным, — сказал он, объясняя мой предыдущий уход. — чувство собственной важности делает человека тяжелым, неуклюжим и пустым (напрасным). Для того, чтобы стать человеком знания, надо быть легким и текучим.

Особый интерес дона Хуана во втором цикле моего ученичества состоял в том, чтобы научить меня «видеть». Очевидно, в его системе знания была возможность провести семантическое различие между «видеть» и «смотреть», как между двумя различными способами восприятия. «Смотреть» означало тот обычный способ, которым мы привыкли ощущать мир, в то время как «видеть» заключало в себе сложный процесс, путем которого человек знания мог непосредственно воспринимать сущность вещей мира.

Для того, чтобы представить запутанность этого учебного процесса в удобоваримой форме, я сжал длинные цепочки вопросов и ответов и, таким образом, издал мои оригинальные полевые записи. Однако я верю, что на этот раз мое изложение не расходится со значением дона Хуана. Редакция была направлена на то, чтоб мои записи текли, как течет разговор, чтоб они имели то содержание, которое я желал; иначе говоря, я хотел средствами репортажа передать читателю драматизм и направленность полевой ситуации. Каждый из разделов, который я обозначал главой, является сессией с доном Хуаном. Как правило, он всегда заканчивал наш разговор на оборванной ноте; таким образом драматический тон окончания каждой главы не мое собственное литературное изобретение, это было свойственно разговорной манере дона Хуана. По-видимому, это было аппаратом для запоминания, который помогал мне удерживать драматический характер и важность уроков.

Однако, для того, чтобы сделать мой репортаж понятным, необходимы некоторые объяснения, поскольку ясность излагаемого материала зависит от освещения ключевых концепций или ключевых единиц, которые мне хотелось бы подчеркнуть. Этот выбор ударения основан на моем интересе к общественным наукам. Весьма возможно, что другой человек, с другим набором целей и ожиданий выделял бы концепции полностью отличные от тех, которые выбрал я сам.

В период второго цикла ученичества дон Хуан сделал упор на том, чтобы убедить меня, что использование курительной смеси являлось необходимым условием для «виденья». Поэтому я должен курить ее как можно чаще.

— Только дым может дать тебе необходимую скорость для того, чтобы уловить отблеск того текущего мира, — сказал он.

С помощью психотропной смеси он продуцировал во мне серии состояний необычайной реальности. Основной чертой таких состояний в отношении к тому, чем, казалось, занимался дон Хуан, было состояние «неприложимости». То, что я ощутил в этих состояниях измененного сознания, было невосприимчивым и невозможным для истолкования средствами нашего повседневного метода понимания мира. Другими словами, состояние неприложимости влекло за собой исчезновение связности в моем мировоззрении.

Дон Хуан использовал это состояние неприложимости, или состояние необычайной реальности, для того, чтобы ввести серию предварительно усвоенных новых «единиц значения». Единицами значения были все отдельные элементы, характерные для того знания, которому дон Хуан старался меня обучить. Я назвал их единицами значения потому, что они были основным конгломератом сенсорных данных и их объяснений, из которых конструировались более сложные значения. Одним из примеров таких единиц значения является способ, по которому понимается физиологический эффект психотропной смеси. Она продуцирует онемение и потерю двигательного контроля, что переводилось в системе дона Хуана, как действие, выполняемое дымком, который в этом случае назывался олли, для того, чтоб «убрать тело участника».

Единицы значения были особым образом объединены вместе, и каждая, созданная таким образом группа, являлась тем, что я назвал «чувственная интерпретация». Очевидно, что могло существовать бесконечное количество таких возможных чувственных интерпретаций, существенных в магии, которые маг должен научиться создавать. В нашей повседневной жизни мы сталкиваемся с бесчисленным количеством чувственных интерпретаций, связанных с этим. Простой пример, который мы более не используем, как сознательную интерпретацию, — это структура, которую мы называем «комната». Очевидно, что мы научились истолковывать структуру «комната» в терминах комнаты; таким образом, комната является чувственной интерпретацией, потому что она требует, чтобы в тот момент, когда мы ее называем, мы тем или иным образом осознавали бы все те элементы, которые входят в это построение. Система чувственных интерпретаций является, иными словами, процессом, при помощи которого практикующий осознает все единицы значения, необходимые для того, чтобы сделать заключения, выводы, предсказания и т.п. Обо всех ситуациях, связанных с его активностью.

Под «практикующим» я подразумеваю участника, имеющего адекватное знание обо всех или почти обо всех единицах значения, входящих в его конкретную систему чувственных интерпретаций. Дон Хуан был практикующим. То есть он был магом, который знал все шаги своей магии.

Как практикующий, он попытался сделать свою систему чувственных интерпретаций доступной для меня. Такая доступность в этом случае была равносильна процессу десоциализации, в котором прививались новые пути интерпретирования информации, получаемой через органы чувств.

Я был «чужим», то есть тем, кто не имел способности делать разумные и связанные интерпретации единиц значения, относящихся к магии.

Задача дона Хуана, как практикующего делающего свою систему доступной для меня, было разрушить определенную уверенность, которую я разделяю с любым другим: уверенность в том, что наши, основанные на «здравом смысле» взгляды на мир окончательны. Используя психотропные растения и точно направленные столкновения между мною и чуждыми системами, он добился успеха в том, что показал мне, что мои взгляды на мир не могут быть конечными, так как это только интерпретация.

Для американских индейцев, возможно, в течение тысячелетий тот пустой феномен, который мы называем магией, является серьезной, достоверной практикой, занимавшей примерно то же положение, которое занимает наша наука. Наши трудности в понимании ее без сомнения проистекают из чуждых нам единиц значения, с которыми она имеет дело.

Однажды дон Хуан сказал мне, что человек имеет предрасположения. Я попросил его объяснить мне это утверждение.

— Мое предрасположение видеть, — сказал он.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне нравится видеть, — сказал он, — потому что только при помощи видения человек знания может знать.

— Какого рода вещи ты видишь?

— Все.

— Но я тоже вижу все, а я не человек знания.

— Нет, ты не видишь.

— Я считаю, что вижу.

— Говорю тебе, что ты не видишь.

— Что тебя заставляет так говорить, дон Хуан?

— Ты только смотришь на поверхность вещей.

— Ты хочешь сказать, что каждый человек знания действительно видит насквозь все, на что смотрит?

— Нет, это не то, что я имел в виду. Я сказал, что у человека знания есть свои собственные предрасположения. Мое состоит в том, чтобы просто видеть и знать; другие делают другие вещи.

— Ну, например, какие другие вещи?

— Возьмем сакатеку, он человек знания, и его предрасположение — танцевать. Поэтому он танцует и знает.

— Значит, предрасположение человека знания — это нечто такое, что он делает для того, чтобы знать?

— Да, это правильно.

— Но как может танец помочь сакатеке знать?

— Можно сказать, что сакатека танцует всем, что у него есть.

— Он танцует так же, как я? Я хочу сказать, так, как танцуют?

— Скажем, что он танцует так же, как я вижу, а не так, как ты можешь танцевать.
— Видит ли он тоже так же, как ты?
— Да, но он также и танцует.
— Как танцует сакатека?
— Это трудно объяснить. Это особого рода танец, который он исполняет, когда он хочет знать. Но все, что я могу об этом сказать тебе — это то, что, если ты не понимаешь путей человека, который знает, то невозможно и говорить о видении или танце.

— А ты видел, как он танцует свой танец?
— Да. Однако, это невозможно для любого, кто смотрит на его танец, видеть, что это его особый способ познания.

Я знал сакатеку или, по крайней мере, я знал, кто он такой. Мы встречались, и однажды я покупал ему пиво. Он был очень вежлив и сказал, что я могу свободно останавливаться в его доме, когда мне это понадобится. Я долго забавлял себя мыслью о том, чтобы посетить его, но дону Хуану ничего об этом не говорил.

В полдень 14 мая 1962 года я подъехал к дому сакатеки. Он рассказал мне, как до него добраться, и я легко нашел этот дом. Он стоял на углу и был со всех сторон окружен изгородью. Ворота были закрыты. Я обошел дом кругом, выискивая, нельзя ли где-нибудь заглянуть внутрь. Казалось, что дом пуст.

— Дон Эльяс, — крикнул я громко.
Куры перепугались и рассыпались по двору, ужасно кудахча. Небольшая собачка подошла к забору. Я ожидал, что она залает на меня; вместо этого она просто уселась, наблюдая за мной. Я позвал еще раз, и куры разразились новым кудахтаньем. Старая женщина вышла из дому. Я попросил ее позвать дона Эльяса.

— Его здесь нет, — сказала она.
— Где я могу его найти?
— Он в полях.
— Где в полях?
— Я не знаю. Приходите к вечеру. Он будет дома около пяти.
— Вы жена дона Эльяса?
— Да, я его жена, — сказала она и улыбнулась.

Я попытался расспросить ее о сакатеке, но она извинилась и сказала, что плохо знает испанский язык. Я сел в машину и уехал.

Вернулся я около шести часов. Я подъехал к двери и выкрикнул имя сакатеки. На этот раз он вышел из дома. Я включил свой магнитофон, который в коричневой кожаной сумке свисал с моего плеча, как фотоаппарат. Казалось, он узнал меня.

— О, это ты, — сказал он, улыбаясь. — как Хуан?
— Он здоров. А как ваше здоровье, дон Эльяс?

Он не отвечал. Казалось, что он нервничает. Внешне он был очень собран, но я чувствовал, что ему было не по себе.

— Хуан прислал тебя сюда с каким-нибудь делом?
— Нет, я сам приехал.
— Но чего же ради?

Его вопрос, казалось, выдавал очень искреннее удивление.

— Я просто хотел поговорить с вами, — сказал я, стараясь, чтобы вопрос звучал так естественно, как только можно. — дон Хуан рассказывал мне о вас чудесные вещи, я заинтересовался и захотел задать вам несколько вопросов.

Сакатека стоял передо мной. Его тело было тощим и жилистым. Он носил рубашку и брюки цвета хаки. Его глаза были полузакрыты. Он казался сонным или, может быть, пьяным. Его рот был слегка приоткрыт, и нижняя губа отвисала. Я заметил, что он глубоко дышит и, казалось, почти похрапывает. Мне пришла мысль, что сакатека несомненно выжил из ума. Но эта мысль казалась очень неуместной, потому что лишь несколько минут назад, когда он вышел из дома, он был очень alertен и вполне осознавал мое присутствие.

— О чем ты хочешь говорить? — сказал он наконец.

У него был очень усталый голос. Казалось, что он выдавливает из себя слова одно за другим. Я почувствовал себя очень неловко. Казалось, что его усталость была заразной и охватывала меня.

— Ничего особенного, — отчетил я. — я просто приехал поболтать с вами по-дружески. Вы однажды приглашали меня к себе домой.

— Да, приглашал, но сейчас это не то.
— Но почему же не то?
— Разве ты не говорил с Хуаном?

— Да, говорил.
— Но тогда чего же ты хочешь от меня?
— Я думал, что, может, я смогу задать вам несколько вопросов.
— Задай их Хуану. Разве он не учит тебя?
— Он учит, но все равно мне хотелось бы спросить вас о том, чему он меня учит и узнать ваше мнение. Таким образом я бы знал, что мне делать.
— Почему ты хочешь сделать это? Ты не веришь Хуану?
— Я верю.
— Тогда почему ты не попросишь его рассказать тебе о том, что ты хочешь узнать?
— Я так и делаю. И он мне рассказывает. Но если вы тоже расскажете мне о том, чему он меня учит, то, может быть, я лучше это пойму.
— Хуан может рассказать тебе обо всем. Только он может сделать это. Разве ты этого не понимаешь?

— Понимаю. Но я также хочу поговорить с людьми, подобными вам, дон Эльяс. Не каждый день встречаешься с человеком знания.

— Хуан — человек знания.

— Я знаю это.

— Тогда почему ты говоришь со мной?

— Я сказал, что я приехал, чтоб мы были друзьями.

— Нет, ты не для этого приехал. На этот раз в тебе есть что-то другое.

Я хотел объяснить, но все, что я смог сделать, так это — неразборчиво бормотать. Сакатека молчал. Казалось, он внимательно слушал. Его глаза были вновь полузакрыты. Но я чувствовал, что он смотрит на меня. Он едва уловимо кивнул. Затем его веки раскрылись и я увидел его глаза. Он, казалось, смотрел мимо меня. Он бессознательно потоптывал по полу носком правой ноги как раз позади левой пятки. Его ноги были слегка согнуты, руки безжизненно висели вдоль тела. Затем он поднял правую руку; его ладонь была открыта и перпендикулярна земле; пальцы были расставлены и указывали на меня. Он позволил своей руке пару раз колыхнуться прежде, чем вывел ее на уровень моего лица. В таком положении он держал ее с секунду, а затем сказал мне несколько слов. Его голос был очень ясным, и все же я слов не разобрал.

Через секунду он уронил руку вдоль тела и остался неподвижен, приняв странную позу. Он стоял, опираясь на щиколотку левой ноги. Его правая нога огибала пятку левой ноги, и ее носок мягко и ритмично потопывал по полу.

Меня охватило неожиданное ощущение — своего рода беспокойство. Мои мысли, казалось, были несвязными. Я думал о неотносящихся к делу бессмысленных вещах, не имеющих никакого отношения к происходящему. Я заметил свое неудобство и попытался выправить мысли, вернув их к реальности, но не мог этого сделать, несмотря на огромные усилия. Казалось, что какая-то сила мешала мне концентрировать мысли и думать связно.

Сакатека не сказал ни слова, и я не знал, что еще сказать или сделать. Совершенно автоматически повернулся и ушел.

Позднее я почувствовал себя обязанным рассказать дону Хуану о моей встрече с сакатекой. Дон Хуан расхохотался.

— Что же в действительности тогда произошло? — спросил я.

— Сакатека танцевал, — сказал он. — он увидел тебя, а затем он танцевал.

— Что он сделал со мной? Я чувствовал холод и дрожь.

— Очевидно, ты ему не понравился, и он остановил тебя, бросив на тебя слово.

— Каким образом он смог это сделать? — воскликнул я недоверчиво.

— Очень просто. Он остановил тебя своей волей.

— Что ты сказал?

— Он остановил тебя своей волей.

Объяснение было неудовлетворительным. Его заключение звучало для меня белибердой. Я попытался еще порасспрашивать его, но он не смог объяснить этот случай так, чтобы я был удовлетворен.

Очевидно, что этот случай, как и любой случай в этой чуждой системе чувственных интерпретаций может быть объяснен или понят только в терминах единиц значения, относящихся к этой системе. Таким образом, эта книга является репортажем, и ее следует читать, как репортаж. Система, которую я записывал, была для меня невосприимчива, таким образом претензия на что-либо иное, кроме репортажа, была бы обманчива и несостоятельна. В этом отношении я придерживался феноменологического метода и старался обращаться в своих записях с магией только как с явлениями, с которыми я столкнулся. Я, как воспринимающий, записал то, что я воспринимал, и в момент записывания я старался удерживаться от суждений.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРЕДДВЕРИЕ К ВИДЕНИЮ

1

2 апреля 1968 г.

Дон Хуан на секунду взглянул и, казалось, совсем не был удивлен тем, что увидел меня, несмотря на то, что прошло уже более двух лет с тех пор, как я последний раз приезжал к нему. Он положил руку мне на плечо, улыбнулся и сказал, что я изменился и выгляжу толстым и мягким.

Я привез экземпляр своей книги. Безо всяких вступлений я вынул ее из портфеля и вручил ему.

— Это книга о тебе, дон Хуан, — сказал я.

Он взял ее и провел рукой по страницам, как если бы это была колода карт. Ему понравился зеленый оттенок переплета и высота книги. Он ощупал переплет ладонями, пару раз повернул его и затем вручил мне книгу обратно. Я чувствовал большой прилив гордости.

— Я хочу, чтобы ты оставил ее себе, — сказал я.

Он потряс головой в беззвучном смехе.

— Я лучше не буду, — сказал он и затем добавил с широкой улыбкой: — ты знаешь, что мы делаем с бумагой в Мексике.

Я рассмеялся. Мне показалась прекрасной его легкая ирония.

Мы сидели на скамейке парка в небольшом городке в горном районе центральной Мексики. У меня не было абсолютно никакой возможности дать ему знать о моем намерении посетить его, но я был уверен, что найду его, и я нашел. Я очень недолго прождал в этом городе прежде, чем дон Хуан прибыл с гор, и я нашел его на базаре у прилавка одного из его друзей.

Дон Хуан сказал мне, как само собой разумеющееся, что я тут как раз во-время, чтобы доставить его обратно в сонору; и мы уселись в парке, чтобы подождать его друга, масатекского индейца, у которого он жил.

Мы ждали около трех часов. Мы говорили о разных неважных вещах, и к концу дня, как раз перед тем, как пришел его друг, я рассказал ему о нескольких случаях, свидетелем которых я был несколько дней назад.

Во время моей поездки у меня сломалась машина на окраине города и в течение трех дней мне пришлось оставаться в нем, пока длился ремонт. Напротив автомастерской был мотель, но пригород всегда действовал на меня удручающе, поэтому я остановился в восьмиэтажной гостинице в центре города.

Мальчик-курьер сказал мне, что в отеле есть ресторан, и, когда я спустился туда поесть, я обнаружил, что там имеются столики снаружи на улице. Они довольно красиво располагались на углу улицы под низкой кирпичной аркой современных линий. Снаружи было прохладно и там были свободные столики, однако я предпочел сидеть в душном помещении. Входя я заметил, что на бревне перед рестораном сидит группа мальчишек — чистильщиков обуви, и я был уверен, что они станут преследовать меня, если я сяду за один из наружных столиков.

С того места, где я сидел, мне была видна через стекло эта группа мальчишек. Пара молодых людей заняла столик и мальчишки окружили их, прося почистить их обувь. Молодые люди отказались, и я был удивлен, увидев, что мальчишки не стали настаивать, а вернулись и сели на свое место. Через некоторое время трое мужчин в деловых костюмах поднялись и вышли, и мальчишки, подбежав к их столику, начали есть остатки пищи. Через несколько секунд тарелки были чистыми. То же самое повторилось с обедами на всех остальных столах.

Я заметил, что дети были весьма аккуратны; если они проливали воду, то они промокали ее своими собственными фланельками для чистки обуви.. Я также отметил тотальность их уборки съестного. Они съедали даже кубики льда, оставшиеся в стаканах, лимонные дольки из чая, кожуру и т.п. Не было совершенно ничего, что бы они оставляли.

За то время, что я был в отеле, я обнаружил, что между детьми и хозяином ресторана существует соглашение: детям было позволено околачиваться у заведения с тем, чтобы заработать немного денег у посетителей, а также доедать остатки пищи на столиках с тем условием, что они никого не рассердят и ничего не разобьют. Их было одиннадцать человек в возрасте от пяти до двенадцати лет, однако самый старший держался особняком от остальной группы. Они намеренно отталкивали его, дразня его частушкой, что у него есть лобковые волосы и он слишком стар, чтобы находиться среди них.

После трех дней наблюдения за тем, как они подобно стервятникам бросались на самые непривлекательные объедки, я искренне расстроился и покинул город с чувством, что нет

никакой надежды для этих детей, чей мир был уже раздавлен их каждодневной борьбой из-за куска пищи.

— Ты их жалеешь? — воскликнул дон Хуан вопрошающим тоном.

— Конечно, жалею, — сказал я.

— Почему?

— Потому что я озабочен благосостоянием окружающих меня людей. Эти мальчики — дети, а их мир так некрасив и мелок.

— Подожди. Подожди. Как ты можешь говорить, что их мир некрасив и мелок? — сказал дон Хуан, передразнивая мое выражение. — Ты думаешь, что твой мир лучше, не так ли?

Я сказал, что так и думаю, и он спросил меня, почему. И я сказал ему, что по сравнению с миром этих детей мой мир бесконечно более разнообразен и богат развлечениями и возможностями для личного удовлетворения и развития. Смех дон Хуана был искренним и дружеским. Он сказал, что я неосторожен с тем, что я говорю, что у меня нет возможности измерить богатство и возможности мира этих детей.

Я подумал, что Хуан просто упрямится. Я действительно думал, что он становится на противоположную точку зрения просто для того, чтобы раздражать меня. Я искренне верил, что у этих детей нет ни малейшего шанса для интеллектуального роста.

Я еще некоторое время отстаивал свою точку зрения, а затем дон Хуан спокойно спросил меня:

— Разве ты не говорил мне однажды, что по твоему мнению величайшим достижением для человека будет стать человеком знания?

Я говорил так и повторил вновь, что, по-моему, стать человеком знания — это одно из величайших интеллектуальных достижений.

— Так ты думаешь, что твой очень богатый мир когда-нибудь поможет тебе стать человеком знания? — спросил дон Хуан с легким сарказмом.

Я не ответил, и тогда он задал тот же вопрос другими словами — оборот, который я всегда применял к нему, когда считал, что он не понимает.

— Другими словами, — сказал он, широко улыбаясь и очевидно видя, что я осознаю его игру, — могут ли твоя свобода и твои возможности помочь тебе стать человеком знания?

— Нет, — сказал я с ударением.

— Тогда как же ты можешь чувствовать жалость к этим детям? — спросил он серьезно. — любой из них может стать человеком знания. Все люди знания, которых я знаю, были детьми, подобными тем, которых ты видел, подседающими обеды и вылизывающими столики.

Аргумент дон Хуана дал мне неприятное ощущение. Я не чувствовал жалости к этим обделенным привилегиями детям оттого, что им не хватает пищи, но жалел их за то, что по моим расчетам мир уже приговорил их к интеллектуальной неадекватности. И, однако же, по расчетам дон Хуана, каждый из них мог достичь того, что я считал вершиной человеческих интеллектуальных достижений — стать человеком знания. Мои причины к тому, чтобы жалеть их, были необоснованы. Дон Хуан точно поддел меня.

— Может быть, ты и прав, — сказал я. — но как можно избежать желания, искреннего желания помочь окружающим тебя людям?

— Как же, ты думаешь, им можно помочь?

— Облегчая их ношу. Самое маленькое, что можно сделать для окружающих нас людей, так это попытаться изменить их. Ты ведь и сам занимаешься этим. Разве не так?

— Нет. Этого я не делаю. Я не знаю, что менять, и зачем менять что-либо в окружающих меня людях.

— А как насчет меня, дон Хуан? Разве ты не учил меня для того, чтобы я изменился?

— Нет. Я не пытаюсь изменить тебя. Может случиться, что однажды ты станешь человеком знания — этого никак нельзя узнать — но это не изменит тебя. Когда-нибудь ты, возможно, сможешь увидеть людей в другом плане, и тогда ты поймешь, что нет способа изменить что-либо в них.

— Что это за другой план виденья людей, дон Хуан?

— Люди выглядят по-другому, если их видишь. Маленький дымок поможет тебе увидеть людей, как нити света.

— Нити света?

— Да, нити, как тонкая паутина. Очень тонкие волокна, которые циркулируют от головы к пупку. Таким образом, человек выглядит, как яйцо из циркулирующих волокон. А его руки и ноги подобны светящимся протуберанцам, вырывающимся в разные стороны.

— И так выглядит каждый?

— Каждый. Кроме того, человек находится в контакте со всем остальным, не через руки, правда, а через пучок длинных волокон, вырывающихся из центра его живота. Эти волокна

присоединяют человека ко всему окружающему; они сохраняют его равновесие; они придают ему устойчивость. Поэтому, как ты сможешь увидеть когда-нибудь, человек — это светящееся яйцо, будь он нищим или королем, и нет способа изменить что-либо, или, вернее, что можно изменить в светящемся яйце, а?

2

Мое посещение дона Хуана положило начало новому циклу. Мне не потребовалось никаких усилий для того, чтобы вновь попасть в старое русло удовольствия от его чувства драматизма, его юмора и терпения со мной. Я определенно чувствовал, что мне нужно посещать его более часто. Не видеть дона Хуана было действительно большой жертвой для меня, кроме того, у меня было кое-что, представляющее для меня определенный интерес, что я хотел с ним обсудить.

После того, как я закончил книгу о его учении, я начал перебирать те свои полевые записи, которые я не использовал в книге. Я выпустил из книги очень много данных, потому что мое внимание было направлено на состояния необычной реальности. Просматривая свои старые записки, я пришел к заключению, что умелый маг может создать самый специализированный ареал восприятия в своем ученике, просто манипулируя «общественными ключами». Все мое построение, касающееся природы этих манипуляционных процедур, основывалось на предположении, что для того, чтобы создать необходимый ареал восприятия, необходим ведущий. Как конкретный тест я взял случай пейотных собраний магов. Я соглашался с тем, что на этих собраниях маги приходили к соглашению относительно природы реальности без какого-либо обмена словами или знаками, и поэтому я пришел к заключению, что тут использовался очень мудреный код для того, чтобы участники пришли к такому соглашению. Я разработал сложную систему для того, чтобы объяснить эти коды и процедуры, и поэтому я вернулся, чтобы навестить дона Хуана и спросить его личное мнение и совет относительно моей работы.

21 мая 1968г.

Ничего необычного не произошло во время моего путешествия к дону Хуану. Температура в пустыне превышала 100 и была очень утомительна. После обеда жара стала спадать, и, когда я в начале вечера подъехал к дому дона Хуана, подул прохладный ветерок. Я не очень устал, поэтому мы сидели в его комнате и разговаривали. Это был не тот разговор, который мне хотелось бы записывать; фактически, я не пытался вкладывать в свои слова большой смысл или значение. Мы говорили о погоде, урожае, его внуке, индейцах яки, мексиканском правительстве. Я сказал дону Хуану, как сильно мне нравится то особое ощущение, которое получаешь, когда разговариваешь в темноте.

Он сказал, что это мое удовольствие основано на моей болтливой натуре; что мне легко любить болтовню в темноте, потому что болтовня — это единственное, что я могу делать в такое время, сидя рядом с ним. Я возразил, что это больше, чем простой акт разговора — то, что мне нравится. Я сказал, что меня наслаждает убаюкивающее тепло темноты вокруг нас. Он спросил меня, что я делаю дома, когда становится темно. Я ответил, что всегда включаю свет или выхожу на освещенные улицы до тех пор, пока не придет время спать.

— О... — сказал он с недоверием. — я думал, что ты научился использовать темноту.

— Для чего ее можно использовать? — спросил я.

Он сказал, что темнота (он назвал ее «темнота дня») — это лучшее время для того, чтобы видеть. Он подчеркнул слово «видеть» особой интонацией. Я захотел узнать, что он хочет этим сказать. Но он ответил, что уже слишком поздно, чтобы вдаваться в этот вопрос.

22 мая 1968 г.

Как только я утром проснулся, я безо всяких вступлений рассказал дону Хуану, что сконструировал систему, объясняющую то, что имеет место на пейотном собрании — митоте. Я взял свои записи и прочел ему то, что разработал. Он терпеливо слушал, пока я старался разъяснить свою схему.

Я считал, что необходим тайный дирижер для того, чтобы таким образом настроить всех участников, что они придут к любому заданному соглашению. Я указал, что люди присутствуют на митоте для того, чтобы найти мескалито и его уроки относительно правильного образа жизни. При этом все эти люди не обмениваются между собой ни единым словом или жестом, и все же они находятся в согласии относительно присутствия мескалито и его специфического урока. По крайней мере именно так было на том митоте, на котором я присутствовал: все согласились, что мескалито появился перед ними и дал им урок. В своем личном опыте я нашел, что та форма, которую принимает индивидуальное появление мескалито, и его последующий урок были поразительно однообразны, хотя варьировали по

содержанию от человека к человеку. Я не мог иначе объяснить такой гомогенности, как приняв ее результатом скрытой и сложной настройки.

У меня ушло почти два часа на то, чтобы прочесть и объяснить дону Хуану ту схему, что я конструировал. Кончил я тем, что попросил его сказать своими словами, какова действительно процедура для приведения участников митота к соглашению.

Когда я закончил, он скривился. Я подумал, что он, должно быть, считает мои объяснения вызывающими; он, казалось, был глубоко поглощен размышлениями. После благопристойного молчания я спросил его, что он думает о моей идее.

Мой вопрос внезапно изменил его гримасу на улыбку, а затем на раскатистый хохот. Я тоже попытался засмеяться и нервно спросил, что тут такого смешного.

— Ты ушел в сторону, — воскликнул он. — зачем кто-то будет стараться кого-то настраивать в такое важное время, как митот? Ты думаешь, что всегда дурачат с мескалитом?

На секунду я подумал, что он уклончив; он, фактически, не отвечал на мой вопрос.

— Зачем кому-либо настраивать? — спросил упрямо дон Хуан. — Ты был на митотах. Ты должен знать, что никто не объяснял тебе, как чувствовать или что делать; никто, кроме самого мескалитом.

Я настаивал на том, что такое объяснение невозможно, и вновь попросил его рассказать мне, каким образом достигается соглашение.

— Я знаю, зачем ты приехал, — сказал дон Хуан загадочным тоном. — я не могу помочь тебе в твоём затруднении, потому что не существует никакой системы настройки.

— Но как же все эти люди соглашаются с тем, что мескалитом присутствует?

— Они соглашаются потому, что видят, — сказал дон Хуан драматически. — Почему бы тебе не поприсутствовать еще на одном митоте и не увидеть самому?

Я почувствовал, что это была ловушка. Я не сказал ничего и отложил свои записи. Он не настаивал.

Некоторое время спустя он попросил меня отвезти его к дому одного из его друзей. Большую часть дня мы провели там. В ходе разговора его друг Джон спросил меня, что стало с моим интересом к пейоту. Почти восемь лет назад Джон давал мне батончики пейота при моем первом опыте. Дон Хуан пришел мне на помощь и сказал, что я делаю успехи.

По пути назад к дому дон Хуана я почувствовал себя обязанным сделать замечание относительно вопроса, заданного Джоном, и я сказал среди прочего, что у меня нет намерения учиться чему-либо далее о пейоте, потому что это требует мужества такого сорта, которого у меня нет, и что я, сказав о своем решении кончить учение, действительно это имел в виду. Дон Хуан улыбнулся и ничего не сказал. Я продолжал говорить, пока мы не подъехали к дому.

Мы сели на чистое место перед дверью. Был теплый ясный день, но вечером был достаточно ощутимый ветерок, чтобы чувствовать себя приятно.

— Почему тебе надо так усердно настаивать на этом? — внезапно сказал дон Хуан. — сколько лет ты уже говоришь, что не хочешь больше учиться?

— Три.

— Почему ты так беспокоишься насчет этого?

— Я чувствую, что предаю тебя, дон Хуан. Наверно, поэтому я все время об этом говорю.

— Ты меня не предаешь.

— Ты обманул во мне. Я убежал. Я чувствую, что я побежден.

— Ты делаешь то, что можешь. Кроме того, ты еще не был побежден. То, чему мне надо тебя учить, очень трудно. По крайней мере, я нашел это, пожалуй, еще более трудным, чем ты.

— Но ты держался за это, дон Хуан. Мой же случай иной. Я сдался, и пришел тебя навестить не потому, что я хочу учиться, но лишь потому, что я хотел попросить тебя прояснить некоторые моменты в моей работе.

Дон Хуан секунду смотрел на меня, а затем отвел взгляд.

— Ты должен позволить дымку увести тебя, — сказал он с нажимом.

— Нет, дон Хуан, я не могу больше использовать твой дымок. Я думаю, что я выдохся уже.

— Ты еще даже не начал.

— Я слишком боюсь.

— Значит, ты боишься. Нет ничего нового в страхе. Не думай о том, что ты боишься. Думай о чудесах виденья.

— Я искренне хотел бы думать об этих чудесах, но я не могу. Когда я думаю о твоём дымке, то я чувствую своего рода тьму, наплывающую на меня. Это как если бы на земле не было больше людей, никого, к кому бы повернуться. Твой дымок показал мне бездонность одиночества, дон Хуан.

— Это неверно. Возьми, например, меня. Дымок — мой олли, а я не ощущаю такого одиночества.

— Но ты другой. Ты победил свой страх.

Дон Хуан нежно похлопал меня по плечу.

— Ты не боишься, — сказал он мягко. Его голос нес в себе странное обвинение.

— Разве я лгу о своем страхе, дон Хуан?

— Мне нет дела до лжи, — сказала он резко. — мне есть дело до кое-чего иного. Причина того, что ты не хочешь учиться, лежит не в том, что ты боишься. Это что-то другое.

Я настойчиво подталкивал его сказать мне, что же это такое. Я спорил с ним, но он ничего не сказал; он просто тряс головой, как бы не в силах поверить, что я не знаю это сам.

Я сказал ему, что, может, это инерция удерживает меня от учения. Он захотел узнать значение слова инерция. Я прочел ему в словаре: «тенденция материи сохранять покой, если она в покое, или, если она движется, сохранять движение в том же направлении, если на нее не действует какая-нибудь посторонняя сила».

— Если на нее не действует какая-нибудь посторонняя сила, — повторил он. — Это, пожалуй, лучшие слова, которые ты нашел. Я уже говорил тебе, что только дырявый горшок может взять на себя задачу стать человеком знания своими собственными силами. Человека с трезвой головой надо завести в учение хитростями (трюками).

— Но я уверен, нашлась бы масса людей, которые с радостью взяла бы на себя такую задачу, — сказал я.

— Да, но все они не в счет. Они обычно уже с трещиной. Они подобны глиняным хумам (большие кувшины для воды), которые снаружи выглядят целыми, но потекут в ту же минуту, как только приложить к ним давление, как только наполнить их водой. Мне однажды пришлось ввести тебя в учение хитростью, тем же самым способом, каким мой бенефактор ввел меня. В противном случае ты не научился бы и тому, что знаешь сейчас. Может быть, пришло время вновь применить к тебе хитрость.

Хитрость, о которой он напомнил, была одним из самых напряженных этапов моего ученичества. Это произошло уже несколько лет назад, но в моем мозгу все это еще столь живо, как если бы случилось только что. Путем очень искусных манипуляций дон Хуан заставил меня однажды войти в прямое и ужасное столкновение с женщиной, имевшей репутацию колдуньи. Столкновение привело к глубокой враждебности с ее стороны. Дон Хуан пользовался моим страхом этой женщины, как мотивировкой для того, чтобы продолжать учение, утверждая, что я должен учиться дальше магии для того, чтобы защищать себя от ее магических нападений. Конечный результат его «хитрости» был столь убедительным, что я искренне почувствовал, что не имею никакого другого выхода, как только учиться все больше и больше, если только хочу остаться в живых.

— Если ты хочешь пугать меня опять этой женщиной, то я просто не приеду больше, — сказал я.

Смех дон Хуана был очень веселым.

— Не горюй, — сказал он ободряюще. — Трюки со страхом больше не пройдут с тобой. Ты больше не боишься. Но если понадобится, то к тебе можно применить хитрость где угодно. Тебе даже не надо присутствовать при этом.

Он заложил руки за голову и лег спать. Я работал над своими записями, пока он не проснулся через пару часов. К этому времени стало почти темно. Заметив, что я писал, он сел прямо и, улыбаясь, спросил меня, выписался ли я из своей проблемы.

23 мая 1968 г.

Мы разговаривали об Оаксаке. Я рассказал дону Хуану, что однажды я прибыл в этот город в базарный день, день, когда толпы индейцев со всей округи стекаются в город, чтобы продавать пищу и разного рода мелочи.

Я упомянул, что особо заинтересовался человеком, продающим лекарственные растения. Он носил деревянный лоток, в котором был целый ряд баночек, маленьких, с сухими толчеными растениями; он стоял посреди улицы, держа одну баночку и выкрикивая очень забавную песенку:

«Состав против мух, комаров и клещей.

Составы для коз, коров, лошадей и свиней.

Лекарства от всех болезней людей.

Исцеляют кашель, прострел, ревматизм и угри.

Есть лекарства для печени, сердца, желудка, груди.

Подходите ближе, леди и джентельмены.

Состав против мух, блох, комаров и клещей.»

Я долгое время слушал его. Его реклама состояла из длинного перечня человеческих болезней, против которых, как он утверждал, у него есть целебные средства; для того, чтобы придать ритм своей песенке, он делал паузу после перечисления каждых четырех болезней.

Дон Хуан тоже продавал лекарственные растения в Оаксаке, когда был молодым. Он сказал, что еще помнит свою рекламную песенку, и прокричал ее мне. Он сказал, что со своим другом Висентом они обычно составляли дуэты.

Я рассказал дону Хуану, что во время одной из своих поездок по Мексике, я встретил его друга Висента. Дон Хуан, казалось, был удивлен и захотел узнать об этом побольше.

Я ехал через дуранго в тот раз и вспомнил, что дон Хуан рассказывал мне однажды, что когда-нибудь мне надо будет повидать его друга, который жил в этом городке. Я поискал его и нашел и некоторое время с ним разговаривал. Перед моим отъездом он дал мне сетку с несколькими растениями и серию наставлений относительно того, как посадить их.

По пути в город агуас кальентес я остановил машину. Я убедился, что вокруг никого нет. По крайней мере в течение 10 минут я следил за дорогой и окружностью. В виду не было ни одного дома и никакого скота, пасущегося вблизи дороги. Я остановился на вершине небольшого холма, отсюда я мог наблюдать всю дорогу впереди и позади меня. Она была пустынна в обоих направлениях настолько, насколько я мог ее видеть.

Я подождал несколько минут, чтобы сориентироваться и вспомнить инструкции дона Висента.

Я взял одно из растений, прошел на кактусовое поле на краю дороги и посадил его там, как сказал мне дон Висент. У меня была с собой бутылка минеральной воды, которой я намеревался полить растение. Я попытался открыть ее, отбив горлышко железкой, которой я копал яму, и осколок стекла задел мою верхнюю губу, заставив ее кровоточить.

Я пошел назад к машине за другой бутылкой минеральной воды. Когда я вынимал ее из багажника, около меня остановился автомобиль «фольксваген», и водитель спросил, не нужна ли мне помощь. Я сказал, что все в порядке, и он уехал. Я вернулся полить растение, а затем сразу пошел назад к своей машине.

Когда я был от нее метрах в 30, то внезапно услышал голоса. Я поспешил по склону на шоссе и увидел около машины троих мексиканцев — двух мужчин и одну женщину. Один из мужчин сидел на переднем бампере. Ему, пожалуй, было около 40 лет; он был среднего роста с черными вьющимися волосами. На спине он нес сверток; на нем были старые брюки и изношенная розоватая рубашка. Его ботинки были не завязаны и, пожалуй, слишком велики для него. Они казались хлябающими и неудобными. Он обливался потом. Другой мужчина стоял метрах в шести от машины. Он был более тонкокостный, чем первый, и ниже его. Его волосы были прямые и зачесаны назад. Он нес за спиной сверток поменьше и был старше, пожалуй, лет под пятьдесят. Он совсем не вспотел и казался отрешенным и незаинтересованным.

Женщине, казалось, тоже было за сорок. Она была толстая и темная. Одета она была в черную юбку, белый свитер и остроконечные туфли. У ней не было свертка, но был транзисторный приемник. Она казалась очень усталой и лицо ее было покрыто каплями пота.

Когда я подошел, то женщина и мужчина помоложе обратились ко мне. Они хотели, чтобы их подвезли. Я сказал им, что у меня в машине нет места. Я показал им, что заднее сиденье у меня полностью загружено, и места действительно совсем не оставалось. Мужчина предложил, что если я поеду медленно, то они могут примоститься на заднем бампере или ехать, лежа на переднем капоте. Я посчитал эту идею невыполнимой. Однако, в их просьбе была такая срочность, что я почувствовал себя очень неудобно. Я дал им денег на автобусные билеты.

Мужчина помоложе взял деньги, поблагодарив меня, но старший с неприязнью повернулся ко мне спиной.

— Я хочу, чтобы меня подвезли, — сказал он. — я не заинтересован в деньгах.

Затем он повернулся ко мне:

— Можете вы дать нам немного пищи и воды? — спросил он.

У меня действительно нечего было им дать. Они постояли немного, глядя на меня, а затем пошли прочь.

Я залез в машину и попытался завести мотор. Жара была очень сильной, и я, видимо, перекачал бензин. Мужчина помоложе остановился, услышав скрежет стартера, вернулся назад и встал позади машины, готовый подтолкнуть ее. Я чувствовал огромное неудобство. Я начал загнанно дышать. Наконец, мотор заработал, и я укатил.

После того, как я окончил свой рассказ, дон Хуан долго молчал.

— Почему ты не рассказал мне об этом раньше? — спросил он, не глядя на меня.

Я не знал, что сказать. Я пожал плечами и сказал ему, что никогда не считал, что тут есть что-либо важное. — это чертовски важно, — сказал он. — Висент — первоклассный маг. Он дал тебе что-то посадить, потому что у него были на это свои причины. И если ты встретил трех человек, которые, казалось, выскочили из ниоткуда, сразу после того, как ты посадил это, то этому также была своя причина. Но только такой дурак, как ты, не обратит на инцидент внимания и будет считать, что ничего важного не было.

Он захотел узнать точно, что именно имело место, когда я навестил Висента.

Я рассказал ему, что я ехал через город и проезжал базар. Мне пришла в голову мысль взглянуть на дона Висента. Я прошел на базар и подошел к ряду, где торговали лекарственными растениями. Там было три стола в ряд, но торговали там три толстые женщины. Я прошел до конца прохода и обнаружил еще одну стойку за углом. Там я увидел тощего тонкокостного седого мужчину. В этот момент он продавал женщине птичью клетку.

Я подождал, пока он не освободился и затем спросил, не знает ли он дона Висента Медрано. Он смотрел на меня, не отвечая.

— Что вы хотите от этого Висента Медрано? — спросил он наконец.

Я сказал, что я пришел навестить его от его друга и назвал ему имя дона Хуана. Старик секунду смотрел на меня, а затем он сказал, что он и есть Висент Медрано и что он к моим услугам. Он попросил меня сесть. Он, казалось, был доволен, очень расслаблен и искренне дружелюбен. Я сказал ему о моей дружбе с доном Хуаном. Я почувствовал, что между нами тут же возникли узы симпатии. Он сказал, что знает дона Хуана с тех пор, как им обоим было по 20 лет. У дона Висента были только слова похвалы о доне Хуане. К концу нашего разговора он сказал с дрожью в голосе:

— Дон Хуан — истинный человек знания. Сам я лишь немного занимался силами растений. Я всегда интересовался их лечебными свойствами. Я даже собирал ботанические книги, которые продал лишь недавно.

Минуту он молчал. Он пару раз потер свой подбородок. Казалось, он подыскивает нужное слово.

— Можно сказать, что я всего лишь человек лирического знания, — сказал он. — Я не как дон Хуан, мой индейский брат.

Дон Висент молчал еще минуту. Его глаза блестели и смотрели на землю слева от меня. Затем он повернулся ко мне и сказал почти шепотом:

— О, как высоко парит мой индейский собрат.

Дон Висент поднялся. Казалось, наш разговор закончен. Если бы кто-нибудь другой делал утверждения насчет индейского брата, то я принял бы это просто за дешевое клише. Однако, тон дона Висента был столь искренен, и глаза его были столь ясны, что он захватил меня картиной его индейского брата, парящего столь высоко. И я поверил, что он сказал именно то, что имел в виду.

— Лирическое знание, — воскликнул дон Хуан, когда я рассказал ему все. — Висент — брухо. Зачем ты пошел навещать его?

Я напомнил ему его слова, что мне надо навестить дона Висента.

— Это абсурд, — воскликнул он драматически, — я сказал тебе — когда-нибудь, когда ты будешь знать, как видеть, ты наведишь моего друга Висента. Вот, что я сказал. Очевидно, что ты не слушал.

Я возразил, что не вижу вреда в том, что навестил дона Висента, что я был очарован его манерами и его добротой. Дон Хуан потряс головой из стороны в сторону, и полуребяческим тоном выразил свое удивление тому, что он назвал моей «слепой удачей». Он сказал, что мой визит к дону Висенту сравним с вхождением в львиную клетку, вооруженному прутиком. Дон Хуан казался возбужденным и, однако же, я никак не видел тому причин. Дон Висент был прекрасный человек. Он казался таким хрупким. Его странно охотящиеся глаза, казалось, делали его почти эфемерным. Я спросил дона Хуана, каким образом такой прекрасный человек может быть опасным.

— Ты неизлечимый дурак, — сказал он и взглянул жестко на секунду. — Сам по себе он не станет причинять тебе никакого вреда. Но знание — это сила. И если человек встал на дорогу знания, то он больше не ответственен за то, что может случиться с теми, кто входит с ним в контакт. Ты должен был навестить его тогда, когда узнаешь достаточно, чтобы защитить себя; не от него, но от той силы, которую он сконцентрировал и которая, кстати, не принадлежит ни ему и никому другому. Услышав, что ты мой друг, Висент заключил, что ты можешь защитить себя и сделал тебе подарок. Вероятно, ты ему понравился, и он сделал тебе великий подарок, а ты не воспользовался им. Какая жалость.

24 мая 1968 г.

Я надоедал дону Хуану почти весь день, прося, чтобы он рассказал мне о подарке дона Висента. Я самыми различными способами показывал ему, что он должен учесть различия между нами; то, что само собой понятно для него, может быть совершенно невоспринимаемым для меня.

— Сколько растений он тебе дал? — спросил он меня наконец. Я сказал — четыре, но в действительности я не запомнил. Тогда дон Хуан захотел узнать точно, что произошло после того, как я покинул дона Висента и до того, как я остановился у дороги.

— Важно количество растений, а также порядок событий, — сказал он. — как я могу тебе сказать, что это был за подарок, если ты не помнишь того, что случилось.

Я безуспешно пытался визуализировать последовательность событий.

— Если бы ты помнил все, что случилось, — сказал он, — то я, по крайней мере, мог бы тебе сказать, как ты отбросил свой подарок.

Дон Хуан, казалось, был очень расстроен. Он нетерпеливо торопил меня вспомнить, но память моя была совершенно пуста.

— Как ты думаешь, что я сделал неправильно, дон Хуан? — сказал я просто для того, чтобы продолжить разговор.

— Все.

— Но я следовал инструкциям дона Висента буквально.

— Что ж из этого? Разве ты не понимаешь, что следовать его инструкциям было бессмысленно?

— Почему?

— Потому что эти инструкции были для того, что умеет видеть, а не для идиота, который вырвался из ситуации, не потеряв свою жизнь только благодаря везению. Ты приехал повидать Висента без подготовки. Ты ему понравился, и он сделал тебе подарок. И этот подарок легко мог стоить тебе жизни.

— Но зачем же он дал мне что-то столь серьезное? Если он маг, то он должен был бы знать, что я ничего не знаю.

— Нет, он не мог этого увидеть. Ты выглядишь так, как будто ты знаешь, но в действительности ты знаешь не много.

Я сказал, что искренне убежден, что нигде ничего не строил из себя, по крайней мере, сознательно.

— Я не это имею в виду, — сказал он. — если бы ты что-то из себя строил, то Висент увидел бы это. Когда я вижу тебя, то ты выглядишь для меня так, как если бы ты знал очень многое, и, однако, я сам знаю, что это не так.

— Что я казалось бы знаю, дон Хуан?

— Секреты силы, конечно; знание брюхо. Поэтому, когда Висент увидел тебя, то он сделал тебе подарок, а ты действовал с этим подарком, как собака действует с пищей, когда брюхо ее полно. Собака ссыт на пищу, когда она не хочет больше есть, для того, чтобы другие собаки не съели ее. Так и ты поссал на подарок. Теперь мы никогда не узнаем, что имело место в действительности. Ты многое потерял. Какая жалость.

Некоторое время он был спокоен. Затем передернул плечами и улыбнулся.

— Нет пользы от жалости, — сказал он. — Подарки силы встречаются в жизни так редко; они уникальны и драгоценны. Возьми, например меня; никто никогда не давал мне таких подарков. И я знаю очень немного людей, которые когда-либо получали такой подарок. Бросаться чем-то столь уникальным — стыдно.

— Я вижу, что ты хочешь сказать, дон Хуан, — сказал я. — Есть ли что-либо, что я могу сделать, чтобы выручить подарок?

Он засмеялся и несколько раз повторял: «вернуть подарок».

— Это звучит здорово, — сказал он. — мне это нравится. Однако, нет ничего, что бы можно было сделать, чтобы вернуть твой подарок.

25 мая 1968г.

Сегодня дон Хуан потратил почти все время на то, чтобы показать мне, как собирать простые ловушки для маленьких животных. Почти все утро мы срезали и очищали ветки. У меня в голове вертелось множество вопросов. Я пытался говорить с ним, пока мы работали, но он пошутил, сказав, что из нас двоих только я могу одновременно двигать и руками, и ртом. Наконец, мы сели отдохнуть, и я взорвался вопросами:

— Что это такое значит видеть, дон Хуан?

Он стал говорить о видении, как о процессе, независимом от олли и от техники магии. Маг было лицо, которое могло командовать олли и, таким образом, манипулировать олли себе на пользу. Но тот факт, что маг командует олли, не означал, что он может видеть. Я напомнил ему, что он говорил раньше, что невозможно видеть, если не имеешь олли. Дон Хуан спокойно заметил, что он пришел к выводу, что возможно видеть и не командовать олли. Он

чувствовал, что нет никакой причины, почему бы не так; потому что виденье не имеет ничего общего с манипуляционной техникой магии, которая служит лишь для того, чтобы воздействовать на окружающих людей.

— Как это так, что техника виденья не воздействует на окружающих людей, дон Хуан?

— Я уже говорил тебе, что виденье — это не магия. И однако же, их легко спутать, потому что человек, который видит, может научиться управлять олли и стать магом практически сразу, не затратив нисколько времени. С другой стороны, человек может научиться определенной технике для того, чтобы командовать олли и таким образом стать магом, и все же он может никогда не научиться видеть. К тому же виденье противоположно магии. Виденье дает понять неважность всего этого.

— Неважность чего, дон Хуан?

— Неважность всего.

Дон Хуан бросил весь этот разговор, сказав, что виденье, о котором он говорит, — это не простое смотрение на вещи и что мое непонимание произрастает из моей настойчивости говорить.

Несколько часов спустя дон Хуан опять вернулся к теме олли. Я чувствовал, что его каким-то образом раздражают мои вопросы, поэтому я больше не нажимал на него. Он тогда показывал мне, как делать ловушку для кроликов; мне надо было держать длинную палку и сгибать ее насколько можно сильнее, так, чтобы он мог привязать к концам палки шнур. Палка была довольно тонкой, но все же требовалась значительная сила, чтобы согнуть ее. Мои руки и голова дрожали от напряжения, и я почти выдохся к тому времени, как он привязал, наконец, шнур.

Мы уселись, и он начал говорить. Он сказал, что ему ясно, что я ничего не могу уразуметь до тех пор, пока не обговорю это, и поэтому он не возражает против моих вопросов и собирается рассказать мне об олли.

— Олли не в дымке, — сказал он. — дымок берет тебя туда, где находится олли, а когда ты станешь с олли одним целым, то тебе больше не понадобится курить. С этих пор ты сможешь призывать своего олли по желанию и заставлять его делать все, что пожелаешь. Олли не плохие и не хорошие, но используются магами для той цели, для которой они найдут их пригодными. Мне нравится дымок, как олли, потому что он не требует от меня многого. Он постоянен и честен.

— Каким ты видишь олли, дон Хуан? Те трое людей, которых я, например, видел, выглядели для меня обычными людьми; как бы они выглядели для тебя?

— Они выглядели бы обычными людьми.

— Но тогда как же ты можешь отличить их от обычных людей?

— Обычные люди выглядят светящимися яйцами, когда ты видишь их. Не люди всегда выглядят, как люди. Вот что я имел в виду, когда сказал, что ты не можешь увидеть олли. Олли принимают разную форму. Они выглядят, как собаки, койоты, птицы, даже как репейники или что угодно другое. Единственное различие в том, что когда ты видишь их, то они выглядят совершенно так, как то, форму чего они принимают. Все имеет свою собственную форму бытия, когда ты видишь. Точно также, как люди выглядят яйцами, другие вещи выглядят, как что-либо еще, но олли можно видеть только в той форме, которую они изображают. Эта форма достаточно хороша, чтобы обмануть глаза, наши глаза то есть. Собака никогда не обманется и точно также ворона.

— Но зачем они хотят нас обманывать?

— Я считаю нас шутами. Мы обманываем сами себя. Олли просто принимают внешнюю форму того, что есть вокруг, а затем мы принимаем их за то, чем они не являются. Не их вина, что мы приучили наши глаза только смотреть на вещи.

— Мне не ясна их функция, дон Хуан. Что делают олли в мире?

— Это все равно, что спросить меня, что мы, люди, делаем в мире. Я действительно не знаю. Мы здесь, и это все. И олли здесь также, как мы; и, может быть, были здесь и до нас.

— Что ты хочешь этим сказать, дон Хуан: «до нас»?

— Мы, люди, не всегда были здесь.

— Ты имеешь в виду здесь в стране или здесь в мире?

Мы вошли в длительный спор. Дон Хуан сказал, что для него существует только один мир — то место, куда он ставит свои ноги. Я спросил его, откуда он знает, что мы не всегда были в мире.

— Очень просто, — сказал он. — мы, люди, очень мало знаем о мире. Койот знает намного больше нас. Койот едва ли когда-нибудь обманывается внешним видом мира.

— Как же мы тогда ухитряемся их ловить и убивать? — спросил я. — Если они не обманываются внешним видом, то как же они так легко умирают?

Дон Хуан смотрел на меня до тех пор, пока я не почувствовал замешательства.

— Мы можем поймать или отравить, или застрелить койота, — Сказал он, — он для нас легкая жертва, потому что он не знаком с манипуляциями человека. Однако, если койот выживет, то можешь быть уверен, что мы его не поймаем во второй раз. Хороший охотник знает это и никогда не ставит свои ловушки дважды на одно и то же место. Потому что, если койот умер в ловушке, то каждый койот может видеть его смерть, которая остается там и далее, и, таким образом, они будут избегать ловушки или даже всего того места, где она была поставлена. Мы, с другой стороны, никогда не видим смерти, которая остается на том месте, где умер один из окружающих нас людей; мы можем догадываться о ней, но мы никогда ее не видим.

— Может ли койот видеть олли?

— Конечно.

— Как выглядит олли для койота?

— Мне нужно было бы быть койотом, чтобы знать это. Я могу сказать тебе, однако, что вороне это видится подобно остроконечной шапке. Круглая и широкая внизу, оканчивающаяся острым концом. Некоторые из них светятся, но большинство тусклые и кажутся мрачными. Они походят на мокрый кусок ткани. Они являются предвещающими призраками.

— Как они выглядят, когда вы видите их, дон Хуан?

— Я сказал тебе уже; они выглядят, как будто притворяются. Они принимают любой размер или форму, которые подходят им. Они могут принять форму камня или горы.

— Разговаривают ли они, слышат ли, или производят ли они какой-нибудь шум?

— В обществе людей они ведут себя, как люди. В обществе животных они ведут себя подобно животным. Животные обычно боятся их; однако, если они привыкают к виду олли, они оставляют их одних. Мы сами делаем нечто подобное. Мы имеем множество олли среди нас, но мы не беспокоим их. Так как наши глаза могут только видеть вещи, мы не замечаем их.

— Это значит, что некоторые из людей, которых я вижу на улице, на самом деле не являются людьми? — спросил я, поистине сбитый с толку его утверждением.

— Да, некоторые не являются, — сказал он выразительно.

Его утверждение показалось мне несообразным, и я все еще не мог принять всерьез слова дона Хуана, полагая, что они рассчитаны на эффект. Я сказал ему, что это звучит, как научно-фантастический рассказ о существах с других планет. Он ответил мне, что он не беспокоится о том, как это звучит, но некоторые люди на улице не являются людьми.

— Почему ты должен думать, что каждое лицо в движущейся толпе является человеческим существом? — спросил он с самым серьезным видом.

Я в самом деле не мог объяснить почему, за исключением того, что привык верить в это, как в акт непреложной веры с моей стороны.

Он продолжал дальше, что часто он охотно наблюдал в оживленных местах скопления людей, и мог видеть иногда толпу людей, которые выглядели наподобие яиц, и среди массы яйцеподобных существ он мог заметить только одного, который выглядел, как человек.

— Очень приятно заниматься этим, — сказал он, смеясь, — или, по крайней мере, приятно для меня. Я люблю сидеть в парках и на автостанциях и наблюдать. Иногда я могу сразу же заметить олли, в другое время я вижу только настоящих людей. Однажды я увидел двух олли, сидящих в автобусе бок о бок. Только один раз в жизни я видел двух олли вместе.

— Это имело для тебя особое значение, увидеть двух?

— Конечно. Все, что они делают, имеет значение. Из их действий брухо может иногда извлечь свою силу. Даже если брухо не имеет своего собственного олли, коль скоро он знает, как видеть, он может получить силу, наблюдая действия олли. Мой бенефактор научил меня этому, и за несколько лет до того, как я стал иметь своего собственного олли, я отыскивал олли в толпах людей и каждый раз видел одного, который учил меня чему-нибудь. Ты нашел трех вместе. Какой великолепный урок ты прозевал.

Больше он ничего не говорил, пока мы не кончили собирать кроличьи ловушки. Потом он повернулся ко мне и сказал вдруг, как будто бы он только что вспомнил, что другая важная вещь, относящаяся к олли, это то, что если он видел двух олли, это всегда были два одного и того же вида. Два олли, которых видел он, были мужчинами, сказал он; и из того, что я видел двух мужчин и одну женщину, он заключил, что мой опыт был особенно необычным.

Я спросил его, могут ли олли принимать вид детей; могут ли дети быть одного или разных полов; могут ли олли изображать людей различных рас; могут ли они иметь вид семьи, состоящей из мужчины, женщины и ребенка; и, наконец, я спросил его, может ли олли иметь вид человека, управляющего автомобилем или автобусом.

Дон Хуан ничего не отвечал на это. Он улыбался, пока я говорил все это. Когда он услышал мой последний вопрос, то он расхохотался и сказал, что я неосторожен со своими

вопросами, что более уместным было бы спросить, видел ли он когда-нибудь олли, управляющего автомобилем.

— Ты не забыл про мотоциклы, да? — спросил он с предательским блеском в глазах. Я нашел его насмешки над моими вопросами забавными и не обидными и засмеялся вместе с ним.

Затем он объяснил, что олли не могут принимать руководство действиями или воздействовать на что-либо прямо; однако они могут воздействовать на человека косвенно. Дон Хуан сказал, что приходить в контакт с олли опасно, так как олли могут вывести наружу самое худшее, что есть в человеке. Ученичество здесь бывает долгим и трудным, сказал он, потому что необходимо свести к минимуму все, что не является необходимым в жизни для того, чтобы выдержать нагрузку такой встречи. Дон Хуан сказал, что его бенефактор, когда он впервые пришел в контакт с олли, был вынужден обжечься и получил такие шрамы, как будто горный лев нападал на него. Что касается его самого, сказал дон Хуан, так олли толкнул его в кучу горящих углей, и он немного обжег колено и лопатку, но шрамы исчезли со временем, когда он стал с олли одним целым.

3

10 июня 1968 г.

Я отправился с доном Хуаном в дальнейшее путешествие, чтобы участвовать в митоте. Я несколько месяцев уже ждал такой возможности, однако я не был окончательно уверен, что я хочу ехать. Я думал, что мои колебания были вызваны страхом, что на митоте я буду вынужден глотать пейот, а у меня совсем не было такого намерения. Я неоднократно разъяснял свои чувства дону Хуану. Сначала он терпеливо смеялся, но, наконец, он твердо заявил, что не желает слушать больше ни одного слова о моих страхах.

Настолько, насколько я знал, митот был идеальным полигоном для того, чтобы я мог проверить ту свою схему, которую я составил. Я все-таки так и не бросил полностью свою идею о скрытом лидере на таких сборищах. Каким-то образом у меня была мысль, что дон Хуан отбросил мою идею из каких-то своих собственных соображений, поскольку он стремился объяснить все, что имеет место на митотах, в терминах виденья. Я думал, что мой интерес в том, чтобы найти подходящее объяснение в своих собственных терминах, не соответствовал тому, что он хотел от меня, поэтому ему и пришлось отбросить мои выводы, как он привык делать со всем тем, что не подтверждало его систему.

Как раз перед тем, как мы отправились в путешествие, дон Хуан облегчил мои сомнения относительно поедания пейота, сказав, что я буду присутствовать на встрече только для того, чтобы наблюдать. Я почувствовал подъем. В то время я был почти уверен, что раскрою скрытую процедуру, при помощи которой участники приходят к согласию.

Время шло уже к вечеру, когда мы отправились. Солнце почти коснулось горизонта; я чувствовал его на своей шее и жалел, что у меня нет венецианской шторки на заднем стекле машины. С вершины холма я мог смотреть вниз на огромную равнину; дорога была похожа на черную ленту, расстеленную на земле, вверх и вниз по бесчисленным холмам. Я за секунду проследил ее глазами прежде, чем мы начали спускаться, она бежала прямо на юг и исчезала за рядом низких гор на горизонте.

Дон Хуан сидел спокойно, глядя прямо вперед. Долгое время мы не проронили ни слова. Мне было неудобно от жары в автомобиле. Я открыл все окна, но это не помогло, потому что день был исключительно жарким. Я чувствовал себя исключительно раздраженным и беспокойным. Я стал жаловаться на жару.

Дон Хуан сделал гримасу и взглянул на меня испытующе.

— В это время года повсюду в Мексике жарко, — сказал он, — с этим ничего нельзя поделать.

Я не смотрел на него, но знал, что он следит за мной. Машина набрала скорость, скользя вниз по склону. Я смутно увидел дорожный знак «vado» — выбоина. Когда я действительно увидел ухаб, я ехал слишком быстро и, хотя я сбросил скорость, мы все же ощутили его и подскочили на сиденьях. Я значительно уменьшил скорость; мы ехали через местность, где скот свободно пасется по сторонам дороги, местность, где труп лошади или коровы, сбитой автомобилем, был обычным явлением. В одном месте мне пришлось остановиться совсем, чтобы позволить лошади перейти дорогу.

Я стал еще более беспокоен и раздражителен. Я сказал дону Хуану, что это жара; я сказал ему, что мне всегда не нравилась жара, с самого детства, потому что каждое лето я чувствовал духоту и едва мог дышать.

— Но теперь ты не ребенок, — сказал он.

— Жара все еще удушает меня.

— Что ж, голод обычно душил меня, когда я был ребенком, — сказал он мягко. — Быть очень голодным — это единственное, что я знал, будучи ребенком, или же мне случалось наесться так, что я раздувался и не мог дышать. Но это было, когда я был ребенком. Теперь я не могу задышаться и не могу раздуться, как головастик, когда я голоден.

Я не знал, что сказать. Я забирался в неверную позицию. Итак, вскоре мне придется отстаивать такие точки зрения, до которых мне в действительности нет никакого дела. Жара была не настолько уж нестерпима. Что меня удручало на самом деле, так это перспектива вести машину несколько тысяч миль до цели нашего путешествия. Я чувствовал раздражение при мысли, что придется утомляться.

— Давай остановимся и купим что-нибудь поесть, — сказал я. — Может быть, когда солнце сядет, такой жары не будет.

Дон Хуан взглянул на меня, улыбаясь, и сказал, что в течение длительного отрезка времени не будет ни одного городка и что он понимает мою политику, которая состоит в том, чтобы не есть ничего в придорожных буфетах.

— Разве ты больше не боишься дизентерии? — спросил он.

Я знал, что это его сарказм, однако, он сохранял вопросительный и в то же время серьезный взгляд.

То, как ты поступаешь, — сказал он, — наводит на мысль, что дизентерия так и рыскает вокруг, ожидая, когда ты выйдешь из машины, чтобы наброситься на тебя. Ты в ужасном положении: если тебе удастся убежать от жары, то тебя наверняка поймают дизентерия.

Тон дон Хуана был настолько серьезен, что я начал смеяться. Затем мы долгое время ехали молча. Когда мы прибыли на стоянку автомашин под названием Лос Видриос — стекло, — было уже темно.

Дон Хуан закричал из машины:

— Что у вас есть сегодня на ужин?

— Свиная, — крикнула женщина изнутри.

— Ради тебя я надеюсь, что свинья попала под машину сегодня, — смеясь сказал мне дон Хуан.

Мы вышли из машины. Дорога с обеих сторон была ограждена цепями низких гор, которые казались застывшей лавой какого-то гигантского вулканического извержения. В темноте черные, зубчатые силуэты пиков на фоне неба казались огромными угрожающими осколками стекла.

Пока мы ели, я сказал дону Хуану, что увидел причину того, что это место называется «стекло». Я сказал, что мне ясно, что это название обязано форме гор, похожих на огромное стекло.

Дон Хуан сказал убежденно, что место называется Лос Видриос, потому что грузовик со стеклом перевернулся на этом месте, и битое стекло долгие годы оставалось здесь валяться.

Я чувствовал, что он шутит, и попросил его сказать мне, действительно ли причина названия была в этом.

— Почему ты не спросишь кого-нибудь из местных? — спросил он.

Я спросил человека, который сидел за соседним столиком.

Он извиняющимся тоном сказал, что не знает. Я пошел на кухню и спросил женщин, бывших там, знают ли они, но все они не знали; просто это место, мол, называется «стекло».

— Я полагаю, что я прав, — сказал дон Хуан. — мексиканцы не одарены способностью замечать вещи вокруг себя. Я уверен, что они не могли заметить стеклянных гор, но они наверняка могли оставить гору битого стекла валяться несколько лет.

Оба мы нашли картину забавной и рассмеялись. Когда мы кончили есть, дон Хуан спросил меня, как я себя чувствую. Я сказал, хорошо, но на самом деле я чувствовал какую-то неловкость. Дон Хуан пристально посмотрел на меня и, казалось, заметил мое чувство неудобства.

— Раз ты приехал в Мексику, ты должен отложить все свои любимые страхи прочь, — сказал он очень жестко. — твое решение приехать должно было развеять их. Ты приехал потому, что ты хотел приехать. Это путь воина. Я говорю тебе вновь и вновь: самый эффективный способ жить — это жить, как воин. Горюй и думай прежде, чем ты сделаешь какое-либо решение, но если ты его сделал, то будь на своем пути свободным от забот и мыслей. Будет миллион других решений еще ожидать тебя. В этом путь воина.

— Я думаю, что так и делаю, дон Хуан; хотя бы временами. Это очень трудно все-таки — продолжать помнить себя.

— Когда вещи становятся неясными, воин думает о своей смерти.

— Это еще труднее, дон Хуан. Для большинства людей смерть — это что-то очень неясное и далекое. Мы никогда о ней не думаем.

— Почему же не думаете?

— Но зачем это нужно?

— Очень просто, — сказал он, — потому что идея смерти — это единственная вещь, которая укрощает наш дух.

К тому времени, как мы покинули лос видриос, было так темно, что зубчатые силуэты гор растворились в небе. Больше часа мы ехали в молчании. Я почувствовал усталость. Казалось, что я не хочу говорить, потому что не о чем разговаривать. Движение было минимальным. Несколько машин прошло нам навстречу. Казалось, что мы были единственными людьми, едущими по шоссе на юг. Мне подумалось, что это странно, и я продолжал поглядывать в зеркало заднего обзора, чтобы увидеть, нет ли других машин, идущих сзади, но их не было.

Через некоторое время я перестал выискивать машины и вновь стал думать о перспективах нашей поездки. Затем я заметил, что свет моих фар слишком яркий по сравнению с темнотой вокруг, и я опять взглянул в зеркало. Сначала я увидел яркое сияние, а затем две иглы света вырвались как бы из-под земли. Это были фары машины на вершине холма позади нас. Некоторое время они были видны, затем исчезли в темноте, как если бы они были выключены; через секунду они появились на другом бугре, а затем исчезли вновь. Я долгое время следил за их появлениями и исчезновениями. Раз мне стало видно, что машина нагоняет нас. Она определенно приближалась. Огни были больше и ярче. Я стал нажимать сильнее на педаль газа. У меня было чувство неловкости. Дон Хуан, казалось, заметил, на что я обращаю внимание, а, может, он заметил только то, что я увеличиваю скорость. Сначала он взглянул на меня, затем он повернулся и посмотрел на огни фар в отдалении.

Он спросил, все ли со мной в порядке. Я сказал ему, что я долгое время не замечал позади нас никаких машин, и внезапно заметил фары машины, которая нагоняет нас. Он хмыкнул и спросил меня, действительно ли я думаю, что это машина. Я ответил, что это должна быть машина; и он сказал, что мое отношение к этому свету показывает ему, что я, должно быть, как-то почувствовал, что что-то там ни было позади нас, но это больше, чем просто машина. Я настаивал, что, мне кажется, это просто другая машина на шоссе или, может, грузовик.

— Что же еще это может быть? — громко сказал я.

Намеки дона Хуана привели меня на грань срыва.

Он повернулся и посмотрел прямо на меня, затем он медленно кивнул, как если бы измерял то, что собирается сказать.

— Это огни на голове смерти, — сказал он мягко. — смерть надевает их, как шляпу, а затем бросается в галоп. Это огни смерти, несущейся галопом, настигающей нас и становящейся все ближе и ближе.

У меня по спине побежали мурашки. Через некоторое время я вновь взглянул в зеркало заднего обзора, но огней больше не было. Я сказал дону Хуану, что машина, должно быть, остановилась или свернула с дороги. Он не стал смотреть назад, он просто вытянул руки и зевнул.

— Нет, — скачал он, — смерть никогда не останавливается. Иногда она выключает свои огни, только и всего.

Мы приехали в северо-восточную Мексику 13 июня. Две похожие друг на друга женщины, казавшиеся сестрами, и четыре девочки собрались у дверей небольшого саманного дома. Позади дома были пристройка и сарай с двускатной крышей, от которого остались лишь часть крыши и одна стена. Женщины, очевидно, ждали нас; они, видимо, заметили машину по столбу пыли, который она поднимала на грунтовой дороге после того, как несколько миль ранее я свернул с шоссе. Дом находился в глубокой долине, и, если смотреть от него, дорога казалась длинным шрамом, поднимавшимся высоко вверх по склону зеленых холмов.

Дон Хуан вышел из машины и с минуту разговаривал со старыми женщинами. Они показали на деревянные стулья перед дверью. Дон Хуан сделал мне знак подойти и сесть. Одна из старых женщин села с нами; остальные вошли в дом. Две девушки остановились около двери, с любопытством разглядывая меня. Я помахал им. Они хихикнули и убежали внутрь. Через некоторое время вышли двое молодых людей и поздоровались с доном Хуаном. Они не говорили со мной и даже не смотрели на меня. Они коротко что-то рассказали дону Хуану; затем он поднялся, и все мы, включая женщин, пошли к другому дому, вероятно в полумиле от этого.

Там мы встретились с другой группой людей. Дон Хуан вошел внутрь, но мне велел остаться у двери. Я заглянул внутрь и увидел старого индейца примерно в возрасте дона Хуана, который сидел на деревянном стуле.

Было еще не совсем темно. Группа молодых индейцев и индеанок спокойно стояла вокруг старого грузовика около дома. Я заговорил с ними по-испански, но они намеренно избегали

отвечать мне; женщины хихикали каждый раз, когда я что-либо говорил, а мужчины вежливо улыбались и отводили глаза. Казалось, они меня не понимали, и все же я был уверен, что некоторые из них говорят по-испански, так как я слышал их разговор между собой.

Через некоторое время дон Хуан и другой старик вышли наружу, забрались в грузовик и сели рядом с шофером. Это оказалось знаком для всех остальных забраться в кузов. Там не было бокового ограждения, и когда грузовик тронулся, мы все уцепились за длинную веревку, привязанную к крючкам вокруг платформы.

Грузовик медленно двигался по грунтовой дороге. В одном месте на очень крутом склоне он остановился, и все соскочили и пошли за ним; затем двое молодых людей вскочили на платформу и сели на краю, держась за веревку. Женщины смеялись и подбадривали их, чтоб те удерживали свое неустойчивое равновесие.

Дон Хуан и старик, к которому обращались, как к дону Сильвио, шли тоже позади, и им, казалось, не было дела до выкрутасов молодых. Когда дорога выровнялась, все снова забрались на грузовик.

Мы ехали около часа. Пол был исключительно твердым и неудобным, поэтому я стоял и держался за крышу кабинки и ехал таким образом до тех пор, пока мы не остановились перед группой хижин. Там были еще люди. К этому времени стало довольно темно, и я мог разглядеть только нескольких из них в тусклом желтоватом свете керосиновой лампы, которая висела у открытой двери.

Все сошли с машины и смешались с людьми в домах. Дон Хуан опять велел мне оставаться снаружи. Я облокотился о переднее крыло грузовика, и через одну-две минуты ко мне присоединились еще трое молодых людей. Одного из них я встречал четыре года назад на предыдущем митоте. Он обнял меня, взяв за плечи.

— Ты молодец, — прошептал он мне по-испански.

Мы очень тихо стояли около грузовика. Я мог слышать мягкое бульканье ручья поблизости. Мой приятель спросил меня шепотом, нет ли у меня сигарет. Я предложил окружающим пачку. При свете сигареты я взглянул на свои часы. Было 9 часов.

Группа людей вышла из дома вскоре после этого, и трое молодых людей ушли. Дон Хуан подошел ко мне и сказал, что он объяснил мое присутствие здесь к общему удивлению, и что меня приглашают обслуживать водой участников митота. Он сказал, что мы сейчас выходим.

Группа из 10 женщин и 11 мужчин вышла из дома. Их предводитель был довольно кряжистый, лет 45 мужчина. Они называли его «мочо» — прозвище, которое означает — усеченный. Он двигался стремительными твердыми шагами. Он нес керосиновый фонарь и помахивал им из стороны в сторону на ходу. Сначала я думал, что он машет фонарем просто так, затем заметил, что взмахом фонаря он указывает на какое-нибудь препятствие или трудное место на дороге. Мы шли больше часа. Женщины болтали и время от времени смеялись. Дон Хуан и второй старик были во главе процессии, я же был в самом конце ее. Я не спускал глаз с дороги, пытаюсь увидеть, куда ступаю. Прошло уже 4 года с тех пор, как дон Хуан и я были в горах ночью, и я потерял очень много физической выносливости. Я непрерывно спотыкался, и из-под ног у меня летели камни. Мои колени совсем потеряли гибкость; дорога, казалось бросалась на меня, когда я упирался в бугорок, или проваливалась подо мной, когда я наступал в выбоину. Я был самым шумным пешеходом, и это невольно делало из меня клоуна. Кто-нибудь в группе обязательно говорил «ух», когда я спотыкался, и все смеялись. Один раз камень, который я нечаянно пнул ногой, попал в пятку женщине, и она громко сказала ко всеобщему удовольствию: «дайте свечку бедному мальчику». Но последним испытанием для меня было, когда я оступился и вынужден был схватиться за идущего впереди; он чуть не потерял равновесие под моей тяжестью и издал совершенно неадекватный нарочитый визг. Все так смеялись, что группа должна была на время остановиться.

Наконец человек, который был ведущим, махнул своей лампой вверх и вниз. Это, казалось, был знак, что мы прибыли к месту назначения. Справа от меня, неподалеку был темный силуэт низкого дома. Все пришедшие разошлись в разных направлениях. Я искал дону Хуана. Его было трудно найти в темноте. Я некоторое время бродил, шумно натываясь на все, пока не заметил, что он сидит на камне. Он опять сказал мне, что мой долг будет в том, чтобы подносить воду тем, кто участвует в митоте. Этой процедуре он обучил меня уже несколько лет назад. Я помнил каждую деталь, но он настаивал на том, чтоб освежить память и вновь показал мне, как это делается.

Затем мы прошли в заднюю часть дома, где собрались все. Они развели костер. Примерно в 5 метрах от костра был чистый участок, покрытый соломенными циновками. Мочо — человек, который нас вел, сел на циновку первым; я заметил, что у него отсутствует верхняя

половина левого уха, что объясняло причину появления его прозвища. Дон Сильвио сел справа от него, а дон Хуан — слева.

Мочо сидел лицом к огню. Молодой человек приблизился к нему и положил перед ним плоскую корзину с батончиками пейота; затем этот молодой человек сел между мочо и доном Сильвио. Другой молодой человек принес две большие корзинки, поставил их рядом с пейотными батончиками и сел между мочо и доном Хуаном. Затем еще двое молодых людей сели по бокам дона Сильвио и дона Хуана, образовав кружок из семи человек. Женщины остались внутри дома. Обязанностью двоих молодых людей было поддерживать огонь костра всю ночь, а один подросток и я должны были хранить воду, которая должна быть дана семи участникам после их ночного ритуала. Мы с мальчиком сели у камня. Огонь и сосуд с водой находились на равном расстоянии от круга участников.

Мочо — ведущий — запел свою пейотную песню; его глаза были закрыты; его тело покачивалось вверх и вниз. Это была очень длинная песня. Языка я не понимал. Затем все остальные пропели свои пейотные песни. Они, очевидно, не следовали никакому предустановленному порядку. Они явно пели, каждый тогда, когда он чувствовал к этому потребность.

Затем мочо взял корзину с пейотными батончиками, взял два из них и положил ее опять в центре круга. Следующим был дон Сильвио, а затем дон Хуан. Четверо молодых людей, которые, казалось, были отдельной группой, взяли каждый по два батончика по очереди против часовой стрелки.

Каждый из семи участников спел и съел по 2 батончика пейота последовательно 4 раза. Затем они пустили по кругу другие две маленькие корзинки с сухими фруктами и сушеным мясом.

Этот цикл они повторяли в различное время ночи, однако я не смог усмотреть какого-нибудь скрытого порядка в их индивидуальных движениях. Они не разговаривали друг с другом; они скорее были сами по себе и сами для себя. Я ни разу не видел, чтобы кто-нибудь из них хотя бы один раз обратил внимание на то, что делают остальные.

Перед рассветом они поднялись, и мы с молодым парнем дали им воду. После этого я вышел пройтись вокруг, чтобы сориентироваться. Дом был однокомнатной хижинкой, низким саманным сооружением с крышей из хвороста. Окружающий пейзаж был очень подавляющим. Хижина была расположена в холмистой равнине со смешанной растительностью. Кустарники и кактусы росли вперемежку, но деревьев не было совершенно. Я не испытывал желания удалиться от дома.

Утром женщины ушли. Мужчины в молчании передвигались вблизи дома. Около полудня все мы опять сели в том же порядке, как и предыдущей ночью.

Корзина с сушеным мясом, нарезанным на куски такой же величины, что и батончики пейота, пошла по кругу. Некоторые из мужчин пели свои пейотные песни. Через час или около того все они поднялись и разошлись в разные стороны.

Женщины оставили горшок каши для тех, кто следит за огнем и водой. Я немного поел, а затем проспал большую часть второй половины дня.

После того, как стемнело, молодые люди, ответственные за огонь, развели опять костер, и цикл поедания пейота начался вновь. Он примерно шел по тому же порядку, что и предыдущей ночью, и кончился на рассвете.

В течение всей ночи я старался наблюдать и записывать каждое отдельное движение каждого из семи участников в надежде раскрыть малейшую форму видимой системы словесной или бессловесной связи между ними. Однако, в их действиях не было ничего, что указывало бы на скрытую систему.

В начале вечера цикл поедания пейота возобновился опять. К утру я знал, что потерпел полную неудачу в попытках найти ключи, указывающие на скрытого лидера, или раскрыть хоть какую-нибудь форму скрытой коммуникации между ними или какие-либо следы их системы соглашения. Весь остаток дня я сидел, приводя в порядок свои записи.

Когда мужчины собрались опять для четвертой ночи, то я каким-то образом знал, что эта встреча будет последней. Никто ничего об этом не говорил мне, однако я знал, что на следующий день они все разъедутся. Я вновь сел у воды, и каждый занял свое место в том порядке, какой был установлен ранее.

Поведение семи человек в кругу было повторением того, что я видел три предыдущие ночи. Я ушел в наблюдение за их движениями, также, как я делал ранее. Я хотел записать все, что они делали, каждое движение, каждый жест, каждый звук...

В какой-то момент я услышал своего рода гудение в ушах. Это было обычным звоном в ушах, и я не придавал ему значения. Гудение стало громче, однако оно все еще было в границах моих телесных ощущений. Я помню, что стал делить свое внимание между людьми, за которыми я наблюдал, и звуком, который я слышал. Затем в определенный момент лица

людей стали, казалось, ярче; как будто бы включили свет. Но это было не совсем так, как если бы включили электрический свет или зажгли лампу, или как если бы их лица освещал свет костра. Это скорее было похоже на люминисценцию, розовое свечение, очень размытое, но заметное с того места, где я сидел. Гул, казалось, увеличился. Я взглянул на подростка, который был со мной, но тот спал.

К тому времени розовое свечение стало еще более заметным. Я взглянул на дона Хуана. Его глаза были закрыты; так же были закрыты глаза у дона Сильвио и у мочо. Я не мог видеть глаза четырех молодых людей, потому что двое из них склонились вперед, а двое сидели спиной ко мне.

Я еще больше ушел в наблюдение. Однако, я еще полностью не понял, что я действительно слышу гудение и действительно вижу розовое свечение, охватывающее людей. Через минуту я сообразил, что размытый розовый свет и гудение были очень постоянны. Я пережил момент сильнейшего замешательства, а затем мне пришла в голову мысль, ничего общего не имеющая с окружающим и происходящим, как и с той целью, которую я поставил себе, находясь тут. Я вспомнил одну вещь, которую моя мать сказала мне, когда я был ребенком.

Мысль была отвлекающей и очень неуместной; я попытался отогнать ее и вновь заняться наблюдением, но не мог этого сделать. Мысль возвращалась. Она становилась сильнее и более требовательной, и затем я явно услышал голос моей матери, которая позвала меня. Я услышал шлепанье ее тапочек и затем ее смех. Я оглянулся, ища ее. Мне представилось, что благодаря какому-то миражу или галлюцинации я понесусь сейчас во времени и пространстве и увижу ее, но я увидел только сидящего подростка. То, что я увидел его рядом с собой, встряхнуло меня, и я испытал короткий момент легкости и трезвости.

Я опять посмотрел на группу мужчин. Они совсем не изменили своего положения. Однако свет пропал и также пропало гудение у меня в ушах. Я почувствовал облегчение. Я подумал, что галлюцинация, в которой я слышал голос своей матери, прошла. Ее голос был таким ясным и живым. Я вновь и вновь думал, что на мгновение этот голос чуть не поймал меня. Я мельком заметил, что дон Хуан смотрит на меня, но это не имело значения.

Меня гипнотизировало воспоминание о голосе моей матери, позвавшем меня. Я отчаянно старался думать о чем-либо другом. И потом я вновь услышал ее голос так ясно, как если бы она стояла у меня за спиной. Она позвала меня по имени. Я быстро повернулся, но все, что я увидел, так это силуэт хижины и кустов за ней.

То, что я услышал свое имя, привело меня в глубокое замешательство. Я невольно застонал. Я почувствовал себя холодно и очень одиноко и начал плакать. В этот момент у меня появилось ощущение, что я нуждаюсь в ком-то, кто бы обо мне заботился. Я повернул голову, чтобы посмотреть на дона Хуана; он смотрел на меня. Я не хотел его видеть и поэтому закрыл глаза. И тогда я увидел свою мать. Это не был мысленный образ моей матери так, как я обычно о ней думал. Это было ясное видение ее, стоящей рядом. Я почувствовал отчаянье. Я дрожал и хотел убежать. Виденье моей матери было слишком беспокоящим, слишком чуждым тому, что я искал на этом пейотном собрании. Однако не было, пожалуй, способа избежать этого.

Вероятно, я мог бы открыть глаза, если бы действительно хотел, чтоб видение исчезло, но вместо этого я стал его детально рассматривать. Мое рассматривание было больше, чем простое смотрение на нее; это была подсознательная скупуплезность и тщательность. Очень любопытное чувство охватило меня, как если бы это было внешней силой, и я внезапно почувствовал ужасающую тяжесть любви моей матери. Когда я услышал свое имя, я как бы разорвался; память о моей матери наполнила меня нервной и меланхолией, но когда я рассмотрел ее, то я понял, что никогда не любил ее. Это было шокирующее открытие. Мысли и видения хлынули на меня, как обвал. Видение моей матери должно быть тем временем исчезло. Оно более не было важным. Я не был более заинтересован в том, что там делали индейцы. Фактически, я забыл о митоте. Я был погружен в серию необычных мыслей; необычных, потому что это было больше, чем просто мысли; это были законченные единицы ощущений, являвшихся эмоциональными определенными и бесспорными доказательствами истинной природы моих взаимоотношений с моей матерью.

В определенный момент приток этих необычных мыслей прекратился. Я заметил, что они потеряли свою текучесть и свое качество целостных единиц ощущения. Я начал думать о других вещах. Мой мозг запинался. Я подумал о других членах моей семьи, но эти мысли не сопровождались уже видениями. Тогда я взглянул на дона Хуана. Он стоял. Остальные мужчины тоже стояли, и затем они все пошли к воде. Я подвинулся и толкнул паренька, который все еще спал.

Я рассказал дону Хуану всю последовательность моих поразительных видений почти сразу же, как только мы сели в мою машину. Он засмеялся с большим удовольствием и

сказал, что мое видение было знаком, указанием таким же важным, как и мой первый опыт с мескалитом. Я вспомнил, что дон Хуан истолковал те реакции, которые я имел, когда впервые попробовал пейот, как первостепенной важности указания; фактически, благодаря этому он и решил учить меня.

Дон Хуан сказал, что в течение последней ночи митота, мескалит так явно указал на меня, что все были вынуждены повернуться ко мне и поэтому-то он и смотрел на меня, когда я взглянул в его сторону.

Я захотел узнать его истолкование моих видений, но он об этом не хотел говорить. Он сказал, что что бы там я ни увидел — это чепуха по сравнению с указанием.

Дон Хуан продолжал говорить о том, как свет мескалита покрыл меня и как все это увидели.

— Это действительно было кое-что, — сказал он. — я, пожалуй, не мог бы потребовать лучшего знака.

Мы с доном Хуаном явно шли по двум разным перспектам мысли. Он был занят важностью тех событий, которые он истолковывал, как указание, а меня занимали детали того, что я увидел.

— Мне нет дела до указаний, — сказал я, — я хочу знать, что такое случилось со мной.

Он сделал гримасу, как если бы был огорчен, и оставался минуту очень неподвижным и окаменевшим. Затем он взглянул на меня. Его тон был очень полон силы. Он сказал, что единственно важным моментом было то, что мескалит был так благосклонен ко мне и покрыл меня своим светом, и дал мне урок, хотя я не сделал со своей стороны для этого никаких усилий, а просто находился поблизости.

4

4 сентября 1968 года я поехал в Сонору навестить дона Хуана. Выполняя его просьбу, которую он сделал в мой предыдущий визит к нему, я по пути остановился в Ермосильо, чтобы купить ему самогонку из листьев агавы под названием баканора. В этот раз его просьба показалась мне очень странной, поскольку я знал, что он не любит пить, однако я купил четыре бутылки и сунул их в ящик вместе с другими вещами, которые я вез ему.

— Зачем ты купил четыре бутылки? — сказал он, смеясь, когда я открыл ящик. — я просил тебя купить мне одну. Наверно, ты подумал, что баканора для меня, но это для моего внука Люсио, и тебе нужно будет дать это ему, как если б это был твой собственный подарок.

Я встречался с внуком дона Хуана двумя годами раньше; ему было тогда 28 лет. Он был очень высокий — выше 180 см, и всегда был экстравагантно хорошо одет для своих средств и по сравнению с окружающими его. В то время, как большинство индейцев яки носили джинсы, соломенные шляпы и домашнего изготовления сандалии — гарачес, — одежду Люсио составляли дорогой черной кожи жилет со множеством черепаховых пуговиц, техасская ковбойская шляпа и пара сапог с монограммами и ручной отделкой.

Люсио был обрадован получением самогонки и немедленно утащил бутылки в дом, очевидно, чтобы их убрать. Дон Хуан значительно заметил, что никогда не следует прятать напитки и пить их одному. Люсио ответил, что не прячет их, а убирает до того вечера, когда он пригласит своих друзей и выпьет с ними.

Тем же вечером, около семи часов, я вернулся к дому Люсио. Было темно. Я смутно разглядел силуэты двух людей, стоящих под деревом. Это был Люсио и один из его друзей, которые ждали меня и провели в дом при свете карманного фонарика.

Дом Люсио представлял собой саманное неуклюжее сооружение с земляным полом и двумя комнатами. Длинной он был около 12 метров и поддерживался довольно тонкими деревянными стойками из мескайтового дерева. Он имел, как и дома всех индейцев яки, плоскую покатую крышу и рамаду, которая представляет собой своего рода веранду вдоль всей фронтальной части дома. Крыша рамады никогда не бывает покатой; она делается из прутьев, уложенных с промежутками так, что крыша дает достаточно тени и в то же время позволяет воздуху свободно циркулировать.

Когда я вошел в дом, то я включил свой магнитофон, который был у меня в портфеле. Люсио представил меня своим друзьям. Включая дона Хуана, в доме было восемь мужчин. Они сидели кто где в центре комнаты под ярким светом бензиновой лампы, свисавшей с перекладки потолка. Дон Хуан сидел на ящике. Я сел лицом к нему на краю трехметровой скамьи, сделанной из толстой доски, прибитой к двум чурбакам, вкопанным в землю.

Дон Хуан положил свою шляпу на землю рядом с собой. Свет бензиновой лампы делал его короткие седые волосы сверкающе белыми. Я взглянул ему в лицо. Свет также подчеркнул глубокие морщины на его шее и лбу и заставил его выглядеть темнее и старше.

Я взглянул на остальных мужчин. При зеленовато-белом свете бензиновой лампы все они выглядели усталыми и старыми.

Люсио обратился ко всем по-испански и сказал громким голосом, что мы сейчас разопьем бутылку баканоры, которую я привез ему из Ермосильо. Он пошел в другую комнату, принес бутылку, открыл ее и передал ее мне вместе с маленькой жестяной чашкой. Я налил очень немного в чашку и выпил. Баканора оказалась много более густой, чем обычный самогон, да и крепче тоже. Я закашлялся. Я передал бутылку и каждый налил себе небольшую дозу, каждый, за исключением дона Хуана. Он просто взял бутылку и поставил ее перед Люсио, который был последним по кругу.

Все обменялись замечаниями о богатом букете и вкусе содержимого этой бутылки, и все согласились, что напиток, должно быть, приготавливался высоко в горах Чихуахуа.

Бутылка прошла по кругу еще раз. Мужчины облизали губы, повторили свои похвалы и начали живой разговор о заметной разнице между самогоном, изготавливаемым около Гуадалахара и тем, что приходит с высот Чихуахуа.

Во время второго круга дон Хуан опять не пил, и я налил себе лишь на глоток, но все остальные наполнили чашку до краев. Бутылка прошла третий круг и опустела.

— Принеси остальные бутылки, Люсио, — сказал дон Хуан.

Люсио, казалось, колебался, и дон Хуан, как бы невзначай, объяснил остальным, что я привез четыре бутылки для Люсио.

Бениньо, молодой человек в возрасте Люсио, посмотрел на портфель, который я бессознательно поставил позади себя, и спросил, не являюсь ли я продавцом самогона. Дон Хуан сказал, что это не так и что я приехал навестить его.

— Карлос изучает мескалито, и я его учу, — сказал дон Хуан. Все взглянули на меня и вежливо улыбнулись.

Бахеа, дровосек, небольшого роста тощий человек с острыми чертами лица, пристально смотрел на меня секунду, а затем сказал, что кладовщик обвинял меня в том, что я шпион американской компании, которая собирается открыть рудники на земле яки. Все реагировали, как будто не причастны к подобному обвинению. Кроме того, они все недолюбливали кладовщика, который был мексиканцем или, как говорят яки, йори.

Люсио прошел в другую комнату и вернулся с другой бутылкой баканоры. Он открыл ее, налил себе побольше, а затем передал ее по кругу. Разговор перешел на вероятность того, что американская компания обоснуется в Соноре, и о возможных последствиях этого для яки.

Бутылка вернулась к Люсио. Он поднял ее и посмотрел на содержимое: сколько там еще осталось.

— Скажи ему, пусть не горюет, — прошептал мне дон Хуан. — скажи ему, что ты привезешь в следующий раз еще.

Я наклонился к Люсио и заверил его, что в следующий раз я собираюсь привезти ему не менее полудюжины бутылок.

Наконец, разговор, казалось бы, выдохся.

— Почему бы тебе не рассказать ребятам о своей встрече с мескалито? Я думаю, что это будет намного интересней, чем этот никчемный разговор о том, что случится, если американцы придут в Сонору.

— Мескалито — это пейот, дед? — спросил Люсио с любопытством.

— Некоторые зовут его так, — сухо сказал дон Хуан. — я предпочитаю называть его мескалито.

— Эта проклятая штука вызывает сумасшествие, — сказал Хенаро, высокий угловатый мужчина среднего возраста.

— Я полагаю, глупо говорить, что мескалито вызывает сумасшествие, — мягко сказал дон Хуан. — потому что, если бы это было так, то Карлос не говорил бы сейчас с вами тут, а был бы уже в смиренной рубашке. Он принимал его, и взгляните-ка — он здоров. — бахеа улыбнулся и смущенно сказал: «кто может знать?» — и все рассмеялись.

— Тогда взгляните на меня, — сказал дон Хуан. — я знал мескалито почти всю жизнь, и он никогда не повредил мне ни в чем. — Мужчины не смеялись, но было очевидно, что они не принимают его всерьез.

— С другой стороны, — продолжал дон Хуан, — справедливо то, что мескалито сводит людей с ума, как ты сказал, но лишь тогда, когда они приходят к нему, не зная, что они делают.

Эскуере, старик, приблизительно в возрасте дона Хуана, слегка хмыкнул, покачивая головой.

— Что ты хочешь, Хуан, сказать этим «зная»? — спросил он. — Прошлый раз, когда я тебя видел, ты говорил то же самое.

— Люди сходят с ума, когда наглотаются этого пейотного снадобья, — продолжал Хенаро. — Я видел, как индейцы Уичол ели его. Они действовали так, как будто бы у них была горячка. Они дергались, и пердели, и ссали повсюду. Употребляя это проклятое снадобье, можно получить эпилепсию. Именно так сказал мне однажды мистер салас, правительственный инженер. А ведь эпилепсия — это на всю жизнь, заметьте.

— Это значит быть хуже животных, — мрачно добавил Бахеа.

— Ты видел только то у индейцев Уичол, что хотел видеть, Хенаро, — сказал дон Хуан. — например, ты совсем не дал себе труда выяснить у них, что это значит быть знакомым с мескалитом. Насколько я знаю, мескалит никогда никого не сделал эпилептиком. Правительственный инженер — йори, и я сомневаюсь, чтобы йори знал что-либо об этом. Ты, верно, не думаешь, что все те тысячи людей, которые знают мескалит, — сумасшедшие, или не так?

— Они должны быть сумасшедшими или очень близко к тому, чтоб делать подобные вещи, — ответил Хенаро.

— Но если все эти тысячи людей сумасшедшие в одно и то же время, то кто будет делать их работу? Как они ухитряются выжить? — спросил дон Хуан.

— Макарио, который приехал с той стороны — из США — рассказывал мне, что всякий, кто принимает пейотль, отмечен на всю жизнь, — сказал Эскуере.

— Макарио лжет, если он так говорит, — сказал дон Хуан. — я уверен, что он не знает того, о чем говорит.

— Он действительно говорит очень много лжи, — сказал Бениньо.

— Кто такой Макарио? — спросил я.

— Он индеец яки, который живет здесь, — сказал Люсио. — он говорит, что он из Аризоны и что во время войны он был в Европе. Он рассказывает всякое.

— Он говорит, что был полковником, — сказал Бениньо.

Все рассмеялись, и разговор ненадолго перешел на невероятные рассказы Макарио, но дон Хуан вновь вернул его к теме мескалита.

— Если все вы знаете, что Макарио лжец, то как же вы можете верить ему, когда он говорит о мескалите?

— Ты имеешь в виду пейот, дед? — спросил Люсио, как если бы он действительно пытался определить смысл термина.

— Да. Черт возьми.

Тон дон Хуана был острым и резким. Люсио невольно распрямился, и на секунду я почувствовал, что все они испугались.

Затем дон Хуан улыбнулся и продолжал спокойным голосом:

— Разве вы — друзья, — не видите, что Макарио не знает того, о чем говорит? Разве вы не видите, что для того, чтоб говорить о мескалите, нужно знать?

— Опять ты пришел туда же, — сказал Эскуере. — что, черт возьми, значит это знание. Ты хуже, чем Макарио. Тот, по крайней мере, говорит то, что у него на уме, знает он это или не знает. Уже много лет я слышал, как ты говорил, что нам нужно знать. Что нам нужно знать?

— Дон Хуан говорил, что в пейоте есть дух, — сказал Бениньо.

— Я видел пейот в поле, но я никогда не видел ни духов, ни что-либо вроде того, — добавил Бахеа.

— Мескалит похож на дух, пожалуй, — объяснил дон Хуан, — Но чем бы он ни был, это не становится ясно до тех пор, пока не узнаешь о нем. Эскуере жалуется, что я говорю это уже много лет. Что ж, действительно это так. Но не моя вина в том, что вы не понимаете. Бахеа говорил, что тот, кто примет его, становится похож на животное. Что ж, я так не думаю. Для меня те, кто думают, что они выше животных, живут хуже, чем животные. Взгляни на моего внука здесь. Он работает без отдыха. Я бы сказал, что он живет для того, чтобы работать, как мул. И все, что он делает не животного — так это напивается.

Все рассмеялись. Виктор, очень молодой человек, который, казалось, еще не вышел из подросткового возраста, смеялся звонче всех. Элихио, молодой фермер, до сих пор не произнес ни слова. Он сидел на полу справа от меня, опершись спиной на мешки с химическими удобрениями, сложенными внутри дома от дождя. Он был одним из друзей детства Люсио, выглядел сильным и, хотя был ниже Люсио ростом, был более подтянут и лучше сложен.

Элихио, казалось, интересовали слова дон Хуана. Бахеа пытался опять бросить замечание, но Элихио его перебил.

— Каким образом пейот изменил бы все это? — спросил он. — Мне кажется, что человек рожден работать всю свою жизнь, как работают мулы.

— Мескалит меняет все, — сказал дон Хуан. — и, однако же, нам все равно придется работать как и всем остальным, как мулам. Я сказал, что внутри мескалита есть дух, потому

что это что-то вроде духа, что вносит изменения в людей. Дух, который мы можем увидеть и потрогать, дух, который меняет нас, иногда даже против нашей воли.

— Пейот сводит тебя с ума, — сказал Хенаро, — а затем ты, конечно, веришь, что изменился. Верно?

— Как он может изменить нас? — настаивал Элихио.

— Он обучает нас правильному образу жизни, — сказал дон Хуан, — он помогает и защищает тех, кто его знает. Та жизнь, которую вы, ребята, ведете — не жизнь совсем, вы не знаете того счастья, которое проистекает из деланья вещей осознанно. У вас нет защитника.

— Что ты подразумеваешь? — спросил Хенаро обиженно. — у нас есть наш господь Иисус Христос и наша мать Дева, и маленькая дева Гваделупская. Разве они не наши защитники?

— Хорошая куча защитников, — сказал дон Хуан насмешливо. — разве они научили тебя лучшему образу жизни?

— Это потому, что люди их не слушают, — запротестовал Хенаро. — они обращают свое внимание только к дьяволу.

— Если бы они были настоящими защитниками, они бы заставили тебя слушать, — сказал дон Хуан. — если мескалито станет твоим защитником, то тебе придется слушать его, понравится тебе это или нет, потому что ты можешь его видеть, и ты должен следовать тому, что он скажет. Он заставит тебя подходить к нему с уважением. А не так, как вы, ребята, привыкли приближаться к своим защитникам.

— Что ты имеешь в виду, Хуан? — спросил Эскуере.

— Я имею в виду, что для вас прийти к вашим защитникам означает, что одному из вас нужно играть на скрипке в то время, как танцор должен надеть свою маску и наколенники и греметь и танцевать в то время, как остальные из вас пьянствуют <среди индейцев Центральной и Южной Америки католические праздники протекают, как карнавалы с обязательными костюмированными танцами, длящимися иногда несколько дней; танцоры предварительно, как правило, проходят курс обучения в монастырях>. Вот ты, Бениньо, ты был танцором когда-то, расскажи нам об этом.

— Я бросил это через три года, — сказал Бениньо. — это тяжелая работа.

— Спроси Люсио, — сказал Эскуере с сарказмом. — он бросил это дело через неделю.

Все рассмеялись. Все, кроме дон Хуана. Люсио засмеялся явно раздраженно и выпил два огромных глотка баканоры.

— Это не трудно, это глупо, — сказал дон Хуан. — спроси Валенсио, танцора, нравится ли ему танцевать. Ему не нравится. Он привык к этому, и все. Я много лет видел, как он танцует, и каждый раз я видел одни и те же плохо выполняемые движения. Он не гордится своим искусством за исключением тех случаев, когда он говорит о нем. Он не любит его, поэтому год за годом он повторяет одни и те же движения. То, что было плохого в его танцах в самом начале, стало фиксированным. Он не может больше видеть этого.

— Его научили так танцевать, — сказал Элихио. — я тоже был танцором в городе Торим. Я знаю, что танцевать надо так, как тебя учат.

— Во всяком случае Валенсио — это не лучший танцор, — сказал Эскуере. — есть и другие. Как насчет Сакатеки?

— Сакатека — человек знания. Он не относится к тому же классу, что и вы, ребята, — сказал дон Хуан резко. — он танцует, потому что такова склонность его натуры. Все, что я хотел сказать, так это то, что вы, которые не являетесь танцорами, не наслаждаетесь танцем. Может быть, если танец хорошо выполнен, то некоторые из вас получают удовольствие. Однако мало кто из вас настолько знает танец. Поэтому вам остается весьма иллюзорная крошка радости. Вот почему, друзья, все вы пьяницы. Взгляните сюда на моего внука.

— Брось это, дед, — запротестовал Люсио.

— Он не ленив и не глуп, — продолжал дон Хуан, — но что еще он делает, кроме как пьет?

— Он покупает кожаные жилеты, — заметил Хенаро, и все слушатели захохотали.

Люсио выпил еще баканары.

— И как же может пейот изменить все это? — спросил Элихио.

— Если б Люсио стал искать защитника, — сказал дон Хуан, — то его жизнь изменилась бы. Я не знаю в точности, как именно, но я уверен, что она стала бы иной.

— Он бросит пить, это ты хочешь сказать? — настаивал Элихио.

— Может быть, он бросил бы. Ему нужно что-то еще помимо самогона, чтобы его жизнь стала удовлетворительной. И это что-то, чем бы оно ни было, может быть предоставлено защитником.

— Тогда пейот должен быть очень вкусным, — сказал Элихио.

— Я бы этого не сказал, — сказал дон Хуан.
— Но как же, черт возьми, можно наслаждаться тем, что невкусно? — спросил Элихио.
— Он дает возможность лучше наслаждаться жизнью, — сказал дон Хуан.
— Но если он невкусный, то как же он может заставить нас лучше наслаждаться жизнью?
— настаивал Элихио. — это не имеет смысла.

— Смысл, конечно, есть, — сказал Хенаро с убеждением. — пейот делает тебя сумасшедшим, и, естественно, что ты думаешь, что имеешь лучшее время своей жизни, что бы ты ни делал.

Опять все засмеялись.

— Смысл есть, — продолжал дон Хуан, как ни в чем не бывало, — если вы подумаете о том, как мало мы знаем и как много есть чего видеть. Это брага делает людей безумными. Она подогревает воображение. Мескалито, напротив, обостряет все. Он дает вам возможность видеть все так хорошо. Так хорошо.

Люсио и Бениньо взглянули друг на друга и улыбнулись, как если б они все это уже слышали раньше. Хенаро и Эскуере стали более беспокойными и стали говорить одновременно. Виктор смеялся, покрывая все остальные голоса. Казалось, единственным заинтересованным был Элихио.

— Как может пейот все это сделать? — спросил он.

— В первую очередь, — объяснил дон Хуан, — ты должен захотеть познакомиться с ним. И я думаю, что это самый важный момент. Затем ты должен быть представлен ему, и ты должен встречать его много раз прежде, чем ты сможешь сказать, что знаешь его.

— И что случится тогда? — спросил Элихио.

Хенаро вмешался:

— Ты будешь лазать по крыше, а жопа останется на земле.

Присутствующие покатались от смеха.

— Что случится потом, полностью зависит от тебя самого, — Продолжал дон Хуан, не теряя контроля над собой. — Ты должен приходить к нему без страха, и мало-по-малу он научит тебя, как жить лучшей жизнью.

Наступила длинная пауза. Мужчины, казалось, устали. Бутылка была пуста. Люсио с явным внутренним сожалением принес и открыл другую.

— У Карлоса пейот тоже является защитником? — спросил Элихио шутливым тоном. — я не узнал бы этого, — сказал дон Хуан. — Он принимал его три раза, попроси его рассказать тебе об этом.

Все с любопытством повернулись ко мне, и Элихио спросил:

— Ты действительно принимал его?

— Да. Принимал.

Казалось, дон Хуан выиграл раунд у своих слушателей: они были или заинтересованы в моем рассказе или слишком вежливы, чтобы рассмеяться мне в лицо.

— Он скривил тебе рот? — спросил Люсио.

— Да. У него ужасный вкус.

— Зачем же ты тогда его принимал? — спросил Бениньо.

Я начал рассказывать им, подбирая слова, что для западного человека знание дон Хуана о пейоте является одной из самых захватывающих вещей, какие только можно найти. Я сказал, что все, рассказанное им об этом, верно и что каждый из нас может проверить истину сказанного на самом себе.

Я заметил, что все они улыбаются, как бы скрывая свое отношение. Я пришел в сильное раздражение. Я сознавал свою неуклюжесть в передаче того, что я в действительности имел на уме. Я поговорил еще, но потерял нить и повторял то, что уже сказал дон Хуан. Дон Хуан пришел мне на помощь и спросил ободряюще:

— Ты ведь не искал защитника, когда впервые пришел к мескалито, не так ли?

— Я сказал им, что я не знал, что мескалито может быть защитником и что мною двигало только любопытство и большое желание знать его. Дон Хуан подтвердил, что мои намеренья были безукоризненны и сказал, что из-за этого мескалито оказал благоприятный эффект на меня.

— Но он заставлял тебя пукать и писать по всему помещению, не так ли? — настаивал Хенаро.

Я сказал, что он действительно воздействовал на меня таким образом. Все рассмеялись с облегчением. Я почувствовал, что они стали еще более предубеждены ко мне. Они не казались заинтересованными, кроме Элихио, который смотрел на меня.

— Что ты видел? — спросил он.

Дон Хуан велел пересказать им все или почти все детали моего опыта, поэтому я рассказал последовательность и форму того, что ощутил. Когда я кончил говорить, Люсио сделал замечание:

— Если пейот такой дьявол, то я рад, что никогда не ел его.

— Все так, как я сказал, — сказал Хенаро бахеа. — эта штука делает тебя ненормальным.

— Но Карлос сейчас нормальный, как ты объяснишь это? — спросил дон Хуан у Хенаро.

— Откуда мы знаем, что он нормальный? — ответил Хенаро.

Все рассмеялись, включая дону Хуана.

— Ты боялся? — спросил Бениньо.

— Я, определенно, боялся.

— Тогда зачем ты делал это? — спросил Элихио.

— Он сказал, что хотел знать, — ответил за меня Люсио. — Я думаю, что Карлос собирается стать таким же, как мой дед. Оба говорили, что они хотят знать, но никто не знает, что, черт возьми, они хотят знать.

— Невозможно объяснить это знание, — сказал дон Хуан Элихио, — потому, что оно разное для разных людей. Единственно общим для всех является то, что мескалито раскрывает свои секреты частным образом каждому отдельному человеку. Зная, как чувствует Хенаро, я не рекомендовал бы ему встречаться с мескалитом. И все же, несмотря на мои слова или его чувства, мескалит может оказать полностью благоприятный эффект на него. Но только он может это узнать, и это и есть то знание, о котором я говорю.

Дон Хуан поднялся.

— Время идти домой, — сказал он. — Люсио пьян, а Виктор спит.

Двумя днями позже, 6 сентября, Люсио, Бениньо и Элихио пришли к дому, где я остановился, чтобы пойти со мной на охоту. Некоторое время, пока я продолжал делать свои записи, они хранили молчание. Затем Бениньо вежливо засмеялся, как бы предупреждая, что он собирается сказать нечто важное.

После предварительно нарушенной тишины он засмеялся опять и сказал:

— Вот Люсио говорит, что стал бы глотать пейот.

— Это правда? — спросил я.

— Да, я не возражаю.

Смех Бениньо опять стал спазматическим.

— Люсио говорит, что он будет есть пейот, если ты купишь ему мотоцикл.

Люсио и Бениньо взглянули друг на друга и зашлись смехом.

— Сколько стоит мотоцикл в Соединенных Штатах? — спросил Люсио.

— Вероятно, можно за сто долларов найти, — сказал я.

— Это ведь там не очень много, верно? Ты легко можешь достать один для него, разве не так? — спросил Бениньо.

— Хорошо, но сначала я спрошу у твоего деда, — сказал я Люсио.

— Нет. Нет, — запротестовал он, — ему ты ничего об этом не говори. Он все испортит. Он чудаков. И, кроме того, слабоумный и не знает, что делает.

— Он когда-то был настоящим магом, — добавил Бениньо. — Я хочу сказать, действительно магом. Народ говорит, что он был лучшим. Но он пристрастился к пейоту и стал никто. Теперь он слишком стар.

— И он вновь и вновь повторяет те же крапленые истории о пейоте, — сказал Люсио.

— Этот пейот — чистое жульничество, — сказал Бениньо. — знаешь, мы однажды его попробовали. Люсио утащил целый мешок его у своего деда. Однажды ночью по пути в город мы попробовали его жевать. Сукин сын, он разорвал мне рот на части. По вкусу это прямо ад.

— Вы проглотили его? — спросил я.

— Мы выплюнули его, — сказал Люсио, — и выбросили весь проклятый мешок.

Им обоим случай показался очень забавным. Элихио тем временем не сказал ни слова. У него был отсутствующий, как обычно, вид. Он даже не смеялся.

— Хотел бы ты попробовать его, Элихио? — спросил я.

— Нет. Только не я. Даже за мотоцикл.

Люсио и Бениньо нашли утверждение чрезвычайно забавным и вновь захохотали.

— Тем не менее, — продолжал Элихио, — я должен сказать, что дон Хуан озадачил меня.

— Мой дед слишком стар, чтобы что-либо знать, — сказал Люсио с большим убеждением.

— Да, он очень стар, — эхом отозвался Бениньо.

Я подумал, что мнение, высказанное о доне Хуане молодыми людьми было ребяческим и необоснованным. Я чувствовал своим долгом защитить его, и сказал им, что, на мой взгляд, дон Хуан является также, как и в прошлом, великим магом, может быть, даже величайшим из всех. Я сказал, что чувствую — есть в нем что-то такое действительно необычное. Я

напомнил им, что ему уже за 70, и, тем не менее, он более энергичен и более силен, чем все мы вместе взятые. Я вызывал молодых людей проверить это самим и попробовать следить за доном Хуаном.

— Ты просто не сможешь следить за моим дедом, — сказал Люсио с гордостью. — Он — брухо.

Я напомнил им, что по их же словам, он слишком стар и слабоумен и что слабоумный человек не знает, что происходит вокруг него. Я сказал им, что еще с давних пор я не перестаю поражаться алертностью дона Хуана.

— Никто не может следить за брухо, даже если он стар, — авторитетно сказал Бениньо. — На него все же можно наброситься толпой, когда он спит. Именно это произошло с человеком по имени Севикас, люди устали от его злой магии и убили его.

Я попросил их рассказать все подробности этого случая, но они сказали, что это произошло еще до них или же тогда, когда они были еще совсем маленькими. Элихио добавил, что тайно люди верят, что Севикас был просто дурак и что настоящему магу никто не может причинить вред. Я попробовал расспрашивать дальше об их мнениях по поводу магов, однако, казалось, они не очень-то интересовались этим предметом, к тому же им не терпелось отправиться пострелять из ружья, которое я купил.

Некоторое время по пути к зарослям чаппаралья мы молчали. Затем Элихио, который шел первым, повернулся и сказал мне:

— Может быть, это мы сумасшедшие. Может быть, дон Хуан прав? Посмотри, как мы живем.

Люсио и Бениньо запротестовали. Я пытался вмешаться. Я соглашался с Элихио и сказал им, что я сам чувствовал, что образ жизни, который я веду, в чем-то неправилен. Бениньо сказал, что мне нечего жаловаться на свою жизнь, так как у меня есть деньги и есть машина. Я ответил, что легко могу сказать, что это они лучше живут, так как у них есть по участку земли. Они хором возразили, что хозяином земли является федеральный банк. Я ответил им, что я тоже не владею машиной, что ею владеет банк в Калифорнии, что моя жизнь другая, но не лучше, чем их. К тому времени мы уже были в густых зарослях.

Мы не нашли ни оленя, ни диких свиней, но убили трех кроликов.

На обратном пути мы остановились у дома Люсио, и он провозгласил, что его жена собирается приготовить жаркое из кроликов. Бениньо отправился в магазин, чтобы купить бутылку текилы и содовой воды. Когда он вернулся, то с ним был дон Хуан.

— Уж не нашел ли ты моего деда в магазине, покупающим пиво, — смеясь, спросил Люсио.

— Я не был приглашен на эту встречу, — сказал дон Хуан. — Я просто зашел спросить Карлоса, не едет ли он в Ермосильо?

Я сказал ему, что собирался уехать на следующий день, и пока мы разговаривали, Бениньо роздал бутылки. Элихио дал свою дону Хуану и, поскольку среди яки отказать даже из вежливости значит нанести смертельную обиду, то дон Хуан спокойно взял ее. Я отдал свою бутылку Элихио, и он вынужден был ее взять. Поэтому Бениньо, в свою очередь, дал мен свою бутылку. Но Люсио, который, очевидно, заранее визуализировал всю схему хороших манер яки, уже закончить пить свою содовую. Он повернулся к Бениньо, у которого на лице застыло патетическое выражение, и сказал, смеясь:

— Они надули тебя на бутылку.

— Дон Хуан сказал, что никогда не пил содовую и передал свою бутылку в руки Бениньо. Мы сидели под рамадой в молчании.

Элихио казался нервным. Он теребил края своей шляпы.

— Я думал о том, что ты сказал прошлой ночью, — сказал он дону Хуану. — как может пейот изменить нашу жизнь? Как?

Дон Хуан не отвечал. Он некоторое время пристально смотрел на Элихио, а затем начал петь на языке яки. Скорее, это была не песня даже, а короткое декламирование. Мы долгое время молча. Затем я попросил дона Хуана перевести для меня слова с языка яки.

— Это было только для яки, — сказал он, как само собой разумеющееся.

Я почувствовал себя отвергнутым. Я был уверен, что он сказал что-то очень важное.

— Элихио — индеец, — наконец, сказал мне дон Хуан. — и, как индеец, Элихио не имеет ничего. Мы, индейцы, ничего не имеем. Все, что ты видишь вокруг, принадлежит йори. Яки имеют только свою ярость и то, что земля дает им бесплатно.

Долгое время нико не произнес ни слова, затем дон Хуан поднялся, попрощался и вышел. Мы смотрели на него, пока он не скрылся за поворотом дороги. Все мы, казалось, нервничали. Люсио неуверенным тоном сказал, что его дед ушел, так как ему не нравится жаркое из кролика. Элихио казался погруженным в свои мысли, Бениньо повернулся ко мне и громко сказал:

— Я думаю, что господь накажет тебя и дона Хуана за то, что вы делаете.

Люсио начал хохотать, и Бениньо к нему присоединился.

— Ты паясничаеть, Бениньо, — спокойно сказал Элихио. — то, что ты только что сказал, не стоит и гроша.

15 сентября 1968 г.

Было 9 часов вечера субботы. Дон Хуан сидел перед Элихио на рамаде Люсио. Дон Хуан поставил между собой и им корзину с пейотными батончиками и пел, слегка раскачиваясь вперед и назад.

Люсио, Бениньо и я сидели в полутора — двух метрах позади Элихио, опершись головой о стену.

Сначала было совсем темно. Мы сидели внутри дома под лампой, ожидая дона Хуана. Он вызвал нас на рамаду, когда пришел; и показал, где кому сесть. Через некоторое время мои глаза привыкли к темноте. Я мог ясно видеть каждого. Я увидел, что Элихио казался скованным ужасом. Все его тело тряслось, его зубы непроизвольно стучали. Его тело сотрясалось спазматическими подергиваниями головы и спины.

Дон Хуан обратился к нему, уговаривая его не бояться и довериться защитнику, и не думать ни о чем другом. Он взял пейотный батончик, преподнес его Элихио и велел ему жевать очень медленно. Элихио взвизгнул, как щенок, и распрямился; дыхание его было очень быстрым, оно звучало, как вздохи кузнечных мехов. Он снял шляпу и вытер ею лоб. Он закрыл лицо руками. Я думал, что он плачет. Это был очень долгий напряженный момент прежде, чем он восстановил какой-то контроль над собой.

Он сел прямо, все еще покрывая лицо одной рукой, взял пейотный батончик и начал его жевать. Я почувствовал огромное облегчение. До этого я не отдавал себе отчета в том, что я боялся, пожалуй, также, как Элихио. У меня во рту появилась сухость вроде той, что дает пейот. Элихио жевал батончик долго. Мое напряжение возрастало. Я начал невольно покачиваться, когда мое дыхание убыстрилось.

Дон Хуан начал петь громче, затем он поднес Элихио другой батончик и после того, как Элихио окончил его жевать, дал ему сухих фруктов и велел жевать очень медленно.

Несколько раз Элихио поднимался и уходил в кусты. Один раз он попросил воды. Дон Хуан велел ему не глотать воду, но только прополоскать ею рот. Элихио разжевывал еще два батончика, а дон Хуан дал ему сушеного мяса.

К тому времени, как он разжевывал десятый батончик, я уже был почти болен от нетерпения. Внезапно Элихио упал вперед, и его лоб коснулся земли, он перекатился на левый бок и конвульсивно дернулся. Я взглянул на часы. Было 23 часа 20 минут. Элихио катался, качался и постанывал на полу более часа.

Дон Хуан все в том же положении сидел перед ним. Его пейотные песни пелись почти шепотом. Бениньо, сидевший слева от меня, смотрел без внимания. Люсио рядом со мной склонился на бок и храпел.

Тело Элихио свернулось в калачик. Он лежал на правом боку лицом ко мне, зажав руки между коленей. Его тело сильно подпрыгивало, и он перевернулся на спину, слегка согнув ноги. Его левая рука помахивала от себя и вверх исключительно свободными и элегантными движениями. Его правая рука стала повторять те же движения, и затем обе руки стали чередовать одинаковые медленные помахивающие движения вроде тех, что выполняет игрок на арфе. Постепенно движения стали более быстрыми. Его кисти ощутимо вибрировали и двигались вверх и вниз, как поршни. В то же самое время его предплечья совершали круговые движения на себя, и его пальцы поочередно сгибались и разгибались. Это было прекрасное гармоничное гипнотизирующее зрелище. Я думаю, что его ритм и мускульный контроль были несравненными.

Затем Элихио медленно поднялся, как если бы опираясь на обволакивающую силу. Его тело дрожало. Он качнулся, а затем толчком выпрямился. Его руки, туловище и голова тряслись, как если бы через них пропускали прерывистый электрический ток. Казалось, сила, вне его контроля, сжала его и подымала.

Пение дона Хуана стало очень громким. Люсио и Бениньо проснулись, некоторое время без интереса смотрели на происходящее и заснули снова. Элихио, казалось, двигался куда-то вверх и вверх. Он явно карабкался. Он вытягивал руки и хватался за что-то, мне не видимое. Он подтягивался и замирал, чтобы перевести дыхание.

Я хотел увидеть его глаза и двинулся ближе к нему, но дон Хуан свирепо посмотрел на меня, и я вернулся на свое место.

Затем Элихио прыгнул. Это был последний ужасный прыжок. Он, очевидно, достиг своей цели. Он отдувался и всхлипывал от перенапряжения. Он, казалось, держался за какой-то выступ. Но что-то его пересиливало. Он вскрикнул в отчаянии. Его хватка соскользнула, и он начал падать. Его тело выгнулось назад и сотрясалось с головы до пальцев ног

исключительно красивой координированной дрожью. Волна дрожи прошла через него не менее ста раз прежде, чем тело рухнуло на землю, как безжизненный мешок.

Через некоторое время он вытянул руки перед собой, как если бы он защищал свое лицо. Его ноги были вытянуты назад, в то время, как он лежал на груди. Они были слегка подняты над землей, придавая телу такой вид, как будто оно скользило или летело с невероятной скоростью. Его голова была до предела откинута назад. Его руки были сцеплены перед глазами, защищая их. Я мог чувствовать, как ветер свистит вокруг него. Я ахнул и издал невольный вскрик. Люсио и Бениньо проснулись и с любопытством взглянули на Элихио.

— Если ты обещаешь купить мне мотоцикл, я буду сейчас жевать это, — громко сказал Люсио.

Я взглянул на дону Хуана. Он сделал головой повелительный знак.

— Сукин сын, — пробормотал Люсио и опять заснул.

Элихио встал и начал ходить. Он сделал пару шагов и остановился. Я мог видеть, что он улыбается со счастливым выражением. Он попытался свистеть. Чистого звука не получилось, но гармония была. Это была какая-то мелодия. Она имела лишь пару переходов, которые он повторял вновь и вновь. Через некоторое время отчетливо стало слышно насвистывание, и затем оно стало ясной мелодией. Элихио бормотал невнятные слова. Эти слова были словами песни. Он повторял их часами. Очень простая песня с повторами, монотонная, и все же странно красивая.

Элихио, казалось, смотрел на что-то пока пел. Один раз он подошел очень близко ко мне. Я видел в полутьме его глаза. Они были стеклянными остановившимися. Он улыбался и посмеивался. Он походил и сел, и походил еще, и пел, и стонал.

Внезапно что-то, казалось, толкнуло его сзади. Его тело выгнулось посередине, как если бы его двигала прямая сила. Какое-то время Элихио удерживал равновесие на носках ног, образовав из своего тела почти полный круг. Его руки касались земли. Затем он вновь упал на пол, мягко, на спину, вытянулся во всю длину и застыл в странном оцепенении.

Некоторое время он бормотал и стонал, затем начал храпеть. Дон Хуан покрыл его пустыми мешками. Было 5 часов 35 минут утра.

Люсио и Бениньо спали плечо к плечу, прислонившись к стене. Мы с доном Хуаном очень долго сидели молча. Он, казалось, устал.

Я нарушил тишину и спросил его об Элихио. Он сказал мне, что встреча Элихио с мескалитом была исключительно успешной. Мескалит научил его песне уже при первой встрече, а это действительно необычно.

Я спросил его, почему он не разрешил Люсио принять пейот за мотоцикл. Он сказал, что мескалит убил бы Люсио, если бы тот приблизился к нему на таких условиях. Дон Хуан признал, что он приготовил все очень тщательно для того, чтобы привлечь своего внука. Он сказал мне, что рассчитывал на мою дружбу с Люсио, как на центральный момент стратегии. Он сказал, что Люсио всегда был его большой заботой и что когда-то они жили вместе и были очень близки, но Люсио в возрасте семи лет очень серьезно заболел, и сын дона Хуана, набожный католик, дал обет гваделупской богородице, что Люсио поступит в школу священных танцев, если его жизнь будет спасена. Люсио поправился и вынужден был исполнить обещание. Он одну неделю пробыл учеником и затем решил нарушить клятву. Он думал, что в результате этого ему придется умереть и целый день ждал прихода смерти. Все смеялись над мальчиком, и случай этот не забылся.

Дон Хуан долгое время не говорил. Он, казалось, был погружен в свои мысли.

— Моя ставка была на Люсио, — сказал он, — и вместо него я нашел Элихио. Я знал, что это бесполезно, но когда нам кто-то нравится, мы должны должным образом настаивать, как если бы было возможным переделывать людей. У Люсио было мужество, когда он был маленьким мальчиком, а затем он порастерял его по дороге.

— Можешь ли ты околдовать его, дон Хуан?

— Околдовать его? Зачем?

— Чтобы он вновь изменился и обрел свое мужество.

— Нельзя околдовать человека, чтоб он нашел мужество. Околдовывают для того, чтобы сделать людей безвредными или больными, или немыми. Нельзя околдовать так, чтобы получить воина. Для того, чтобы быть воином, надо быть хрустально чистым, как Элихио. Вот тебе человек мужества.

Элихио мирно храпел под пустыми мешками. Было уже светло. Небо было незапятнанной синевы. Не было видно ни одного облачка.

— Я отдал бы что угодно в этом мире, чтобы узнать о том путешествии, которое проделал Элихио. Ты не возражаешь, если я попрошу его рассказать мне об этом?

— Ни при каких обстоятельствах ты не должен просить его об этом.

— Но почему же? Я ведь рассказываю тебе все о своем опыте.

— Это совсем другое. Нет в тебе склонности держать все при себе. Элихио — индеец. Его путешествие — это все, что он имеет. Хотел бы я, чтобы это был Люсио.

— Разве нет ничего, что ты можешь сделать для Люсио, дон Хуан?

— Нет. К несчастью нет такого способа, чтобы сделать кости для медузы. Это была только моя глупость.

— Ты много раз говорил мне, дон Хуан, что маг не может иметь глупость. Я никогда не думал, что ты можешь ее иметь.

—...Возможно настаивать должным образом; настаивать, даже несмотря на то, что мы знаем, что то, что мы делаем — бесполезно. Но прежде мы должны знать, что наши бействия бесполезны, и все же мы должны их продолжать, как если бы этого не знали. Это контролируемая глупость мага.

5

Я вернулся в дом дон Хуана 3 октября 1968 г. С единственной целью расспросить его о различных моментах, сопутствовавших посвящению Элихио. Почти бесконечный поток вопросов возник у меня, когда я перечитывал описание того, что тогда произошло. Я хотел получить очень точные объяснения, поэтому я заранее составил список вопросов, тщательно подбирая наиболее подходящие слова.

Я начал с того, что спросил его:

— Дон Хуан, я видел той ночью?

— Ты почти видел.

— А ты видел, что я вижу движения Элихио?

— Да, я видел, что мескалито позволил тебе видеть часть урока Элихио, иначе ты смотрел бы на человека, который сидит или лежит. Во время последнего митота ты не заметил, чтобы люди там что-либо делали, не так ли?

На последнем митоте я не заметил, чтоб кто-нибудь из мужчин выполнял что-либо необычное. Я сказал ему, что могу прямо признаться: все, что я записал в своих заметках, так это то, что некоторые из них ходили в кусты чаще других.

— Но ты почти увидел весь урок Элихио, — продолжал дон Хуан. — подумай об этом. Понимаешь теперь, как искренен мескалито с тобой? Мескалито никогда не был так мягок ни с кем, насколько я знаю. Ни с одним. И все же ты не благодарен ему за его искренность. Как можешь ты так тупо поворачиваться к нему спиной? Или, может, мне следует сказать, в отместку за что ты поворачиваешься спиной к мескалито?

Я почувствовал, что дон Хуан опять загоняет меня в угол. Я не мог ответить на его вопрос. Я всегда считал, что я покончил с ученичеством для того, чтобы спасти себя, однако я не имею представления, от чего я спасаю себя или зачем. Я захотел побыстрее изменить направление нашего разговора, и поэтому я оставил свое намерение по порядку задавать составленные мною заранее вопросы и выдвинул самый важный вопрос.

— Не можешь ли ты рассказать мне о своей контролируемой глупости? — сказал я.

— Что ты хочешь знать о ней?

— Пожалуйста, скажи мне, дон Хуан, что же в точности представляет из себя контролируемая глупость.

Дон Хуан громко расхохотался и громко хлопнул себя по ляжке ладонью.

— Это контролируемая глупость, — и засмеялся, и хлопнул себя по ляжке опять.

Что ты имеешь в виду?..

— Я рад, что ты, наконец, спросил меня о моей контролируемой глупости после стольких лет, и все же мне не было бы ровным счетом никакого дела до этого, если б ты не спросил никогда. Все же, я избрал быть счастливым от этого, как если б мне до этого было дело, чтобы ты спросил, как если б имело значение то, что мне было до этого дело. Это и есть контролируемая глупость.

Мы оба громко засмеялись. Я обнял его. Я нашел его объяснение превосходным, хотя я и не понял его полностью.

Мы сидели, как обычно, перед дверьми его дома. Было позднее утро. Перед доном Хуаном была куча семян, и он выбирал из них мусор. Я предложил ему свою помощь, но он отстранил меня; он сказал, что семена — это подарок одному из его друзей в центральной Мексике, и у меня нет достаточной силы, чтобы прикасаться к ним.

— С кем ты применяешь контролируемую глупость, дон Хуан? — спросил я после долгого молчания.

— Со всеми, — воскликнул он, улыбаясь.

Я чувствовал, что должен остановиться на этом моменте, и спросил его, означает ли его контролируемая глупость, что его поступки никогда не бывают искренними, а лишь действия актера?

— Мои поступки искренни, но они лишь действия актера.
— Но тогда все, что ты делаешь, должно быть контролируемой глупостью, — сказал я, поистине удивленный.

— Да, все.
— Но это не может быть правдой, что каждый отдельный из твоих поступков, есть только контролируемая глупость.

— Но почему нет?
— Это означало бы, что для тебя, в действительности, никто и ничто ничего не значат. Возьми, например, меня. Ты имеешь в виду, что для тебя не имеет значения, буду я человеком знания или нет, живу я или умру, или делаю что-либо?

— Верно, мне нет до этого дела. Ты, как Люсио или кто-либо еще в моей жизни — моя контролируемая глупость.

Я испытал редкое чувство пустоты. Очевидно, не было такой причины в мире, почему бы дон Хуан должен был заботиться обо мне, но, с другой стороны, я был почти уверен, что ему есть дело до меня лично; я дуал, что иначе и быть не может, поскольку он всегда уделял мне свое неразделенное внимание в любой момент, который я проводил с ним. Мне подумалось, что, может быть, дон Хуан так говорит просто потому, что я ему надоел. В конце концов, ведь я отказался от его учения.

— Я чувствую, что мы говорим о разных вещах, — сказал я. — Мне не следовало приводить в пример самого себя. Я имел в виду, что должно быть в мире что-нибудь, до чего тебе есть дело, в том смысле, что это не контролируемая глупость. Я не думаю, чтоб можно было продолжать жить, если нам, действительно, ни до чего не будет дела.

— Это относится к тебе. Вещи имеют значения для тебя. Ты спросил меня о моей контролируемой глупости, и я сказал тебе, что все, что я делаю по отношению к себе и к другим людям, — есть глупость, потому что ничего не имеет значения.

— Я хочу сказать, дон Хуан, что если для тебя ничего не имеет значения, то как ты можешь продолжать жить... Я, действительно, хочу знать; та должен объяснить мне, что ты имеешь в виду.

— Может быть, это и невозможно объяснить. Некоторые вещи в твоей жизни имеют для тебя значение, потому что они важны. Твои поступки, определенно, важны для тебя; но для меня ни единая вещь не является более важной и ни один из моих поступков, и ни один из поступков людей. Тем не менее, я продолжаю жить, так как я имею свою волю, потому что я настроил свою волю, проходя через жизнь, до таких пор, что она стала отточенной и цельной, и теперь для меня ничего не значит то, что ничего не имеет значения. Моя воля контролирует глупость моей жизни.

Я сказал ему, что, по-моему, некоторые поступки людей были очень важны; я сказал, что ядерная война, определенно, была самым драматическим примером таких поступков. Я сказал, что для меня уничтожение жизни на земле было бы поступком чрезвычайно ненормальным.

— Ты веришь этому, потому что думаешь. Ты думаешь о жизни. Ты не видишь.

— Разве я чувствовал бы иначе, если бы я мог видеть?

— Как только человек научится видеть, он окажется один в мире, где есть только глупость. Твои поступки, точно также, как поступки других людей, в общем кажется важными для тебя, потому что ты научился думать, что они важны. Мы выучиваемся думать обо всем, и затем приучаем наши глаза видеть так, как мы думаем о вещах, на которые смотрим. Мы смотрим на себя, уже думая, что мы важны. И так оказывается, что мы чувствуем себя важными. Но тогда, когда человек научится видеть, он поймет, что он не может больше думать о вещах, на которые смотрит; а если он не может думать о вещах, на которые смотрит, то все становится неважным.

Дон Хуан, должно быть, заметил мой удивленный взгляд и повторил свое утверждение три раза, как бы стараясь заставить меня понять. То, что он сказал, сначала звучало для меня, как ерунда, но поразмыслив об этом, я увидел, что его слова скорее напоминают мудреное утверждение о какой-то из сторон восприятия.

Я попытался придумать хороший вопрос, который заставил бы его прояснить свою точку зрения, но ничего не придумал. Внезапно я почувствовал сильную усталость и не мог ясно формулировать свои мысли. Дон Хуан, казалось, заметил мое утомление и мягко похлопал меня по спине.

— Почисти вот эти растения, — сказал он, — а затем покроши их в этот горшок. — он вручил мне большой горшок и вышел.

Он вернулся домой через несколько часов, когда уже близился вечер. Я окончил крошить его растения и имел достаточно времени, чтобы записать свои заметки. Я хотел сразу же

задать ему несколько вопросов, но был не в настроении отвечать мне. Он сказал, что голоден и хочет сначала проглотить пищу.

Он разжег огонь в своей глиняной печурке и поставил горшок с бульоном, приготовленным на костях. Он заглянул в пакеты с провизией, и выбрал некоторые овощи, нарезал их на мелкие кусочки и бросил в котел. Затем он лег на циновку, сбросил сандалии и велел мне сесть поближе к печке, чтобы я мог поддерживать огонь.

Было очень темно; с того места, где я сидел, я мог видеть небо на западе. Края некоторых толстых облаков были изрезаны глубокими морщинами, в то время, как центр облаков был почти черным. Я собирался сделать замечание о том, какие красивые облака, но он заговорил первым.

— Рыхлые края и плотный центр, — сказал он, указывая на облака.

Его замечание было столь совпадающим с тем, что я собирался сказать, что я подскочил.

— Я только что собирался сказать тебе об облаках, — сказал я.

— Значит, тут я побил тебя, — сказал он и засмеялся с детской непосредственностью.

Я спросил его, не в настроении ли он ответить мне на несколько вопросов.

— Что ты хочешь знать? — ответил он.

— То, что ты сказал мне сегодня днем о контролируемой глупости, очень сильно взволновало меня. Я, действительно, не могу понять, что ты имеешь в виду.

— Конечно, ты не можешь понять. Ты пытаешься думать об этом, а то, что я сказал, не совпадает с твоими мыслями.

— Я пытаюсь думать об этом, потому что лично для меня это единственный способ что-либо понять. Например, дон Хуан, ты имеешь в виду, что как только человек научится видеть, так сразу же в целом мире все потеряет свою ценность?

— Я не сказал, что потеряет ценность. Я сказал: станет неважным. Все равно и поэтому неважно. Так, например, никаким образом я не могу сказать, что мои поступки более важны, чем твои, или что одна вещь более существенна, чем другая, и поэтому все вещи равны; и оттого, что они равны, ни одна из них не важна.

Я спросил его, не являлись ли его положения провозглашением того, что то, что он называет виденьем, было, фактически, более «хорошим способом», чем просто «смотрение на вещи». Он сказал, что глаза человека могут выполнять обе функции, но ни одна из них не является лучше другой; однако, прицпять свои глаза только смотреть, по его мнению, было потерей необходимой.

— Например, нам нужно смотреть глазами для того, чтобы смеяться. Потому что только когда мы смотрим на вещи, мы можем схватить забавные грани мира. С другой стороны, когда наши глаза видят, тогда все равно и ничего не забавно.

— Ты имеешь в виду, дон Хуан, что человек, который видит, даже не может смеяться?

— Возможно, есть люди знания, которые никогда не смеются, хотя я не знаю ни одного из них. Те, кого я знаю, видят, но также и смотрят, поэтому они смеются.

— Может ли человек знания плакать?

— Я полагаю так. Наши глаза смотрят, поэтому мы можем смеяться или плакать, веселиться или печалиться. Лично я не люблю быть печальным, поэтому, когда я наблюдаю что-либо, что в обычном порядке заставило бы меня опечалиться, я просто смещаю свои глаза и вижу это вместо того, чтобы смотреть на это. Но когда я встречаюсь с чем-либо забавным, я смотрю на это, и я смеюсь.

— Но тогда, дон Хуан, твой смех действителен, а не контролируемая глупость.

Дон Хуан некоторое время смотрел на меня.

— Я говорю с тобой, потому что ты меня смешишь, — сказал он. — ты напоминаешь мне тех пустынных крыс с пушистыми хвостами, которые попадают, когда засовывают свои хвосты в норы других крыс, чтобы испугать их и украсть их пищу. Ты попался в свои собственные вопросы. Берегись. Иногда эти крысы обрывают себе хвосты, чтобы вырваться на свободу.

Я нашел его сравнение забавным и рассмеялся. Дон Хуан однажды показывал мне небольших грузунов с пушистыми хвостами, которые были похожи на толстых белок; картина, где одна из этих жирных крыс откручивает свой хвост, чтобы вырваться на свободу, была печальной и в то же время ужасно смешной.

— Мой смех, как и все вообще, что я делаю, реален, — сказал дон Хуан, — и в то же время это контролируемая глупость, потому что он бесполезен. Он ничего не меняет, и все же я смеюсь.

— Но, как я понял, дон Хуан, твой смех не бесполезен, так как он делает тебя счастливым.

— Нет. Я счастлив, потому что предпочел смотреть на вещи, которые делают меня счастливым, и тогда мои глаза схватывают их забавные грани, и я смеюсь. Я говорил тебе

это уже бесчисленное число раз. Всегда следует выбирать тропу с сердцем для того, чтобы быть в лучшем для самого себя положении; может быть, тогда можно будет всегда смеяться.

Я истолковал сказанное, как то, что плач ниже, чем смех, или, возможно, действие, которое нас ослабляет. Он сказал, что тут нет внутренней разницы и что как то, так и другое неважно. Он сказал, однако, что его предпочтение смеху вызвано тем, что смех позволяет его телу чувствовать себя лучше, в отличие от плача. На это я заметил, что если есть предпочтение, то нет равенства: если плачу он предпочел смех, значит последний действительно более важен. Он упрямо поддержал свое высказывание, что его предпочтение не означает того, что плач и смех не равны; а я настаивал, что наш спор может быть логически продлен до того, чтоб сказать, что если все вещи так равны, то почему бы тогда не выбрать смерть.

— Многие люди знания делают это. Однажды они могут просто исчезнуть. Люди могут думать, что они были подкараулены и убиты за их деяния. Они избирают смерть, потому что для них это не имеет никакого значения. Я другой стороны, я выбрал жить и смеяться не потому, что это имеет какое-либо значение, а потому, что такова склонность моей натуры. Причина, по которой я говорю, что я выбрал это, в том, что я вижу, но это не значит, что я выбираю жить, несмотря ни на что из того, что я вижу. Ты сейчас не понимаешь меня из-за своей привычки думать так, как смотришь, и думать так, как думаешь.

Его заявление очень меня заинтересовало. Я попросил его объяснить, что он имеет в виду. Он повторил ту же самую конструкцию несколько раз, как бы давая себе время, чтобы построить ее другими словами, и затем выразил свою точку зрения, сказав, что под думаньем он имеет в виду ту постоянную идею, которую мы имеем обо всем в мире. Он сказал, что виденье разгоняет эту привычку, и до тех пор, пока я не научусь видеть, я не смогу, в действительности, понять то, что он имеет в виду.

— Но если ничего не имеет значения, дон Хуан, то почему бы иметь значение тому, научусь я видеть или нет?

— Однажды я уже сказал тебе, что наша судьба, как людей, состоит в том, чтобы учиться для добра или для зла. Я научился видеть и говорю тебе, что ничего в действительности не имеет значения. Теперь твой черед; может, однажды ты будешь видеть, и ты узнаешь тогда, имеют вещи значение или нет. Для меня ничего не имеет значения, но, может быть, для тебя все будет его иметь.

К настоящему времени ты должен уже знать, что человек знания живет действиями, а не думаньем о действиях и не думаньем о том, что он будет делать после того, как выполнит действие. Человек знания выбирает тропу с сердцем и следует по ней. И потом он смотрит — и веселится и смеется, и потом он видит — и знает. Он знает, что его жизнь будет закончена, в конечном счете, очень быстро. Он знает, что он также, как кто бы то ни было еще, не идет никуда. Он знает, потому что видит, что ничего нет более важного, чем что-либо еще.

Другими словами, человек знания не имеет ни чести, ни величия, ни семьи, ни имени, ни страны, — а только жизнь, чтобы ее прожить. И при таких обстоятельствах единственное, что связывает его с людьми, — это его контролируемая глупость. И, таким образом, человек знания предпринимает усилия и потеет, и отдувается; и если взглянуть на него, то он точно такой же, как и любой обычный человек, за исключением того, что глупость его жизни находится под контролем.

При том, что ничего не является более важным, чем что-либо еще, человек знания выбирает поступок и совершает его так, как если бы последний имел для него значение. Его контролируемая глупость заставляет его говорить, что то, что он делает, имеет значение, и делает его действующим так, как если бы такое значение действительно было; и в то же время он знает, что это не так, поэтому, когда он выполнит свой поступок, он отходит в сторону в мире, и то, были ли его поступки хорошими или плохими, принесли они результаты или нет, ни в коей мере не является его заботой. С другой стороны, человек знания может избрать то, что он будет совершенно пассивен и никогда не будет действовать, и будет вести себя так, как будто быть пассивным, действительно, имеет для него значение. И он будет совершенно искренен и в этом также, поскольку это также будет его контролируемой глупостью.

Я вовлек себя в этом месте в очень путанные попытки объяснить дон Хуану, что я интересуюсь тем, что же будет мотивировать человека знания поступать каким-то определенным образом, несмотря на то, что он знает, что ничего не имеет значения. Он мягко засмеялся прежде, чем ответить.

— Ты думаешь о своих поступках, поэтому ты веришь в то, что твои поступки настолько важны, насколько ты думаешь они важны. Тогда как в действительности ничего из того не важно, что кто-либо делает. Ничего. Но тогда, если в действительности ничего не имеет значения, то как, ты спрашиваешь меня, я продолжаю жить? Бало ба проще умереть, именно

так ты говоришь и веришь, потому что ты думаешь о жизни точно также, как ты думаешь обо всем остальном, как ты теперь думаешь, на что же похоже виденье. Ты хотел, чтобы я тебе его описал для того, чтоб ты мог начать думать об этом точно также, как ты думаешь обо всем остальном. В случае виденья, однако, думанье не является составной частью, поэтому я не могу рассказать тебе, что это такое — видеть. Теперь ты хочешь, чтоб я описал тебе причины моей контролируемой глупости, и я могу тебе только сказать, что контролируемая глупость очень похожа на виденье. Это нечто такое, о чем нельзя думать. (он зевнул...) Ты слишком долго отсутствовал. Ты думаешь слишком много.

Он поднялся и прошел в заросли чаппарала у дома. Я поддерживал огонь, чтобы горшок кипел. Я собрался было зажечь керосиновую лампу, но полутьма была очень уютной. Огонь из печи давал достаточно света, чтобы можно было писать, и создавал розовое сияние повсюду вокруг меня. Я положил свои записи на землю и лег. Я чувствовал себя усталым. Из всего разговора с доном Хуаном единственная ясная мысль осталась у меня в мозгу, что ему до меня нет никакого дела; это бесконечно беспокоило меня. За долгие годы я доверился ему. Если бы я не имел полного доверия к нему, то я был бы парализован страхом уже при одной только мысли, чтобы изучать его учение на практике. То, на чем я основывал свое доверие к нему, была идея, что он заботится обо мне лично; фактически, я всегда боялся его, но я всегда удерживал свой страх в узде, потому что я верил ему. Когда он убрал эту основу, то у меня не осталось ничего, на что бы можно было опираться дальше, и я почувствовал себя беспомощным.

Очень странное нетерпение охватило меня. Я стал очень возбужденным и начал шагать взад-вперед перед печкой. Дон Хуан задерживался. Я с нетерпением ждал его.

Он вернулся немного позднее, сел опять перед печкой, и я выложил ему свои страхи. Я сказал ему, что я озабочен, потому что не могу менять направление посреди потока. Я объяснил ему, что помимо доверия, которое я имел к нему, я научился также уважать его образ жизни, как существенно более рациональный или, по крайней мере, более действенный, чем мой. Я сказал, что его слова ввергли меня в ужасный конфликт, потому что они толкают на то, чтоб я сменил свои чувства. Для того, чтобы проиллюстрировать мою точку зрения, я рассказал дону Хуану историю одного старика из моего круга, очень богатого консервативного юриста, который прожил всю свою жизнь, будучи убежден, что поддерживает правду.

В начале 30-х годов он оказался страстно вовлеченным в политическую драму того времени. Он был категорически убежден, что политическое изменение будет гибельным для страны, и из преданности своему образу жизни он голосовал и боролся против того, что рассматривал, как политическое зло. Но прилив времени был слишком силен, он осилил его. Свыше 10-ти лет он боролся против этого на арене и в своей личной жизни; затем вторая мировая война обратила все его усилия в полное поражение. Глубокая горечь явилась следствием его политического и идеологического падения; на 25 лет он стал самоизгнанником. Когда я встретил его, то ему было уже 84 года, и он вернулся в свой родной город, чтобы провести свои последние годы в доме для престарелых. Для меня казалось непонятным, что он так много жил, учитывая то, как он топил свою жизнь в горечи и жалости к самому себе. Каким-то образом он нашел мое общество приятным, и мы подолгу с ним разговаривали. В последний раз, когда я его встретил, он заключил наш разговор следующим: «у меня было время, чтобы обернуться и проверить свою жизнь. Возможно, что я выбросил годы жизни на преследование того, что никогда не существовало. В последнее время у меня было чувство, что я верил в какой-то фарс. Это не стоило моих усилий. Я считаю, что я знаю это. Однако, я не могу вернуть 40 потерянных лет».

Я сказал дону Хуану, что мой конфликт возник из тех сомнений, в которые меня бросили его слова о контролируемой глупости.

— Если ничего в действительности не имеет значения, — сказал я, — то став человеком знания, невольно окажешься таким же пустым, как мой друг, и не в лучшем положении, чем он.

— Это не так, — сказал дон Хуан отрывисто. — твой друг одинок, потому что умрет без виденья. В его жизни он просто состарился и теперь у него должно быть еще больше жалости к самому себе, чем когда-либо ранее. Он чувствует, что выбросил 40 лет, потому что гнался за победами, а находил поражения. Он никогда не узнает, что быть победителем или быть побежденным — одно и то же. Значит, теперь ты боишься меня, так как я сказал тебе, что ты равнозначен всему остальному. Ты впадаешь в детство. Наша судьба, как людей — учиться, и идти к знанию следует также, как идти на войну. Я говорил тебе это бесчисленное число раз. К знанию или на войну идут со страхом, с уважением, с сознанием того, что идут на войну. И с абсолютной уверенностью в себе. Вложи свою веру (доверие) в себя, а не в меня...

И поэтому ты теперь испуган пустотой жизни твоего друга. Но нет пустоты в жизни человека знания — я говорю тебе. Все наполнено до краев.

Все наполнено до краев, и все равно, не как для твоего друга, который просто состарился. Когда я говорю тебе, что ничего не имеет значения, я имею в виду не то, что имеет он. Для него его битва жизни не стоила усилий, потому что он побежден. Для меня не существует ни победы, ни поражения, ни пустоты. Все наполнено до краев, и все равно, и моя битва стоила моих усилий. Для того, чтобы стать человеком знания, надо быть воином, а не хныкающим ребенком. Нужно биться и не сдаваться до тех пор, пока не станешь видеть лишь для того, чтобы понять тогда, что ничего не имеет значения.

Дон Хуан помешал в горшке деревянной ложкой. Еда была готова. Он снял горшок с огня и поставил его на четырехугольное кирпичное сооружение, которое он возвысил у стены и которое служило, как полка или как стол. Ногой он подтолкнул два небольших ящика, служивших удобными стульями, особенно, если прислониться к стене спиной. Он знаком пригласил меня садиться и затем налил миску супу. Он улыбался. Его глаза сияли, как если бы ему в самом деле нравилось мое присутствие.

Он мягко пододвинул миску ко мне. В его жесте было столько тепла и доброты, что это, казалось, было просьбой восстановить к нему мое доверие. Я чувствовал себя идиотски. Я попытался сменить свое настроение, разыскивая свою ложку, и не мог ее найти. Суп был слишком горячим, чтобы пить его прямо из миски, и пока он остывал, я спросил дона Хуана, означает ли его контролируемая глупость, что человеку знания никто больше не может нравиться. Он перестал есть и засмеялся.

— Ты слишком заботишься о том, чтобы нравиться людям или чтобы любить их самому, — сказал он. — человек знания любит и все. Он любит что хочет или кого хочет, но он использует свою контролируемую глупость для того, чтобы не заботиться об этом. Противоположность тому, что ты делаешь теперь. Любить людей или быть любимым людьми — это далеко не все, что можно делать, как человек.

Он некоторое время смотрел на меня, склонив голову на бок.

— Думай над этим, — сказал он.

— Есть еще одна вещь, о которой я хочу спросить тебя, дон Хуан. Ты говорил, чтобы смеяться, надо смотреть глазами, но я считаю, что мы смеемся потому, что мы думаем. Возьми слепого человека — он тоже смеется.

— Нет, слепые не смеются, их тела сотрясаются немного с треском смеха. Они никогда не смотрели на смешные грани мира и должны воображать их себе. Их смех — это не хохот.

Больше мы не говорили. У меня было хорошее самочувствие о ощущение счастья. Мы ели в молчании; затем дон Хуан начал смеяться. Я использовал сухой прут, чтобы подносить овощи ко рту.

4 октября 1968 г.

Сегодня я выбрал время и спросил дона Хуана, не возражает ли он поговорить еще о видении. Он, казалось, секунду размышлял, затем улыбнулся и сказал, что я опять втянулся в свою рутину: говорить вместо того, чтобы делать.

— Если ты хочешь видеть, тебе следует дать дымку унести тебя, — сказал он с ударением. — я больше не хочу говорить об этом.

Я помогал ему чистить сухие растения. Долгое время мы работали в полном молчании. Когда я вынужден долго молчать, я всегда чувствую себя очень восприимчивым, особенно в присутствии дона Хуана. Наконец, я не выдержал и задал ему вопрос, который, казалось, сам вырвался из меня.

— Как человек знания применяет контролируемую глупость, если случится, что умрет человек, которого он любит? — спросил я.

Дон Хуан посмотрел на меня вопросительно — он, казалось, опешил при моем вопросе.

— Возьмем твоего внука Люсио, — сказал я. — Будут ли твои действия контролируемой глупостью во время его смерти?

— Возьмем моего сына зулалио — это более хороший пример, — спокойно ответил дон Хуан. — он был раздавлен камнями, когда работал на строительстве панамериканской дороги. Мои поступки по отношению к нему во время его смерти были контролируемой глупостью. Когда я прибыл к месту взрыва, он был почти мертв, но его тело было настолько сильным, что оно продолжало двигаться и дергаться. Я остановился перед ним и сказал парням из дорожной команды не трогать его больше — они послушались и стояли, окружив моего сына, глядя на его изуродованное тело. Я тоже стоял там, но я не смотрел. Я изменил свои глаза так, чтобы я видел, как распадается его личная жизнь, неконтролируемо расширяясь за свои пределы, подобно туману кристаллов, потому что именно так жизнь и смерть смешиваются и расширяются. Вот что я делал во время смерти моего сына. Это все, что можно было делать, и это контролируемая глупость. Если бы я смотрел на него, то я

наблюдал бы за тем, как он становится неподвижным, и я почувствовал бы плач внутри себя, потому что никогда больше мне не придется смотреть на его красивую фигуру, идущую по земле. Вместо этого я видел его смерть, и там не было печали и не было никакого чувства. Его смерть была равнозначна всему остальному.

Дон Хуан секунду молчал. Казалось, он был печален, но затем он улыбнулся и погладил меня по голове.

— Так что можешь сказать, что, когда происходит смерть людей, которых я люблю, то моя неконтролируемая глупость состоит в том, чтобы изменить свои глаза.

Я подумал о людях, которых я сам люблю, и ужасная давящая волна жалости к самому себе охватила меня.

— Счастливый ты, дон Хуан, — сказал я. — ты можешь изменить свои глаза, тогда как я могу только смотреть.

Он нашел мое высказывание забавным и засмеялся.

— Счастливый. Осел, — сказал он, — это трудная работа. — Мы опять рассмеялись. После долгого молчания я опять стал пытаться его, может быть лишь для того, чтоб развеять свою собственную печаль.

— Если я тебя понял тогда правильно, дон Хуан, то единственные поступки в жизни человека знания, которые не являются контролируемой глупостью, — это те, что он выполняет со своим олли или мескалитом. Не так ли?

— Верно, мои олли и мескалиты не на одной доске с нами, людьми. Моя контролируемая глупость приложима только ко мне самому и к поступкам, которые я выполняю, находясь в обществе людей.

— Однако, логически, возможно думать, что человек знания может так же рассматривать свои поступки со своим олли или с мескалитом, как контролируемую глупость, верно?

— Ты снова думаешь. Человек знания не размышляет, поэтому он не может встретиться с такой возможностью. Возьми, например, меня. Я говорю, что моя контролируемая глупость приложима к поступкам, которые я совершаю, находясь в обществе людей. Я говорю, что моя контролируемая глупость приложима к поступкам, которые я совершаю, находясь в обществе людей. Я говорю это, потому что я могу видеть людей. Однако, я не могу видеть насквозь своего олли, и это делает его невоспринимаемым для меня. Поэтому, как же я могу контролировать свою глупость, если я не вижу сквозь нее. Со своим олли или мескалитом я всего лишь человек, который знает, как видеть, и находит, что он оглушен тем, что он видит; человек, который знает, что он никогда не поймет всего, что есть вокруг него.

Возьми, например, тебя. Для меня не имеет значения, станешь ты человеком знания или нет. Однако, это имеет какое-то значение для мескалита. Совершенно очевидно, что для него это имеет значение, иначе бы он не сделал так много шагов, чтобы показать свою заботу о тебе. Я могу заметить его заботу, и я действую соответственно этому; и тем не менее, его забота непонятна для меня.

6

Как раз когда мы уже собирались сесть в мою машину, чтоб начать путешествие в центральную Мексику, 5 октября 1968 г., дон Хуан остановил меня.

— Я говорил тебе раньше, — сказал он с серьезным выражением, — что никогда нельзя раскрывать ни имени, ни местонахождения мага. Я полагаю, ты понимаешь, что ты не должен открывать ни моего имени, ни места, где находится мое тело. Сейчас я собираюсь попросить тебя сделать то же самое по отношению к моему другу, которого ты будешь звать Хенаро. Мы едем к его дому. Там мы проведем некоторое время.

Я заверил дону Хуана, что я никогда не обманывал его доверия.

— Я знаю это, — сказал он, не меняя своего выражения. — И все же меня заботит то, что ты становишься таким рассеянным.

Я запротестовал, и дон Хуан сказал, что его целью было только напомнить мне, что каждый раз, когда становишься рассеянным в делах магии, то играешь с бесчувственной смертью, которую можно отвратить, будучи внимательным и осознавая свои поступки.

— Мы больше не будем касаться этого вопроса. Как только мы отъедем отсюда, мы не будем упоминать о Хенаро и не будем думать о нем. Я хочу, чтобы сейчас ты привел в порядок свои мысли. Когда мы встретим его, ты должен быть ясным и не иметь сомнений в уме.

— О какого рода сомнениях ты говоришь, дон Хуан?

— Любого рода сомнениях вообще. Когда ты встретишь его, ты должен быть хрустально чистым. Он будет видеть тебя.

Его странные предупреждения сделали меня очень возбудимым. Я заметил, что может быть, мне лучше вообще не встречаться с его другом, но лишь подъехать к его дому и оставить дон Хуана там.

— То, что я сказал тебе, было всего лишь предостережением, — сказал он. — ты уже встретил одного мага, Висента, и он чуть не убил тебя. Берегись на этот раз.

После того, как мы приехали в центральную Мексику, у нас ушло еще два дня, чтоб пройти пешком от того места, где я оставил свою машину, до дома его друга — маленькой хижины, прилепившейся к склону горы. Друг дон Хуана стоял у дверей, как бы ожидая нас. Я тут же узнал его. Я уже был с ним знаком, хотя и очень поверхностно, когда я привез свою книгу дону Хуану. В тот раз я, фактически, и не смотрел на него, кроме как мельком, поэтому у меня было ощущение, что он того же возраста, что и дон Хуан. Однако, когда он стоял у дверей своего дома, я заметил, что он был значительно моложе. Ему, вероятно, только перевалило за пятьдесят. Он был ниже дон Хуана и тоньше его. Он был очень темен и жилист. Его волосы были густыми и седоватыми и несколько длинными, они нависали у него над ушами и лбом. Его лицо было круглым и твердым. Очень выступающий нос придавал ему вид хищной птицы с маленькими темными глазами.

Он сначала заговорил с доном Хуаном. Дон Хуан подтверждающе кивнул. Они кратко поговорили. Они говорили не по-испански, поэтому я не понимал, о чем идет речь. Затем дон Хенаро повернулся ко мне.

— Добро пожаловать в мою маленькую развалюху-хижину, — извиняющимся тоном сказал он по-испански.

Его слова были вежливой формулой, которую я слышал ранее в разных сельских районах Мексики. Однако, когда он сказал эти слова, он рассмеялся радостно, без всяких к тому причин, и я знал, что он применяет свою контролируемую глупость. Ему дела не было ни в малейшей степени, что его дом был развалюхой-хижиной. Мне очень понравился дон Хенаро.

В течение двух следующих дней мы ходили в горы собирать растения. Дон Хуан, дон Хенаро и я отправлялись каждый день на рассвете. Старики уходили вместе в какой-то специальный, но не определенный район гор и оставляли меня одного в зоне лесов. У меня там было особое состояние старательности и внимания. Я не замечал хода времени, я не ощущал никакого неудобства от того, что я один. Необычайное состояние, которое длилось у меня оба дня, было способностью концентрироваться на тонкой задаче нахождения определенных растений, которые дон Хуан доверил мне собрать. Мы возвращались домой к вечеру, и оба дня я так уставал, что немедленно засыпал.

Однако, третий день был другим. Мы все трое работали вместе, и дон Хуан попросил дон Хенаро научить меня, как собирать определенные растения. Мы вернулись около полудня, и оба старика несколько часов сидели около дома в полном молчании, как если б они были в трансе. Однако, они не спали. Я пару раз прошел перед ними; дон Хуан проводил меня глазами, и так же сделал дон Хенаро.

— Тебе нужно говорить о растениях прежде, чем ты их сорвешь, — сказал дон Хуан. Он ронял свои слова размеренно и повторил свое высказывание три раза как бы для того, чтоб привлечь мое внимание. Никто не сказал ни слова, пока он говорил.

— Для того, чтобы видеть растения, ты должен говорить с ними персонально, — продолжал он. — ты должен знать их индивидуально, тогда растения смогут рассказать тебе о них все, что ты захочешь о них узнать.

Время клонилось к вечеру. Дон Хуан сидел на плоском камне лицом к западным горам; дон Хенаро сидел рядом с ним на соломенной циновке, лицом на север. Дон Хуан сказал мне в первый день, когда мы приехали туда, что это — их «позиции» и что я должен садиться на землю в любом месте напротив них. Он сказал, что когда мы сидим в таких позициях, я должен быть повернут лицом к юго-востоку и смотреть на них только мельком.

— Да, так обстоит дело с растениями, не так ли? — сказал дон Хуан, повернувшись к дону Хенаро, который согласился подтверждающим жестом.

Я сказал, что причиной моего невыполнения этой его инструкции было то, что я чувствовал себя несколько глупо, разговаривая с растениями.

— Тебе не удалось понять, что маг не шутит, — сказал он жестко, — тогда маг добивается того, чтобы видеть, он добивается того, чтобы получить силу.

Дон Хенаро уставился на меня. Я делал заметки, и это, казалось, поражало его. Он улыбнулся мне, потряс головой и что-то сказал дону Хуану. Дон Хуан пожал плечами. Видеть меня пишущим дону Хенаро казалось весьма странным. Дон Хуан, я полагаю, уже привык к тому, что я все записываю, и тот факт, что я пишу, когда он говорит, больше не удивлял его. Он мог продолжать говорить, казалось, не замечая, чем я занят. Однако, дон Хенаро

продолжал смеяться, и мне пришлось прекратить записывать для того, чтобы не прерывать настроя разговора.

Дон Хуан еще раз подтвердил, что поступки мага не следует принимать за шутки, потому что маг играет со смертью на каждом повороте пути. Затем он начал рассказывать дону Хенаро, как однажды ночью я посмотрел на огни смерти, следовавшей за нами во время одного из наших путешествий. Рассказ оказался очень смешным. Дон Хенаро катался от смеха по земле.

Дон Хуан извинился передо мной и сказал, что его друг подвержен приступам смеха. Я взглянул на дону Хенаро, который, как я думал, еще катался по земле, и увидел, что он делает совершенно необычную вещь. Он стоял на голове без помощи рук, а его ноги были сложены так, как если бы он сидел. Зрелище до того не шло ни в какие ворота, что я вскочил. Когда я понял, что он делает нечто совершенно невозможное с точки зрения механики тела, он вернулся опять в нормальное положение. Однако дон Хуан был, видимо, знаком с тем, что произошло, и приветствовал представление дону Хенаро раскатистым смехом.

Дон Хенаро, казалось, заметил мое замешательство. Он пару раз хлопнул в ладоши и крутнулся по земле; очевидно, он хотел, чтоб я следил за ним. То, что сначала я принял за катание по земле, было, фактически, раскачиванием тела в сидячем положении так, что голова касалась земли. Он, видимо, достигал своей нелогичной позы, набирая крутящий момент, раскачиваясь несколько раз, пока инерция не выведет его тело в вертикальное положение, так что на какое-то время он садился на свою голову.

Когда их смех утих, дон Хуан продолжал свой разговор; его тон был жестким. Я переменял положение тела, чтоб удобнее было сидеть, и чтоб уделить ему все внимание. Он совсем не улыбался, как делал обычно тогда, когда я старался уделять сознательное внимание тому, что он говорит. Дон Хенаро продолжал смотреть на меня, как если бы ожидал, что опять начну записывать, но я больше не брался за свои заметки. Слова дону Хуана были разносом за то, что я не разговаривал с растениями, собирая их, как он всегда велел мне делать. Он сказал мне, что растения, которые я убил, могут также убить и меня; он сказал, что уверен, рано или поздно, они принесут мне болезнь. Он добавил, что если я заболел в результате вреда, причиненного растениям, то я, тем не менее, не признаю этого и предпочту считать это гриппом. Оба они опять провели момент веселья, затем дон Хуан вновь стал серьезен и сказал, что если я не думаю о своей смерти, то вся моя личная жизнь будет только личным хаосом. Он взглянул очень резко.

— Что еще может быть у человека, кроме его жизни и его смерти? — сказал он мне.

В этот момент я почувствовал, что совершенно необходимо все это записать и вновь взялся за блокнот. Дон Хенаро уставился на меня и улыбнулся. Затем он склонил голову немного набок и раскрыл ноздри. Он, очевидно, имел замечательный контроль над мышцами, управляющими ноздрями, потому что они раскрылись в два раза против своего обычного размера.

Что было наиболее комичным в его клоунаде, так это не столько его жесты, как его собственная реакция на них. После того, как он расширил свои ноздри, он склонился вперед и вновь привел свое тело в ту же странную перевернутую позу сидения на голове.

Дон Хуан смеялся, пока слезы не потекли у него по щекам. Я чувствовал себя несколько раздраженным и смеялся нервно.

— Хенаро не любит писать, — сказал он как объяснение.

Я отложил свои заметки, но дон Хенаро сказал, что все в порядке с писанием, потому что он на самом деле не возражает против этого. Он повторил те же самые ребячливые движения, и оба они опять реагировали так же.

Дон Хуан взглянул на меня, все еще смеясь, и сказал, что его друг изображает меня. Что у меня есть привычка раздувать ноздри, как только я начинаю писать, и что дон Хенаро думает, что пытаться стать магом, записывая поучения, также абсурдно, как сидеть на голове, поэтому он и принимает такую абсурдную позу, перенося вес своего сидящего тела на одну голову.

— Может быть, ты не находишь это забавным, — сказал дон Хуан, — но только один Хенаро может сидеть на голове, и только один ты можешь думать о том, чтобы стать магом, записывая поучения.

Оба они опять имели взрыв смеха, и дон Хенаро повторил свое невероятное движение.

Мне нравился он. В его поступках было так много грации и прямоты.

— Приношу свои извинения, дон Хенаро, — сказал я, указывая на блокнот.

— Все в порядке, — сказал он и опять хмыкнул.

Я больше не мог писать. Они очень долго продолжали говорить о том, как растения действительно могут убить и как маги используют это качество растений. Оба они продолжали смотреть на меня, когда говорили, как бы ожидая, что я буду писать.

— Карлос, как лошадь, которая не любит быть оседланной, — сказал дон Хуан. — С ним надо быть очень деликатным. Ты испугал его, и теперь он не хочет писать.

Дон Хенаро расширил свои ноздри и сказал с насмешливой просьбой, гримасничая и вытягивая губы куриной попкой:

— Продолжая, Карлуша, пиши. Пиши, пока у тебя не отвалится большой палец.

Дон Хуан поднялся, вытягивая руки и выгибая спину. Несмотря на преклонный возраст, его тело было сильным и гибким. Он пошел в кусты с краю дома, и я остался наедине с доном Хенаро. Он посмотрел на меня, и я отвел глаза, потому что он заставлял меня чувствовать себя скованным.

— Не говори, что ты даже не хочешь смотреть на меня, — сказал он с крайне ребячливой интонацией.

Он раздул ноздри и заставил их дрожать. Затем он поднялся и повторил движения дон Хуана, выгибая спину и вытягивая руки, но при этом его тело приняло крайне невероятное положение; это была действительно неопишуемая поза, которая совмещала в себе исключительное чувство пантомимы и чувство загадочности. Она бросила меня в дрожь. Это была мастерская карикатура на дон Хуана.

В этот момент дон Хуан вернулся и заметил жест, а также, видимо, и его значение. Он сел, посмеиваясь.

— Куда дует ветер? — значительно спросил дон Хенаро.

Дон Хуан указал движением головы на запад.

— Я лучше пойду туда, куда ветер дует, — сказал дон Хенаро с серьезным выражением. Затем он повернулся ко мне и покачал мне пальцем.

— И не обращай внимания, если услышишь странный звук, — сказал он. — когда Хенаро срет — горы трясутся.

Он прыгнул в кусты, и мгновение спустя я услышал очень странный звук, глубокий неземной грохот. Я не знал, как его объяснить. Я взглянул на дон Хуана, ища объяснения, но он согнулся вдвое от хохота.

17 октября 1968 г.

Я не помню, что побудило дон Хенаро рассказать мне об устройстве «того света», как он его называл. Он сказал, что мастер-маг бывает орлом или, скорее, что он может превращаться в орла; с другой стороны, злой маг бывает совой. Дон Хенаро сказал, что злой маг — это дитя ночи, и для такого человека самые полезные животные — это пума и другие дикие кошки, или ночные птицы, особенно совы. Он сказал, что «брухос лирикос», лирические маги, имея в виду магов-дилетантов, предпочитают других животных, ворону, например. Дон Хуан засмеялся, он слушал молча. Дон Хенаро повернулся к нему и сказал:

— Это правда, ты же знаешь это, Хуан. Затем он сказал, что мастер-маг может взять своего ученика с собой в путешествие и, фактически, пройти через 10 слоев того света. Мастер, имея в виду, что он орел, может начать с самого первого нижнего слоя и затем проходить через каждый последующий мир, пока не достигнет вершины. Злые маги и дилетанты могут, в лучшем случае, сказал он, проходить только через три слоя.

Дон Хенаро коснулся того, что представляют собой эти ступени, сказав:

— Начинаешь с самого дна, и затем твой учитель берет тебя с собой в полет, и вскоре — бум... Ты проходишь сквозь первый слой. Затем, немного погодя, — бум... Ты проходишь сквозь второй; и — бум... Ты проходишь сквозь третий...

Дон Хенаро провел меня через 10 бумов до последнего слоя мира. Когда он окончил говорить, дон Хуан посмотрел на меня и понимающе улыбнулся.

— Разговор — не предрасположенность Хенаро, — сказал он, — но если ты хочешь получить урок, то он поучит тебя о равновесии вещей.

Дон Хенаро подтверждающе кивнул. Он сложил губы и полуприкрыл глаза. Мне его жест показался чудесным. Дон Хенаро поднялся, и также сделал дон Хуан.

— Ладно, — сказал дон Хенаро. — Мы можем поехать и подождать Нестора и Паблито. Они уже свободны. По четвергам они рано освобождаются.

Оба они сели ко мне в машину; дон Хуан сел спереди. Я ни о чем не спрашивал их, а просто завел мотор. Дон Хуан направлял меня к месту, которое, по его словам, было домом Нестора. Дон Хенаро вошел в дом и немного погодя вышел в сопровождении Нестора и Паблито, двух молодых людей, которые были его учениками.

Все они сели ко мне в машину, и дон Хуан сказал, чтобы я ехал по дороге, ведущей к западным горам.

Мы оставили мою машину на краю грунтовой дороги и пошли пешком вдоль берега реки, ширина которой была, вероятно, 5-6 метров, до водопада, видимого уже с того места, где я остановил машину.

Было около четырех часов дня. Окружающий вид был весьма внушительным. Прямо у нас над головами висела огромная черная с синевой туча, которая казалась парящей крышей; она имела хорошо выраженный край и форму громадного полукруга. К западу на склонах высоких центральных кордильер, видимо, шел дождь. Он выглядел беловатой занавеской, повешенной перед синими пиками. На востоке находилась глубокая длинная долина, над которой висели только отдельные облачка, и сияло солнце. Контраст между двумя этими районами был великолепен. Мы остановились у подножия водопада. Его высота была, пожалуй, около 50 метров; рев стоял очень громкий.

Дон Хенаро надел вокруг талии пояс, с него свисало семь предметов, которые выглядели, как маленькие кувшинчики. Он снял шляпу и дал ей висеть за спиной на шнурке, завязанном вокруг шеи. Он достал головную ленту, которая была у него в кошельке, сделанном из толстой шерстяной материи. Головная лента также была изготовлена из разноцветных шерстяных нитов. Ярко-желтый увет особенно выделялся в ней. В головную ленту он воткнул три орлиных пера. Я заметил, что точки, куда он воткнул перья, были несимметричны. Одно перо было над задним изгибом его правого уха, другое было на несколько дюймов впереди. Затем он снял сандалии, прицепил или привязал их к поясу штанов и застегнул пояс поверх своего пончо. Пояс, казалось, был сплетен из полосок кожи. Я не смог увидеть, завязал он его или застегнул на пряжку. Дон Хенаро пошел по направлению к водопаду.

Дон Хуан установил круглый камень в устойчивое положение и сел на него. Оба молодых человека сделали то же самое с другими камнями и сели слева от него. Дон Хуан указал мне на место рядом с собой с правой стороны и сказал, чтобы я принес камень и сел.

— Мы должны здесь образовать линию, — сказал он, показав, что они трое сели в один ряд.

К этому времени дон Хенаро достиг самого дна водопада и начал взбираться по скале слева от него. Оттуда, где мы сидели, скала казалась весьма отвесной. Там было много кустов, за которые он хватался, придерживаясь. Один раз он, видимо, потерял опору и чуть не соскользнул вниз, как если б почва была скользкой. Немного погодя повторилось то же самое, и мне пришла в голову мысль, что дон Хенаро, пожалуй, слишком стар, чтоб лазить по скалам. Я видел, как он несколько раз поскальзывался и оступался прежде, чем достиг точки, где расщелина, по которой он взбирался, кончилась.

Я испытал чувство растерянности, когда он начал карабкаться выше по скале. Я не мог себе объяснить, что он собирается делать.

— Что он делает? — спросил я дона Хуана шепотом. Дон Хуан не взглянул на меня.

— Очевидно, что он взбирается, — сказал он.

Дон Хуан смотрел прямо на дона Хенаро. Его взгляд был остановившимся. Его глаза были полуприкрыты. Он сидел очень прямо с руками, сложенными между ног. Я немного наклонился, чтобы посмотреть на молодых людей, дон Хуан сделал мне повелительный знак рукой, чтобы заставить меня вернуться назад в линию. Я тотчас откатнулся. Я лишь мельком видел молодых людей. Они казались такими же внимательными, как и он. Дон Хуан сделал еще один жест рукой и показал в направлении водопада. Я взглянул вновь. Дон Хенаро взобрался уже довольно далеко на скалу. В тот момент, когда я взглянул, он прилепился к небольшому выступу, понемногу прокладывая путь, чтобы обогнуть каменный козырек. Его руки были вытянуты в стороны, как если бы он обнимал скалу. Он медленно продвигался вправо и внезапно потерял опору под ногами. Я невольно ахнул. На мгновение все его тело повисло в воздухе. Я был уверен, что он падает, но он не упал. Его правая рука схватилась за что-то и очень постепенно его ноги вернулись на выступ вновь. Но прежде, чем двинуться дальше, он повернулся к нам и взглянул. Это был только взгляд мельком, но в повороте его головы была такая стилизация, что я начал чувствовать удивление. Я вспомнил тут, что он делал то же самое, поворачивался и смотрел на нас, каждый раз, когда он поскальзывался. У меня была мысль, что дона Хенаро раздражает его собственная неуклюжесть и он поворачивается посмотреть, видим ли мы ее.

Он еще немного продвинулся к вершине, еще один раз потерял опору под ногами и схватился за нависавшую скалу. На этот раз он удержался левой рукой. Когда он восстановил равновесие, он опять повернулся и посмотрел на нас. Он еще дважды поскальзывался прежде, чем он достиг вершины.

Оттуда, где мы сидели, верхний край водопада казался 6-7 метров шириной. Секунду дон Хенаро стоял неподвижно. Я собирался спросить дона Хуана, что дон Хенаро собирается там

делать, но дон Хуан, казалось, был так поглощен наблюдением, что я не осмелился беспокоить его.

Внезапно, дон Хенаро прыгнул в воду. Это был такой совершенно неожиданный поступок, что у меня захватило дыхание. Это был великолепный неземной прыжок. На мгновение мне показалось, что я видел серию налагающихся друг на друга снимков его тела, совершающих эллиптический полет на середину реки.

Когда мое удивление улеглось, я заметил, что он приземлился на камень на самом краю водопада, камень, который был едва заметен с того места, где мы сидели.

Он оставался там долгое время; он, казалось, боролся с перекачивающейся через камень водой. Дважды он повисал над пропастью, и я не мог понять, что его удерживает от падения. Он восстановил свое равновесие и переступил на камне с ноги на ногу. Затем он прыгнул опять, как тигр. Я едва мог видеть следующий камень, на который он опустился; это был как бы маленький острый выступ на гребне водопада.

Там он оставался почти 10 минут. Он был неподвижен. Его неподвижность была для меня столь внушительной, что я начал дрожать. Я хотел встать и пройти. Дон Хуан заметил мою нервозность и повелительно велел мне успокоиться.

Неподвижность дон Хенаро привела меня в необычайный мистический ужас. Я чувствовал, что если он еще останется там стоять, то я не смогу удерживать контроль над собой. Внезапно он прыгнул вновь. На этот раз прямо до другого берега водопада. Он опустился на ноги и руки, как кошка; оставался в таком положении секунду, затем поднялся и взглянул через водопад на другую сторону, а затем вниз на нас. Он стоял в каменной неподвижности, глядя на нас. Его руки были прижаты к бокам так, как если бы он держался за невидимые поручни.

Было что-то поистине непонятное в том, как он стоял; его тело казалось такими тонким, таким хрупким. Я подумал, что дон Хенаро со своей головной повязкой, со своими орлиными перьями, своим темным пончо и своими босыми ногами был самым красивым человеческим существом, какое я когда-нибудь видел.

Внезапно он выбросил руки вверх, поднял голову и быстро бросил свое тело в сторону, наподобие бокового сальто влево. Валун, на котором он стоял, был круглый, и когда он прыгнул, он исчез за ним.

В этот момент стали падать крупные капли дождя. Дон Хуан поднялся и вместе с ним поднялись двое молодых людей. Их движение было столь внезапным, что я замешкался. Мастерский трюк дон Хенаро ввел меня в состояние глубоко эмоционального возбуждения. Я чувствовал, что он является все охватывающим артистом, и я хотел тут же увидеть его и аплодировать ему. Я старался взглянуть на левую сторону водопада, чтобы увидеть, не спускается ли он вниз, но его не было. Я настаивал на том, чтобы узнать, что с ним случилось. Дон Хуан не отвечал.

— Нам лучше поспешить отсюда, — сказал он. — это настоящий ливень. Нам надо завезти Паблито и Нестора к ним домой, а потом мы начнем свое обратное путешествие.

— Я даже не попрощался с доном Хенаро, — возражал я.

Он уже попрощался с тобой, — ответил дон Хенаро резко.

Он секунду смотрел на меня, затем смягчил свое выражение лица и улыбнулся.

— Он пожелал тебе также всего хорошего. Он чувствовал себя прекрасно с тобой.

— Но разве мы не собираемся дожидаться его?

— Нет, — сказал резко дон Хуан, — пусть он остается, где бы он ни был. Может, он орел, летящий к другим мирам или, может быть, он умер там. Это не имеет сейчас значения.

23 октября 1968 г.

Дон Хуан невзначай заметил, что он собирается в недалеком будущем совершить еще одну поездку в центральную Мексику.

— Ты собираешься навестить дон Хенаро? — спросил я.

— Возможно, — сказал он, не глядя на меня.

— С ним все в порядке, не так ли, дон Хуан? Я хочу сказать, что с ним ничего не случилось плохого тогда на вершине водопада?

— Ничего с ним не случилось. Он крепок.

Некоторое время мы разговаривали о путешествии, которое он планировал. Затем я сказал, что мне очень понравилось в компании с доном Хенаро, и понравились его шутки. Он засмеялся и сказал, что Хенаро, действительно, как ребенок. Тут была длинная пауза. Я напрягал свой мозг, пытаюсь найти способ, как перевести разговор на данный мне урок. Дон Хуан посмотрел на меня и жалостливым тоном сказал:

— Тебе до смерти хочется спросить меня об уроке Хенаро, не так ли?

Я напряженно засмеялся. Я не переставал думать обо всем, что произошло у водопада. Я вновь и вновь перебирал все детали, какие только мог вспомнить, и приходил к заключению,

что я был свидетелем проявления невероятной физической ловкости. Я думал, что дон Хенаро, без сомнения, является непревзойденным мастером равновесия. Каждое отдельное движение, которое он сделал, было высоко ритуализованным, уж не говоря о том, что оно должно было иметь какое-то необъяснимое символическое значение.

— Да, — сказал я. — Признаю, что мне до смерти хочется узнать, в чем заключался его урок.

— Позволь мне сказать тебе, — сказал дон Хуан, — что это для тебя было тратой времени. Его урок был для того, кто видит. Паблито и Нестор уловили отблеск этого урока, хотя они еще видят плохо. Но ты пришел туда смотреть. Я говорил Хенаро, что ты очень странный набитый дурак и что, может быть, тебя можно опустошить его уроком, но с тобой этого не случилось. Впрочем, это не важно. Виденье — Очень трудная вещь. Я не хотел, чтобы ты потом разговаривал с Хенаро, поэтому нам пришлось уехать. Очень плохо. Однако, было бы хуже остаться. Хенаро очень рисковал, чтобы показать тебе что-то действительно чудесное. Очень плохо, что ты не можешь видеть.

— Может быть, дон Хуан, если ты расскажешь мне, в чем состоял урок, то я смогу обнаружить, что я, в действительности, видел.

Дон Хуан от смеха согнулся вдвое.

— Твоя лучшая черта — задавать вопросы, — сказал он.

Он явно собирался вновь оставить эту тему. Мы сидели, как обычно, на площадке перед его домом. Внезапно, он поднялся и вошел внутрь. Я пошел следом, настаивая на том, чтоб описать ему то, что я видел.

Я верно изложил всю последовательность событий так, как их помнил. Все время, пока я рассказывал, дон Хуан продолжал улыбаться. Когда я закончил, он потряс головой.

— Виденье очень трудная вещь, — сказал он.

Я попросил его объяснить свою фразу.

— Виденье — это не тема для разговоров, — сказал он повелительно. Очевидно, он не собирался больше ничего мне рассказывать. Поэтому я сдался и вышел из дома, чтобы выполнить кое-какие его поручения.

Когда я вернулся, уже стемнело. Мы перекусили, а затем вышли на рамаду. Не успели мы усесться, как дон Хуан начал говорить об уроке дон Хенаро. Он совсем не дал мне времени, чтоб к этому подготовиться. Мои записки были при мне, но было слишком темно, чтобы писать, и я не хотел сбивать его с разговора тем, чтоб пойти за керосиновой лампой.

Он сказал, что дон Хенаро, будучи мастером равновесия, мог выполнять очень сложные и трудные движения. Сидение на голове было одним из таких движений, и им он хотел показать мне, что невозможно учиться видеть, делая записки. Сидение на голове без помощи рук было, в лучшем случае, шутовским трюком, который длится лишь секунду. По мнению дон Хенаро, писать о видении — это то же самое, то есть это просто трудный маневр, такой же странный и такой же ненужный, как сиденье на голове.

Дон Хуан уставился на меня в темноте и очень драматическим тоном сказал, что в то время, как дон Хенаро обхаживал меня, сидя на голове, я был на самой грани видения. Дон Хенаро заметил это и повторял свой маневр снова и снова, но без толку, так как я уже потерял найденную было нить. Дон Хуан сказал, что затем дон Хенаро, тронутый личной симпатией ко мне, предпринял попытку вновь вернуть меня на грань видения. После очень тщательных размышлений он решил показать мне, что такое равновесие, пересекая водопад. Он чувствовал, что водопад подобен тому порогу, перед которым я стою, и верил, что я тоже смогу его пересечь.

Затем дон Хуан объяснил представление, данное доном Хенаро. Он сказал, что уже говорил мне, что человеческие существа являются для тех, кто видит, светящимися существами, состоящими из чего-то вроде волокон света, которые крутятся спереди назад и дают видимость яйца.

Он сказал, что говорил мне также, что самой поразительной чертой яйцеподобных существ был набор длинных волокон света, выходящих из района пупка.

Дон Хуан сказал, что эти волокна имеют очень большое значение в жизни человека. Эти волокна были секретом равновесия дон Хенаро, и его урок не имел ничего общего с акробатическим прыжком через водопад. Его показ равновесия состоял в том, как он использовал эти «щупальцеподобные» нити.

Дон Хуан прекратил разговор на эту тему так же внезапно, как он его начал, и стал говорить о чем-то совершенно другом.

24 октября 1968 г.

Я загнал дон Хуана в угол и сказал, что я интуитивно чувствую, что никогда больше мне не дадут урока равновесия, и что он должен объяснить мне все скрытые детали, которые, в

противном случае, я никогда не смогу открыть сам. Дон Хуан сказал, что я прав в том, что дон Хенаро не станет мне давать другого урока равновесия.

— Что еще хочешь ты знать? — спросил он.

— Что это за щупальцеобразные нити, дон Хуан?

— Это щупальца, которые выходят из тела человека и которые очевидны для любого мага, который может видеть. Маги действуют в отношении людей согласно тому, как они видят их щупальца. Слабые люди имеют очень короткие, почти незаметные щупальца; сильные люди имеют щупальца длинные и яркие. У Хенаро, например, они настолько яркие, что кажутся твердыми. По этим нитям можно сказать, здоров ли человек или он болен, злой он или добрый, или предатель. По этим нитям можно сказать также, может ли человек видеть. Однако, здесь встает трудная проблема. Когда Хенаро увидел тебя, то он узнал, совершенно также, как и мой друг Висент, что ты можешь видеть; когда я вижу тебя, то я вижу, что ты можешь видеть, и в то же время я знаю сам, что ты этого не можешь. Как обманчиво. Хенаро не мог преодолеть этого. Я говорил ему, что ты странный дурак. Я думаю, что он хотел сам это увидеть и поэтому взял тебя на водопад.

— Почему ты считаешь, что я произвожу впечатление, что могу видеть ?

Дон Хуан не ответил мне. Он долго молчал. Я не хотел ничего больше у него спрашивать. Наконец, он заговорил, он сказал, что он знает, почему, но не знает, как это объяснить.

— Ты считаешь, что все в мире легко понять, — казал он, — Потому что все, что ты делаешь — это рутина, которую понять легко. У водопада, когда ты смотрел на то, как Хенаро движется через воду, ты считал, что он мастер сальтомортале, потому что сальтомортале — это было все, о чем ты мог думать. И ты всегда будешь считать, что это все, что он делал. Однако, Хенаро совсем не прыгал через воду. Если бы он прыгнул, то он бы погиб. Хенаро уравнивал себя на своих совершенных ярких нитях. Он делал их длинными, длинными настолько, что он мог, скажем, перекатиться по ним через водопад. Он демонстрировал верный способ, как делать эти щупальца длинными и как ими с точностью манипулировать. Паблито видел почти все движения Хенаро. Нестор, с другой стороны, видел только самые очевидные маневры. Он упустил мелкие детали. Но ты, ты совершенно ничего не видел.

— Может быть, если бы ты, дон Хуан, сказал мне заранее на что смотреть...

Он прервал меня и сказал, что это только мешало бы дону Хенаро, если бы он стал давать мне инструкции. Если бы я знал, что именно должно произойти, то мои нити были бы возбуждены и взаимодействовали бы с нитями дона Хенаро.

— Если бы ты мог видеть, — сказал он, — то тебе было бы ясно уже с первого же шага, сделанного Хенаро, что он не поскользнулся, когда взбирался к вершине водопада. Он ослаблял свои щупальца. Дважды он охватывал ими камни и повисал на голой скале, как муха. Когда он поднялся на вершину и был готов пересечь воду, он сфокусировал их на небольшом камне в середине потока, и когда они были там надежно закреплены, он позволил щупальцам перебросить (перетащить рывком) его туда. Хенаро вовсе не прыгал и поэтому мог приземляться на скользкую поверхность совсем маленьких камней на самом краю водопада. Его нити были постоянно тщательно обернуты вокруг каждого камня, который он использовал.

Он не стоял очень долго на первом камне, потому что остальные его нити были закреплены за другой, еще более маленький камень в том месте, где напор воды был наибольшим. Его щупальца перетаскивали его вновь, и он приземлился на него. Это была самая выдающаяся вещь, которую он сделал. Поверхность камня была слишком маленькой для того, чтобы человек мог на нем стоять, и напор воды сбросил бы его в пропасть, если бы он не оставил часть своих нитей на первом камне.

В этом втором положении он стоял долгое время, потому что ему нужно было опять вытянуть свои щупальца и послать их на другую сторону водопада. Когда он закрепил их там, ему нужно было освободить нити, закрепленные на первом камне.

Это было очень хитро. Пожалуй, только один Хенаро мог сделать это. Он чуть не потерял свою хватку, или может, он просто дурачил нас, мы этого никогда наверняка не узнаем. Лично я действительно думаю, что он чуть не потерял свою хватку. Я знаю это потому, что он напрягся и выбросил через воду великолепный пучок, подобный лучу прожектора. Я чувствую, что один лишь этот пучок мог перетянуть его на другую сторону. Когда он оказался на другой стороне, он встал и дал своим нитям сиять, как множество огней. Это он сделал специально для тебя. Если бы ты был способен видеть, то это ты бы увидел.

Хенаро стоял там, глядя на тебя и тогда узнал, что ты не видел.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЗАДАЧА «ВИДЕНИЯ»

Дона Хуана не было дома, когда я приехал к нему в полдень 8 ноября 1968 года. Я не имел представления, где его искать, поэтому я сидел и ждал. По какой-то неизвестной мне причине я знал, что он скоро вернется. Немного погодя, дон Хуан вошел в дом. Он кивнул мне. Мы обменялись приветствиями. Он, казалось, устал и лег на циновку. Он пару раз зевнул.

Идея виденья стала для меня камнем преткновения, и я решил воспользоваться опять его галлюциногенной курительной смесью. Сделать такое решение было ужасно трудно, поэтому я хотел еще немного обговорить этот вопрос.

— Я хочу учиться видеть, дон Хуан, — сказал я. — Но я действительно не хочу ничего принимать. Я не хочу курить твою смесь. Как ты думаешь, есть ли какой-нибудь шанс для меня научиться видеть без этого.

Он сел, секунду пристально смотрел на меня, а затем лег опять.

— Нет, — сказал он. — тебе придется воспользоваться дымком.

— Но ты говорил, что я был на грани виденья у дона Хенаро.

— Я хотел сказать, что что-то в тебе светилось, как будто ты действительно осознавал то, что делает Хенаро, но ты просто смотрел. В тебе, очевидно, есть что-то, что напоминает виденье, но не является им. Ты набит до краев, и только дымок может помочь тебе.

— Но зачем нужно курить? Почему нельзя просто научиться видеть самому? У меня очень сильное желание, разве этого недостаточно?

— Нет, этого недостаточно. Виденье — не так просто, и только курение может дать тебе скорость, которая необходима для того, чтобы уловить отблеск того ускользающего мира. Иначе ты будешь только смотреть.

— Что ты имеешь в виду под ускользающим миром?

— Мир, когда ты видишь, не таков, каким ты представляешь его себе сейчас. Это, скорее, ускользающий мир, который движется и изменяется. Может быть, можно научиться самому воспринимать этот ускользающий мир, но добра из этого не выйдет, потому что тело разрушается от стресса. С другой стороны, с курением никогда не страдаешь от утомления. Курение дает необходимую скорость для того, чтобы поймать ускользающее движение мира, и в то же время оно сохраняет тело и его силы незатронутыми.

— Хорошо, — сказал я драматически. — Я не хочу больше ходить вокруг да около. Я буду курить.

Он рассмеялся над моим проявлением эмоций.

— Выброси это из головы, — сказал он. — Ты всегда хватаешься не за то, за что следует. Теперь ты считаешь, что простое решение позволить дымку вести себя может дать тебе виденье. Нужно еще многое. Для чего угодно всегда нужно еще многое.

На секунду он стал серьезным.

— Я был с тобой очень осторожен, и мои поступки были обдуманны, — сказал он, — потому что мескалито захотел, чтоб ты узнал мое знание. Но я знаю, что у меня не будет времени, чтобы научить тебя всему, что я хочу. У меня будет время только на то, чтобы поставить тебя на дорогу и верить, что ты будешь искать также, как искал я сам. Я должен признать, что ты более упрям и менее восприимчив, чем я. В то же время ты имеешь иные взгляды, и то, какое направление примет твоя жизнь — вещь, которую я не могу предвидеть.

Его рассудительный тон голоса, что-то в его поведении вызвало во мне старое чувство, смесь страха, одиночества и ожидания.

— Скоро мы узнаем, где ты стоишь, — сказал он загадочно.

Больше он ничего не сказал. Немного погодя он вышел из дома. Я вышел следом и стоял перед ним, не зная, то ли сесть, то ли распаковать свертки, которые я привез ему.

— Это будет опасно? — спросил я просто, чтобы что-нибудь сказать.

— Все опасно, — сказал он.

Дон Хуан, видимо, не был расположен говорить мне что-нибудь еще. Он собрал какие-то маленькие узлы, лежавшие в углу, и сложил их в сетку. Я не предлагал ему помощь, потому что знал, если она ему понадобится, то он попросит об этом. Потом он лег на соломенную циновку. Он велел мне расслабиться и отдохнуть. Я лег на свою циновку и попытался заснуть, но я не был усталым. Предыдущей ночью я остановился в мотеле и проспал до полудня, зная, что до дома дона Хуана мне ехать всего три часа.

Он тоже не спал. Хотя его глаза были закрыты, я заметил почти неуловимые ритмические движения его головы. Мне подумалось, что он, пожалуй, поет про себя.

— Поедим что-нибудь, — внезапно сказал дон Хуан, и его голос заставил меня подскочить. — Тебе понадобится вся твоя энергия. Ты должен быть в хорошей форме.

Он приготовил суп, но я не был голоден.

На следующий день, 9 ноября, дон Хуан позволил мне съесть лишь крошку пищи и велел отдыхать. Я лежал все утро, но расслабиться не мог. Я не имел представления, что у дон Хуана на уме, но что хуже всего, я не был уверен и в том, что на уме у меня самого.

Около трех часов дня мы сидели под его рамадой. Я был очень голоден. Несколько раз я предлагал, чтобы мы поели, но он отказывался.

— Ты не готовил смесь уже три года, — внезапно сказал он. — тебе придется курить мою смесь, поэтому будем считать, что я собрал ее для тебя. Тебе понадобится ее совсем немного. Я один раз набью трубку. Ты всю ее выкуришь и затем отдохнешь. Потом придет хранитель другого мира. Ты не будешь ничего делать, только наблюдать за ним. Наблюдай, как он двигается; наблюдай за всем, что он делает. Твоя жизнь может зависеть от того, насколько хорошо ты следишь.

Дон Хуан так внезапно прервал свои инструкции, что я не знал, что сказать и даже что подумать. Какое-то время я бормотал что-то неразборчивое. Я не мог привести в порядок свои мысли. Наконец, я спросил первое, что пришло мне в голову.

— Кто такой сторож?

— Ты увидишь его, — сказал он. — Он охраняет другой мир.

— Какой мир? Мир мертвых?

— Это не мир мертвых и не мир чего-нибудь еще. Это просто другой мир. Нет пользы говорить тебе об этом. Ты увидишь это сам. — С этим дон Хуан пошел в дом. Я последовал за ним в его комнату.

— Подожди, подожди, дон Хуан. Что ты собираешься делать?

Он не отвечал. Он вытащил из мешочка свою трубку и сел на соломенный мат в центре комнаты, инквизиторски глядя на меня. Казалось, он ждал моего согласия.

— Ты дурак, — сказал он мягко. — Ты не боишься. Ты просто говоришь себе, что ты боишься.

Он медленно покачал головой с боку на бок. Затем он достал небольшой мешочек с курительной смесью и набил трубку.

— Я боюсь, дон Хуан. Я действительно боюсь.

— Нет, это не страх.

Я отчаянно старался выиграть время и начал длинное обсуждение природы моих чувств.

Я искренне считал, что боюсь, но он указал мне на то, что дыхание мое не прерывисто, и сердце мое бьется не быстрее, чем обычно.

Я немного подумал о том, что он сказал. Он ошибался; у меня было много физических изменений, обычно связанных со страхом, и я был в отчаянии. Чувство надвигающегося рока окрасило все вокруг меня. Желудок мой был беспокоен, и я был уверен, что побледнел; ладони мои сильно вспотели, и, тем не менее, я действительно думал, что я боюсь.

У меня не было того чувства страха, к которому я привык за свою жизнь. Страх, который всегда был неразрывно моим, отсутствовал. Я разговаривал, шагая взад и вперед по комнате перед доном Хуаном, который все еще сидел на своей циновке, держа свою трубку и инквизиторски на меня глядя.

Наконец, рассмотрев все это, я пришел к заключению, что то, что я чувствовал вместо обычного страха, было глубокое чувство неудовольствия при одной только мысли о том смешении понятий, которое сохдается при принятии галлюциногенных растений.

Дон Хуан пристально смотрел на меня в этот момент, затем он взглянул позади меня, прищурившись, как будто он старается обнаружить что-то на расстоянии.

Я продолжал ходить взад и вперед перед ним до тех пор, пока он твердо не сказал мне, чтобы я сел и расслабился. Несколько минут мы тихо сидели.

— Ты не хочешь потерять свою ясность? — сказал он внезапно.

— Да, дон Хуан, — ответил я.

Он засмеялся с явным удовольствием.

— Ясность, второй враг человека знания, написана на тебе. Ты не боишься, — сказал он убежденно, — но теперь ты не хочешь потерять свою ясность, и так как ты дурак, ты называешь это страхом.

Он довольно засмеялся.

— Принеси мне угли, — приказал он.

Его тон был мягким и успокаивающим. Я автоматически встал и вышел за дом, чтобы собрать небольшие кусочки горящего угля от костра, положил их на маленькую плитку камня и вернулся в комнату.

— Выходи на крыльцо, — громко позвал дон Хуан снаружи.

Он положил соломенную подстилку на место, где я обычно сидел. Я положил угли рядом с ним, и он подул на них, чтобы развести огонь. Я собирался сесть, но он остановил меня и велел мне сесть на край циновки. Затем он положил кусочек угля в трубку и вручил ее мне.

Я взял ее. Я был удивлен тихой убедительностью, с которой дон Хуан управлял мной. Я не мог придумать, что сказать. У меня не было аргументов. Я был убежден, что не боюсь, но только непроизвольно, потерять свою ясность.

— Дуй, дуй, — приказал он мне спокойно. — только одна чашка.

Я потянул трубку и услышал шуршание смеси, занимавшейся огнем. Я почувствовал мгновенно холод во рту и в носу. Когда я сделал последнюю затяжку, я почувствовал, что вся внутренность моего тела была покрыта особым ощущением холодного тепла.

Дон Хуан взял у меня трубку и постучал чашкой по ладони, чтобы выбить остаток. Затем, как он делал всегда, он смочил свой палец слюной и протер им внутри чашки.

Мое тело онемело, но я мог двигаться. Я изменил положение, чтобы сесть более удобно.

— Что должно случиться? — спросил я.

Мне было несколько трудно говорить.

Дон Хуан очень бережно убрал свою трубку в чехол и завернул его в длинный кусок ткани. Затем он встал прямо против меня. Я почувствовал головокружение; мои глаза непроизвольно закрылись. Дон Хуан энергично встряхнул меня и приказал мне не спать. Он сказал, что я знаю очень хорошо, что если я усну, то я умру. Это встряхнуло меня. Мне пришло в голову, что дон Хуан говорил мне это, может быть, чтобы сохранить меня пробужденным, но, с другой стороны, мне также пришло в голову, что он мог быть прав. Я как можно шире раскрыл свои глаза, и это заставило дон Хуана рассмеяться. Он сказал, что я должен ждать и не закрывать глаз все время, и что в определенный момент я смогу увидеть хранителя другого мира.

Я почувствовал очень неприятный жар во всем моем теле; я попытался изменить положение, но я не мог сдвинуться. Я хотел обратиться к дону Хуану, но слова, казалось, были так глубоко внутри меня, что я не мог вытянуть их. Тогда я упал на левую сторону и обнаружил себя смотрящим на дон Хуана с пола.

Он наклонился и приказал мне шепотом не смотреть на него, а пристально смотреть в точку на циновке, которая была прямо против моих глаз. Он сказал, что я должен смотреть одним глазом, левым, и что рано или поздно я увижу хранителя.

Я направил пристальный взгляд на точку, которую он указал, но ничего не видел. В некоторый момент, однако, я заметил мошку, летавшую перед моими глазами. Она села на циновку. Я следил за ее движениями. Она приблизилась очень близко ко мне, так близко, что мое зрительное ощущение затуманилось. И затем, внезапно, я почувствовал, что я как бы поднялся. Это было очень сбивающее с толку ощущение и заслуживало некоторого объяснения, но для этого не было времени. У меня было полное ощущение, что я видел прямо вперед от моего обычного уровня глаз, и то, что я увидел, потрясло все фибры моего существа. Нет способа, чтобы описать эмоциональный толчок, который я пережил. Прямо передо мной было гигантское, чудовищное животное. Действительно чудовищная вещь! Никогда в самых диких фантазиях у меня не было столкновений ни с чем, подобным этому. Я смотрел на него в совершенном, крайнем замешательстве.

Первой вещью, которую я действительно заметил, был его размер. Я подумал по какой-то причине, что оно, должно быть, было около ста футов высотой. Оно, казалось, стояло прямо, хотя я не мог понять, как оно стояло. Затем я заметил, что оно имело крылья, два коротких, широких крыла. В этом месте я стал сознавать, что я настойчиво рассматриваю животное, как будто оно было обычного вида, то есть я смотрел на него. Однако, я не мог в действительности смотреть на него путем, каким я привык смотреть. Я понял, что я, скорее, замечал его по частям, как будто, картина становилась более ясной, когда добавлялись части. Его тело было покрыто пучками черных волос. У него было длинное рыло, которое сочилось. Его глаза были выпуклые и круглые, подобно двум огромным белым шарам.

Затем оно начало махать крыльями. Это было не движение крыльев, как у птиц, а трепетание, вибрация. Оно набрало скорость и начало кружиться передо мной; это был не полет, а, скорее, торможение с поразительной скоростью и проворством, всего в нескольких дюймах над землей. В этот момент я обнаружил себя поглощенным в наблюдение за его движением. Я подумал, что его движения были безобразны, но однако, его скорость и легкость были великолепны.

Оно покружилось дважды передо мной, вибрируя своими крыльями, и все, что сочилось из его рта, летело во всех направлениях. Затем оно описало круг и заскользило прочь с неопишуемой скоростью, пока не исчезло из вида. Я пристально смотрел в направлении, в котором оно улетело, так как ничего не было, что я мог бы делать. У меня было очень странное ощущение тяжести, ощущение существа, неспособного собрать свои мысли связно. Я не мог сдвинуться. Я был как будто приклеен к месту.

Затем я увидел вдали нечто, похожее на пятно; спустя мгновение громадный зверь снова кружился на полной скорости передо мной. Его крылья были все ближе и ближе к моим

глазам, пока не достигли меня. Я почувствовал, что его крылья действительно достали меня, они были здесь. Я пронзительно закричал со всей своей силой, собрав в одно самые мучительные усилия, которые я когда-либо имел.

Следующей вещью, которую я осознал, было то, что я сидел на своей циновке, и дон Хуан тер мой лоб. Он натер мои руки и ноги листьями, затем он отвел меня к канаве позади его дома, снял с меня одежду и полностью окунул меня в воду; затем вытащил меня и окунул меня снова и снова.

Когда я лежал в мелкой канаве, дон Хуан вынимал мою левую ногу время от времени и похлопывал осторожно по подошве. После этого я чувствовал щекотание. Он заметил это и сказал, что я был в порядке. Я оделся, и мы вернулись в его дом. Я снова сел на свой соломенный мат и попытался заговорить, но почувствовал, что не мог сконцентрироваться на том, что я хотел сказать, хотя мои мысли были очень ясными. Я был удивлен, поняв, как много концентрации необходимо, чтобы говорить. Я также заметил, что для того, чтобы сказать что-либо, я останавливал взгляд на вещах. У меня было впечатление, что я запутался очень глубоко, и когда я хотел говорить, я должен был всплыть подобно водолазу; я должен был подняться, как будто притянутый своими словами. Дважды пытался откашляться обычным способом. Я мог сказать тогда все, что я хотел, но я не мог. Я предпочитал оставаться на необычном уровне тишины, где я мог только смотреть. У меня было чувство, что я постучался в то, что дон Хуан называл «видение», и это сделало меня очень счастливым.

Потом дон Хуан дал мне суп и лепешки и велел мне есть. Я мог есть без какого-либо усилия и без потери того, что, я думал, было моей «силой видения». Я фокусировал свой пристальный взгляд на всем вокруг меня. Я был убежден, что я мог «видеть» все, и, тем не менее, весь мир выглядел таким же, насколько я оценивал. Я старался «видеть» до тех пор, пока не стало совершенно темно. Наконец, я перестал стараться, лег и заснул.

Я проснулся, когда дон Хуан покрывал меня одеялом. У меня болела голова и тошнило. Потом я почувствовал себя лучше и крепко заснул до следующего дня.

Утром я был собой снова. Я нетерпеливо спросил дон Хуана:

— Что происходило со мной?

Дон Хуан скромно засмеялся.

— Ты ходил смотреть хранителя, и, конечно, ты нашел его, — сказал он.

— Но что это было, дон Хуан?

— Страж, хранитель, часовой другого мира, — сказал дон Хуан убедительно.

Я намеревался рассказать ему подробности об этом зловещем и безобразном звере, но он не обратил внимания на мою попытку, сказав, что мое переживание не было особенным, что любой человек мог пережить это.

Я сказал ему, что хранитель вызвал во мне такой шок, что я действительно не был еще способен думать об этом.

Дон Хуан рассмеялся и высмеял то, что он называл сверхдраматической наклонностью моей натуры.

— Эта вещь, чем бы она ни была, задела меня, — сказал я. — это было так реально, как ты и я.

— Конечно, это было реально. Причинила ли она вам боль, или нет?

Когда я вспоминал свои переживания, мое возбуждение росло. Дон Хуан велел мне успокоиться. Затем он спросил меня, действительно ли я боялся его; он подчеркнул слова «действительно».

— Я был ошеломлен, — сказал я. — Никогда в моей жизни у меня не было переживания такого благоговейного страха.

— Брось, — сказал он, смеясь. — Тебе было нечего бояться.

— Я клянусь тебе, — сказал я с искренней страстью, — что если бы я мог двигаться, я убежал бы в истерику.

Он нашел мое утверждение очень забавным и захохотал во все горло.

— Что же заставило меня видеть это чудовище, дон Хуан?

Он стал серьезным и пристально посмотрел на меня.

— Это был страж, — сказал он. — если ты хочешь видеть, ты должен победить стража.

— Но как я могу победить его, дон Хуан? Он, возможно, сто футов высотой.

Дон Хуан засмеялся так сильно, что слезы потекли из его глаз.

— Почему ты не позволяешь мне рассказать тебе о том, что я видел, таким образом здесь не было бы ничего непонятного? — сказал я.

— Если это делает тебя счастливым, продолжай, рассказывай мне.

Я рассказал все, что я мог вспомнить, но это, казалось, не изменило его настроения.

— Однако, в этом ничего нового, — сказал он, улыбаясь.

— Но как ты ожидаешь, что я смогу победить вещь, подобную этой? Чем?

Он замолчал и совершенно успокоился. Затем он повернулся ко мне и сказал:

— Ты боялся в действительности? Тебе было больно, но ты не боялся.

Он откинулся на какие-то узлы и закинул руки за голову. Я подумал, что он оставил этот разговор.

— Ты знаешь, — сказал он неожиданно, смотря на крышу рамады, — каждый человек может видеть стража. Страж иногда является некоторым из нас устрашающим зверем высотой до неба. Ты счастливее; для тебя он был только сто футов высотой. И все же его секрет очень прост.

Он замолчал на мгновение и замурлыкал мексиканскую песенку.

— Страж другого мира был комар, — сказал он медленно, как будто измеряя действие своих слов.

— Извините.

— Страж другого мира — комар, — повторил он. — то, с чем ты встретился вчера, был комар; и этот маленький комар не пропустит тебя, пока ты не победишь его.

В этот момент я не хотел верить в то, что говорил дон Хуан, но, припомнив по порядку свою встречу, я должен был согласиться, что в один момент я смотрел на комара, а мгновение спустя произошел вид миража, и я увидел зверя.

— Но как мог комар повредить мне, дон Хуан? — спросил я, действительно сбитый с толку.

— Он был не комаром, когда причинял тебе боль, — сказал он, — он был стражем другого мира. Возможно, однажды ты соберешься с мужеством победить его. Не теперь, я думаю; теперь он для тебя стофутовый брызгающий зверь. Но нечего говорить об этом. Стоять перед ним — это не подвиг; поэтому, если ты хочешь знать больше об этом, ты должен найти стража снова.

Два дня спустя, 11 ноября, я снова курил смесь дон Хуана.

Я попросил дон Хуана дать мне покурить еще раз, чтобы найти стража. Я попросил его не сразу, а после долгого размышления. Моя заинтересованность стражем была намного больше моего страха или неудобства потерять свою ясность.

Процедура была такой же. Дон Хуан набил трубку, и, когда я кончил все содержимое, он взял ее и спрятал.

Эффект был заметно медленнее. Когда я почувствовал небольшое головокружение, дон Хуан подошел ко мне и, взяв мою голову руками, помог мне лечь на левый бок. Он велел мне вытянуть ноги и расслабиться, а затем помог мне поставить мою правую руку перед собой, на уровне моей груди. Он так повернул мою ладонь, чтобы я оперся на циновку, и позволил бы отдохнуть моему телу. Я ничего не делал, чтобы помочь или помешать ему, так как я не знал, что он собирается делать.

Он сел напротив меня и велел мне ни на чем не концентрироваться. Он сказал, что хранитель собирался прийти и что я должен смотреть вокруг, чтобы увидеть его. Он также сказал мне небрежно, что страж мог причинить большую боль, но что был один способ предотвратить это. Он сказал, что два дня назад он заставил меня сидеть, потому что он считал, что этого с меня достаточно. Он указал на мою правую руку и сказал, что он намеренно поставил ее в такое положение, чтобы я мог пользоваться ей, как рычагом, чтобы продвигаться, куда бы я ни пожелал.

Ко времени, когда он кончил говорить мне все это, мое тело совсем онемело. Я хотел обратить его внимание на то, что мне будет невозможно продвигаться, потому что я потерял контроль над моими мускулами. Я пытался произнести слова, но не мог. Он, казалось, предвидел это, однако, и объяснил, что вся хитрость была в желании. Он убеждал меня вспомнить время, несколько лет назад, когда я впервые курил грибы. В этом случае я падал на землю и вскакивал на ноги снова при действии того, что он называл в то время моим «желанием»; я «выдумывал сам». Он сказал, что это был единственно возможный способ встать.

То, что он говорил, было бесполезно для меня, потому что я не помнил, что я в действительности делал прежде. У меня было всепоглощающее чувство безнадежности, и я закрыл глаза.

Дон Хуан схватил меня за волосы, энергично встряхнул мою голову и повелительно приказал мне не закрывать глаза. Я не только открыл глаза, но сделал что-то, что, я думаю, было удивительным. Я действительно сказал:

— Я не знаю, как я вставал тогда.

Я был сильно удивлен. Что-то очень монотонное было в ритме моего голоса, но это был действительно мой голос, и, тем не менее, я честно верил, что я не мог сказать это, потому что минутой раньше я не был способен говорить.

Я посмотрел на дона Хуана. Он отвернулся и засмеялся.

— Я не говорил этого, — сказал я.

Я опять сильно удивился своему голосу. Я почувствовал ободрение. Говорить при этих условиях стало развлекательным процессом. Мне хотелось попросить дона Хуана, чтобы он объяснил мой разговор, но я обнаружил, что снова не был способен произнести ни единого слова. Я неистого старался высказать свои мысли, но бесполезно. Я отказался от этого, и в этот момент, почти непроизвольно, произнес:

— Кто говорит, кто говорит?

— Этот вопрос так рассмешил дона Хуана, что он подпрыгнул на месте.

Очевидно, я мог высказывать простые вещи, если я знал точно то, что я хотел сказать.

— Я ли говорю? Я ли говорю? — спросил я.

Дон Хуан сказал мне, что если я не остановлюсь, то он уйдет и отдохнет под рамада и оставит меня одного с моим дурачеством.

— Это не дурачество, — сказал я.

Я говорил очень серьезно. Мои мысли были очень ясными; мое тело, однако, онемело — я не чувствовал его. Я не задышался, так как я был однажды в прошлом в подобных условиях; мне было удобно, потому что я не мог ничего чувствовать; у меня не было контроля над сознанием, но, все же, я мог говорить. Мне пришла мысль, что если я могу говорить, возможно, я могу и встать, как говорил дон Хуан.

— Встаю, — сказал я по-английски, и с мерцанием в глазах, встал. Дон Хуан покачал головой недоверчиво и вышел из дома.

— Дон Хуан! — позвал я три раза.

Он вернулся.

— Положи меня, — сказал я.

— Положи себя сам, — сказал он. — кажется, ты делаешь правильно.

Я сказал: «ложусь», и внезапно я потерял комнату из вида. Я ничего не видел. Через секунду комната и дон Хуан появились опять в поле моего зрения. Я подумал, что я, должно быть, лежал лицом вниз, и он взял меня за волосы и поднял мою голову.

— Спасибо, — сказал я очень медленно.

— Пожалуйста, — ответил он, подражая мне и сдерживая смех.

Затем он принес листья и начал растирать ими мои руки и ноги.

— Что ты делаешь? — спросил я.

— Я растираю тебя, — сказал он, имитируя мою тяжелую монотонность.

Он содрогнулся от смеха. Его глаза были блестящими и очень дружелюбными. Я понравился ему. Я чувствовал, что дон Хуан был сочувствующим, честным и довольным. Я не мог смеяться с ним, но мне было приятно. Другое чувство радости охватило меня, и я засмеялся; это был такой ужасный звук, что дон Хуан попятился.

— Я лучше отведу тебя к канаве, — сказал он, — или ты убьешь себя дурачеством.

Он поставил меня на ноги и заставил прогуляться по комнате. Мало-помалу я начал приходить в чувство, почувствовал свои ноги, и, наконец, все свое тело. Мои уши разрывались от необычного давления. Это было подобно ощущению руки или ноги, которая была заснувшей. Я чувствовал огромную тяжесть в затылке и на макушке.

Дон Хуан потащил меня к канаве позади его дома и положил меня туда совершенно раздетого. Холодная вода уменьшила давление, боль, и постепенно все прошло.

Я переоделся в доме, сел и снова почувствовал отчужденность, то же желание оставаться спокойным. Однако, на этот раз я заметил, что это была не ясность ума или способность к сосредоточению; скорее, это был вид меланхолии или физической усталости. Наконец, я заснул.

12 ноября 1963 г.

В это утро дон Хуан и я пошли на соседние холмы собирать растения. Мы прошли около шести миль по чрезвычайно неровной местности. Я очень устал. Мы сели отдохнуть, по моей инициативе, и он начал разговор, сказав, что он доволен моим прогрессом.

— Я знаю теперь, что это говорил я, — сказал я, — но тогда я мог поклясться, что это был кто-то другой.

— Конечно, это был ты, — сказал он.

— Как же случилось, что я не мог узнать себя?

— Это белаэт дымок. Можно говорить и не заметить этого, или можно пройти тысячи миль и не заметить ничего. Это зависит от того, как кто-либо может принимать вещи. Маленький дымок устраняет тело и дает свободу, подобно ветру; лучше, чем ветер, ветер может быть остановлен скалой, стеной или горой. Маленький дымок делает человека свободным, как воздух; возможно, даже свободнее — воздуха может не быть в земле и он может стать затхлым, но с помощью маленького дымка человек не может быть остановлен или заперт.

Слова дон Хуана высвободили смесь эйфории и сомнения. Я чувствовал потрясающее беспокойство, ощущение неопределенной вины.

— Тогда он может действительно сделать все эти вещи, дон Хуан?

— А что думаешь ты? Ты подумаешь, скорее, что являешься ненормальным, или нет? — сказал он язвительно.

— Для тебя легко принимать все эти вещи. Для меня это невозможно.

— Мне это нелегко. У меня не больше привилегий, чем у тебя. Эти вещи равно трудны для тебя и для меня или для любого другого, чтобы их принять.

— Но ты дома со всем этим, дон Хуан?

— Да, но это мне много стоит. Я должен бороться, возможно, больше, чем ты когда-либо хотел. У тебя трудный путь получения всего в работе. Ты не представляешь, как тяжело я должен был работать, чтобы сделать то, что ты сделал вчера. У тебя есть что-то, что помогает тебе на каждом дюйме пути. Нет другого возможного способа объяснения, кроме способа, которым ты узнаешь о силах. Ты делал это прежде с мескалитом, теперь ты делаешь это с маленьким дымком. Ты должен сосредоточиться на факте, что ты имеешь большой дар, и отбросить другие соображения в сторону.

— Ты произносишь это так легко, но это не так. Я разрываюсь внутри.

— Ты будешь цельным снова довольно скоро. Ты не заботаешься о своем теле из-за одной вещи. Ты такой же толстый. Я не хотел ничего говорить тебе прежде. Каждый должен всегда позволять другим делать то, что они должны делать. Тебя долго не было. Я сказал тебе, что ты вернешься, однако, и ты вернулся. Та же вещь случилась со мной. Я ушел на пять с половиной лет.

— Почему ты не приходил, дон Хуан?

— По той же причине, что и ты. Я не полюбил это.

— Почему же ты вернулся?

— По той же причине, по которой вернулся ты сам — потому что не было другого пути, чтобы жить.

Это заявление имело большое воздействие на меня, и я подумал, что, возможно, не было другого пути жизни. Я никогда не высказывал эту мысль кому-нибудь, однако дон Хуан высказал ее правильно.

После очень долгого молчания я спросил его:

— Что я делал вчера, дон Хуан?

— Ты вставал, когда ты хотел.

— Но я не знаю, как я делал это.

— Совершенствование этой техники отнимает время. Важная вещь, однако, это то, что ты знаешь, как делать это.

— Но я не знаю. Это вопрос, я действительно не знаю.

— Конечно, ты знаешь.

— Дон Хуан, я уверяю тебя, я клянусь тебе...

Он не дал мне кончить; он встал и вышел.

Позже мы снова беседовали о страже другого мира.

— Если я верю, что все, что я испытал, действительно реально, — сказал я, — тогда страж является гигантским созданием, которое может причинить невероятную физическую боль; и если я верю, что он может действительно путешествовать на огромные расстояния посредством действия воли, тогда логически заключить, что я мог бы также желанием заставить чудовище исчезнуть. Так ли это?

— Не точно, — сказал он. — Ты не можешь захотеть, чтобы страж исчез. Однако, твое желание может остановить его от вреда тебе. Конечно, если ты когда-нибудь выполнишь это, то дорога тебе открыта. Ты действительно сможешь пройти стража, и он ничего не сможет сделать, даже если будет бешено кружиться вокруг.

— Как же я могу совершить это?

— Ты уже знаешь, как. Все, в чем ты нуждаешься, это в практике.

Я сказал ему, что у нас было неправильное понимание, которое происходило от нашей разницы в восприятии мира. Я сказал, что для меня знать что-нибудь подразумевало то, что я должен полностью сознавать о том, что я делал, и что я мог повторить то, что я знал, по желанию, но в этом случае я ни сознавал о том, что я делал под влиянием дыма, ни мог повторить это, если бы моя жизнь зависела от этого.

Дон Хуан посмотрел на меня инквизиторски. Он, казалось, забавлялся тем, что я говорил. Он снял свою шляпу и почесал виски, как он делал, когда хотел прикинуться смущенным.

— Ты действительно знаешь, как рассказать, ничего не говоря? — сказал он, смеясь. — Я должен сказать тебе, что ты должен иметь непреклонную решимость, чтобы стать человеком знания. Но ты, кажется, имел непреклонную решимость смутиться загадками; ты

настаиваешь на объяснении всего, как будто весь мир составлен из вещей, которые могут быть объяснены. Теперь ты стоишь лицом к лицу со стражем и с проблемой движения при использовании своего желания. Тебе когда-либо приходило на ум, что только немногие вещи в этом мире могут быть объяснены твоим способом? Когда я говорил, что страж действительно преграждает тебе проход и может действительно выбить дьявола из тебя, я знал, что я подразумевал. Я хотел научить тебя мало-помалу, как двигаться, но затем я понял, что ты знаешь, как это делать, хотя ты и говоришь, что не знаешь.

— Но я действительно не знаю, как, — запротестовал я.

— Ты знаешь, ты дурак, — сказал он неумолимо и затем улыбнулся. — Это напоминает мне время, когда кто-то посадил этого парня Хулио на уборочную машину; он знал, как вести ее, хотя он никогда не пробовал этого раньше.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, дон Хуан, однако, я все еще чувствую, что не могу сделать это снова, потому что я не имею уверенности в том, что я делал.

— Фальшивый волшебник пытается объяснить все в мире объяснениями, в которых он не уверен, — сказал он, — и поэтому все является колдовством. Но от этого тебе не лучше. Ты также хочешь объяснить все своим способом, но ты не уверен в каждом своем объяснении.

8

Дон Хуан спросил меня внезапно, думал ли я уезжать домой в конце недели. Я сказал, что я намеревался уехать в понедельник утром. Мы сидели под его рамادا в полдень в субботу, 18 января, отдыхая после долгой прогулки по окрестным холмам. Дон Хуан встал и вошел в дом. Немного погодя, он позвал меня внутрь. Он сидел посреди комнаты и положил мою соломенную циновку перед собой. Он предложил мне сесть и, не говоря ни слова, развернул свою трубку, вынул ее из футляра, наполнил ее чашку своей курительной смесью и зажег ее. Он даже принес в комнату глиняный поднос, наполненный мелкими углями.

Он не спросил меня, хочу ли я курить. Он только вручил мне трубку и велел мне курить. Я не колебался. Дон Хуан, очевидно, определил мое настроение верно: мое непреодолимое любопытство к стражу должно было быть очевидным ему. Я не нуждался в каком-либо уговаривании и нетерпеливо выкурил всю трубку.

Реакции, которые я имел, были подобны тем, что я имел раньше. Дон Хуан также возобновил во многом в той же манере. На этот раз, однако, вместо того, чтобы помогать мне делать это, он только велел мне опереть мою правую руку на циновку и лечь на левый бок. Он предложил, чтобы я сжал кулак, если это даст мне лучший упор.

Я сжал кулак моей правой руки, так как я нашел, что это было легче, чем повернуть к полу ладонь, когда лежишь своим весом на ней. Я не спал; я чувствовал сильное тепло некоторое время, а затем потерял всякое чувство.

Дон Хуан лег со своей стороны напротив меня; его правое предплечье опиралось на его локоть и подпирало его голову подобно подушке. Все было совершенно спокойно, даже мое тело, в котором тогда отсутствовали тактильные ощущения. Я чувствовал большое удовлетворение.

— Хорошо, — сказал я.

Дон Хуан поспешно встал.

— Не смей начинать с этой чепухи, — сказал он убедительно. — Не говори. Говоря, ты совершенно потеряешь энергию, и тогда сраз раздавит тебя, как ты прихлопываешь комара.

Он, должно быть, подумал, что его улыбка была забавной, потому что он начал смеяться, но внезапно остановился.

— Не разговаривай, пожалуйста, не разговаривай, — сказал он с серьезным выражением лица.

— Я не собирался ничего говорить, — сказал я, и я действительно не хотел говорить это.

Дон Хуан встал. Я видел его уходящим к западной стороне его дома. Мгновением позже я заметил, что на мою циновку села кошка, и это наполнило меня такой тревогой, какой я не испытывал прежде. Это была смесь приподнятого настроения, страдания и страха. Я полностью сознавал, что передо мной собиралось развернуться что-то трансцендентальное — кошка, которая охраняла другой мир. Это была нелепая мысль; я почувствовал себя подобно громко смеющемуся, но затем я осознал, что мое приподнятое настроение отвлекло меня, и я готов был упустить переходный период, который я хотел сделать ясным. В моей предыдущей попытке увидеть стража я смотрел на кошку вначале своим левым глазом, а затем я почувствовал, что я встал и смотрел на нее обоими глазами, но я не сознавал, как произошел этот переход.

Я увидел кошку, кружившуюся вокруг циновки перед моим лицом, и понял, что смотрю на нее обоими глазами. Она подлетела очень близко; в этот момент я не мог видеть ее обоими глазами больше и перевел зрение на мой левый глаз, который был на уровне земли. В

мгновение, когда я изменил фокус, я также почувствовал, что я выпрямил мое тело полностью в вертикальное положение и смотрел на невероятно огромное животное. Оно было блестяще черным. Его перед был покрыт длинными, черными, коварными волосами, которые выглядели подобно шипам, проходящим сквозь щели какой-то блестящей, лоснящейся чешуи. Волосы были расположены пучками. Его тело было массивным, толстым и круглым. Его крылья были широкими и короткими по сравнению с длиной его тела. У него были два выпуклых глаза и длинное рыло. В это время оно смотрело на меня подобно аллигатору. Оно, казалось, имело длинные уши, или, возможно, рога, и оно сочилось.

Я старался изо всех сил фиксировать свой пристальный взгляд на нем, и затем стал полностью сознавать, что я не мог смотреть на него тем же самым путем, каким я обычно смотрел на вещи. Я имел странную мысль: глядя на тело стража, я чувствовал, что каждая отдельная часть его была независимо живой, как были живыми глаза людей. Я понял тогда в первый раз в моей жизни, что глаза были единственной частью человека, которая могла показать мне, живой он или нет. Страж, с другой стороны, имел «миллион глаз».

Я подумал, что это было замечательной находкой. Перед этим опытом я размышлял о сравнениях, которые могли описать «искажения» этого превращения мошки в гигантского зверя; и я подумал, что хорошим сравнением было бы «как будто смотришь на насекомое через увеличительные линзы микроскопа». Но это было не так. Очевидно, вид стража был намного более сложным, чем выглядело увеличенное насекомое.

Страж начал кружиться передо мной. На один момент он остановился, и я почувствовал, что он смотрит на меня. Тогда я заметил, что он не производил звука. Танец стража был молчаливым. Благоговейность была в его появлении: в его выпуклых глазах, в его угрожающей морде, в его сочливости, в его коварных волосах, и больше всего в его невероятном размере. Я очень близко наблюдал, как он двигал крыльями, как он видрировал ими без звука. Я наблюдал, как он тормозил над землей подобно необычному конькобежцу.

Рассматривая это кошмарное создание передо мной, я действительно чувствовал ликование. Я действительно верил, что я открыл тайну одолеть его. Я подумал, что страж был только движущейся картиной на немоном экране; он не мог причинить мне вред — он только выглядел ужасающим.

Страж стоял, тем не менее, повернувшись ко мне; внезапно он завибрировал своими крыльями и повернулся кругом. Его спина выглядела подобно блестящему окрашенному панцирю; ее сияние было ослепительным, но оттенок был отвратительным — это был мой неблагоприятный цвет.

Страж некоторое время оставался повернутый ко мне спиной, а затем, замахав своими крыльями, снова ускользнул из вида.

Я был поставлен перед очень необычной дилеммой. Я честно верил, что я одолел его пониманием того, что он изображал только картину ярости. Моя вера была, возможно, благодаря настойчивому утверждению дона Хуана, что я знал больше, чем я хотел признаться. Во всяком случае, я чувствовал, что я победил стража, и путь был свободен. Однако, я не знал, как продолжать. Дон Хуан не сказал мне, что делать в таком случае. Я попытался повернуться и посмотреть сзади, но я не мог двигаться. Однако, я очень хорошо мог видеть главную часть 180-градусного пространства перед моими глазами. Я то, что я видел, было неясным, бледно-желтым горизонтом, он казался газом. Лимонный оттенок однообразно закрывал все, что я мог видеть. Казалось, что я был на плато, наполненном парами серы.

Внезапно страж показался снова точкой на горизонте. Он сделал широкий круг, прежде чем остановиться передо мной; его рот был широко открыт, подобно огромной пещере; он не имел зубов. Он вибрировал своими крыльями мгновение, а затем атаковал меня. Он действительно атаковал меня подобно быку, и своими гигантскими крыльями он замахал у моих глаз. Я закричал с болью, а затем взлетел, или, скорее, почувствовал, что я бросился вверх и прошел, паря, за стража, за желтоватое плато в другой мир, в мир людей, и я обнаружил себя стоящим посреди комнаты дона Хуана.

19 января 1969 года.

— Я действительно думал, что я одолел стража, — сказал я дону Хуану.

— Ты, должно быть, ошибаешься, — сказал он.

Дон Хуан не говорил ни одного слова мне с прошлого дня, и я не понимал этого. Я был погружен в род мечтательности, я снова почувствовал, что если бы я смотрел внимательно, то я был бы способен «видеть». Но не видел ничего особенного. Молчание, однако, чрезвычайно расслабляло меня.

Дон Хуан попросил рассказать порядок моего переживания, и то, что особенно интересовало его, это цвет, который я видел на спине стража. Дон Хуан вздохнул и, казалось, был действительно озабочен.

— Тебе повезло, что на спине стража был цвет, — сказал он с серьезным лицом. — будь он на передней части его тела или, еще хуже, на его голове, ты был бы мертв теперь. Ты не должен пытаться видеть стража когда-либо снова. Не для твоего темперамента проходить эту плоскость; однако, я убежден, что ты мог пройти через нее. Но не будем говорить об этом больше. Это был только один из возможных путей.

Я обнаружил необычную тяжесть в тоне дона Хуана.

— Что случится со мной, если я попытаюсь увидеть стража снова?

— Страж удалит тебя, — сказал он. — Он возьмет тебя в свой рот и унесет тебя в тот план и оставит тебя там навсегда. Очевидно, что страж знал, что это не для твоего темперамента, и предупредил тебя не являться.

— Как, ты думаешь, страж узнал это?

Дон Хуан посмотрел на меня долгим, пристальным взглядом. Он пытался сказать что-то, но отказался, как будто он не мог найти правильных слов.

— Я всегда падаю от твоих вопросов, — сказал он, улыбаясь, — ты действительно не думаешь, когда спрашиваешь меня это, так?

Я протестовал и вновь подтвердил, что я озадачен тем, что страж знал мой темперамент.

Дон Хуан имел необычный блеск в глазах, когда он говорил:

— И ты даже ничего не упомянул о своем темпераменте стражу?!

Его тон был настолько комически серьезен, что мы оба рассмеялись. После этого, однако, он сказал, что страж, будучи хранителем, караульным того мира, знал много секретов, которыми брухо имел право делиться.

— Это один путь брухо видеть, — сказал он. — Но это не будет твоей областью, поэтому нет смысла говорить об этом.

— Курение — единственный способ видеть стража? — спросил я.

— Нет. Ты можешь также видеть его и без этого. Есть множество людей, которые могут делать это. Я предпочитаю курить, потому что это более эффективно и наименее опасно для меня. Если ты пытаешься видеть стража без помощи курения, есть возможность, что ты можешь задержаться в выходе из этого пути. В твоем случае, например, очевидно, что страж предупредил тебя, когда он повернулся своей спиной так, чтобы ты мог видеть враждебный цвет. Затем он улетел; но, когда он прилетел назад, ты был еще там, поэтому он напал на тебя. Однако, ты был подготовлен и прыгнул. Дымок дал тебе защиту, в которой ты нуждался; если бы ты пошел в тот мир без его помощи, ты не смог бы избавиться от схватывания стражем.

— Почему не смог бы?

— Твои движения были бы слишком медленными. Чтобы уцелеть в том мире, ты должен быть таким же быстрым, как молния. Это было моей ошибкой уйти из комнаты, но я не хочу тебе говорить ничего больше. Ты болтун, поэтому ты говоришь даже против своего желания. Будь я там с тобой, я бы оторвал твою голову. Ты выпрыгнул сам, что было даже лучше; однако, я, скорее, не рисковал бы так; страж — это не что-нибудь, с чем бы ты мог забавляться.

9

В течение трех месяцев дон Хуан систематически избегал разговора о страже. Я посетил его четыре раза в течение этих месяцев; он вовлекал меня в текущие поручения для него каждый раз, и когда я выполнял поручения, он просто велел мне уезжать домой. 24 апреля 1969 года, когда я в четвертый раз был в его доме, я, наконец, заговорил с ним после того, как мы поели и сидели возле его глиняной печки. Я сказал ему, что он делал что-то несоответственное мне; я был готов учиться, и, тем не менее, он даже не хотел меня вернуть. Я должен был очень сильно напрягаться, чтобы побороть свое отвращение к использованию галлюциногенных грибов, и я чувствовал, как он сам сказал, что я не должен терять время.

Дон Хуан явно слушал мои жалобы.

— Ты еще слаб, — сказал он. — ты торопишься, когда ты должен ждать, но ты ждешь, когда ты должен торопиться. Ты слишком много думаешь. Теперь ты думаешь, что нельзя терять время. Недавно ты думал, что ты не хотел курить ничего больше. Твоя жизнь — такая же проклятая неопределенность; ты недостаточно плотен, чтобы встретиться с дымком. Я отвечаю за тебя, и я не хочу, чтобы ты умер, подобно проклятому дураку.

Я почувствовал смущение.

— Что я могу сделать, дон Хуан? У меня большое нетерпение.

— Живи, как воин! Я говорил тебе уже, что воин берет ответственность за свои действия, за самые тривиальные из своих действий. Ты проявляешь свои мысли, и это неправильно. Ты потерпел неудачу со стражем из-за своих мыслей.

— Как я потерпел неудачу, дон Хуан?

— Ты думаешь обо всем. Ты думал о страже, и поэтому ты не смог победить его. В первую очередь, ты должен жить, как воин. Я думаю, что ты понял это очень хорошо.

Я хотел вставить что-нибудь в свою защиту, но он показал жестом, чтобы я молчал.

— Твоя жизнь довольно трудна, — продолжал он. — Фактически, твоя жизнь труднее, чем учеников Хенаро Паблито или Нестора, и все же они видят, а ты нет. Твоя жизнь труднее, чем у Элихио, а он, вероятно, увидит раньше тебя. Это расстраивает меня. Даже Хенаро не может пережить этого. Ты честно выполнил все, что я говорил тебе делать. Все, чему мой бенефактор научил меня на первой ступени обещания, я передал тебе. Правило верное, шаги не могут быть изменены. Ты сделал все, что нужно было сделать, и все же ты не видишь; но тем, кто видит, подобно Хенаро, кажется, будто ты видишь. Я полагаюсь на это, и я обманываюсь. Ты вертишься вокруг и ведешь себя, как идиот, который не видит, что, конечно, является правильным для тебя.

Слова дон Хуана причинили мне глубокое страдание. Я не знаю, почему, но я был близко к слезам. Я начал рассказывать о своем детстве, и волна жалости к себе охватила меня. Дон Хуан пристально посмотрел на меня на секунду и отвел глаза. В них был пронзительный блеск. Я почувствовал, что он захватил меня своими глазами. У меня было ощущение, что две руки ласково сжали меня, и я ощутил непонятное волнение, нетерпеливое желание, приятное отчаяние в области моего солнечного сплетения. Я стал сознавать свою брюшную область. Я ощутил там жар. Я не мог говорить связно больше и забормотал, затем я перестал говорить совсем.

— Возможно, это обещание, — сказал дон Хуан после долгой паузы.

— Извините.

— Обещание, которое ты дал однажды давным давно.

— Какое обещание?

— Ты, может быть, можешь сказать мне это. Ты помнишь это, нет?

— Нет.

— Ты обещал что-то очень важное однажды. Я думал, что, может быть, ты обещал охранять себя от видения.

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

— Я говорю об обещании, которое ты дал! Ты должен помнить его.

— Если ты знаешь, что было обещание, почему ты не скажешь мне, дон Хуан?

— Нет. Не будет никакой пользы сказать тебе это.

— Было ли это обещанием, которое я сделал себе?

На мгновение я подумал, что он, может быть, ссылается на мое решение оставить ученичество.

— Нет. Это что-то, что имело место очень давно, — сказал он.

Я засмеялся, потому что я был уверен, что дон Хуан играет со мной какую-то игру. Я почувствовал озорство. У меня было ощущение приподнятого настроения при мысли, что я могу дурачить дон Хуана, который, как я был убежден, знал так же мало, как и я, о подозреваемом обещании. Я был уверен, что он ловил рыбу в темноте и пытался импровизировать. Мысль потакать ему доставляла мне удовольствие.

— Было ли оно чем-то, что я обещал моему дедушке?

— Нет, — сказал он, и глаза его заблестели. — Также не то, что ты обещал своей бабушке.

Смешная интонация, которую он придал слову «бабушка», заставила меня засмеяться. Я подумал, что дон Хуан ставил мне ловушку, но я хотел играть игру до конца. Я начал перечислять всех возможных людей, кому я мог бы обещать что-нибудь очень важное. О каждом он сказал нет. Затем он перевел разговор к моему детству.

— Почему твое детство было печальным? — спросил он с серьезным выражением.

Я сказал ему, что мое детство в действительности было не печальным, но, может быть, немного трудным.

— Каждое ощущение — это путь, — сказал он, посмотрев на меня снова. — я также был очень несчастлив и боязлив, когда я был ребенком. Трудно быть индейским ребенком, очень трудно. Но память о том времени не имеет больше значения для меня, раньше было трудно. Я перестал думать о трудности моей жизни как раз перед тем, как я научился видеть.

— Я также не думаю о своем детстве, — сказал я.

— Тогда почему это делает тебя печальным? Почему ты хочешь плакать?

— Я не знаю. Возможно, когда я думаю о себе, как о ребенке, я чувствую жалость к себе и ко всем близким людям. Я чувствую себя беспомощным и печальным.

Он пристально посмотрел на меня, и снова в области живота я отметил необычайное ощущение двух рук, сжимающих его. Я отвел свои глаза, а затем быстро взглянул назад на него. Он смотрел в пространство мимо меня; его глаза были затуманены, без фокуса.

— Это было обещанием твоего детства, — сказал он после короткого молчания.

— Что я обещал?

Он не отвечал. Его глаза были закрыты. Я невольно улыбнулся; я знал, что он чувствовал свой путь в темноте; однако, я несколько потерял свое первоначальное стремление шутить с ним.

— Я был тощим ребенком, — продолжал он, — и я всегда боялся.

— Таким же был я, — сказал я.

— То, что я помню больше всего, это ужас и печаль, которые я чувствовал, когда мексиканские солдаты убили мою мать, — сказал он тихо, как будто его память была еще мучительной. — Она была бедной и покорной индианкой. Может быть, это было лучше, что ее жизнь была кончена тогда. Я хотел быть убитым с ней, потому что я был ребенком. Но солдаты поймали и избили меня. Когда я бросился на тело моей матери, они ударили меня по рукам хлыстом и разбили пальцы. Я не чувствовал никакой боли, но я не мог хватать больше, а затем они оттащили меня.

Он перестал говорить. Его глаза были еще закрыты, и я мог обнаружить очень незаметное дрожание его губ. Глубокая печаль начала охватывать меня. Картины моего собственного детства нахлынули на меня.

— Сколько лет было тебе, дон Хуан? — спросил я, просто чтобы возместить печаль во мне.

— Может быть, семь. Это было время великих войн яки. Мексиканские солдаты напали на нас неожиданно, когда моя мать готовила пищу. Она была беспомощной женщиной. Они убили ее безо всякого повода. Не было никакой разницы в том, что она умерла так, и действительно нет, и, тем не менее, для меня она есть. Я не могу сказать себе, почему, однако; она просто есть. Я думал, что они убили моего отца также, но это было не так. Он был ранен. Позже они посадили нас в поезд, подобно скоту, и закрыли дверь. Несколько дней они держали нас там в темноте, как животных. Они держали нас живыми кусками пищи, которые они бросали время от времени в вагон.

Мой отец умер от ран в этом вагоне. Он стал бредить от боли и лихорадки, и продолжал говорить мне, что я должен выжить. Он продолжал говорить мне это до самого последнего момента своей жизни.

Люди позаботились обо мне; они накормили меня; старая женщина знахарка скрепила сломанные кости моей руки. И, как ты видишь, я жив. Жизнь была ни хорошей, ни плохой для меня; жизнь была трудной. Жизнь трудна, и для ребенка она иногда сам ужас.

Мы очень долго молчали. Возможно, час прошел в полной тишине. У меня были очень спутанные чувства. Я был несколько удручен, но, однако, я не мог сказать, почему. Я переживал чувство угрызения совести. Перед этим я хотел потакать дону Хуану, но он внезапно поменялся ролями к его прямой выгоде. Это было просто и выразительно и произвело во мне необычное чувство. Мысль о ребенке, испытывающем боль, всегда была повышенно чувствительным предметом для меня. В мгновение мои чувства проникновения к дону Хуану открыли путь ощущению отвращения к себе. Я действительно принял, как будто жизнь дона Хуана была просто клиническим случаем. Я был на грани вскрытия моих замечаний, когда дон Хуан ткнул меня пальцем в икру ноги, чтобы привлечь мое внимание. Он сказал, что он «видел» свет насилия вокруг меня, и поинтересовался, не собираюсь ли я начать бить его. Его смех восхитительно прервался. Он сказал, что я поддавался вспышкам насильственного поведения, но что, в действительности, я не был плохим и что долгое время насилие было против меня самого.

— Ты прав, дон Хуан, — сказал я.

— Конечно, — сказал он, смеясь.

Он убедил меня рассказать о своем детстве. Я начал рассказывать ему о своих годах страха и одиночества, увлекся описанием того, что, я думал, было моей потрясающей борьбой, чтобы выжить и утвердить свой дух. Он рассмеялся при метафоре об «утверждении моего духа».

Я рассказывал долго. Он слушал с серьезным выражением. Затем, в один момент его глаза «прижали» меня снова, и я перестал говорить. После секундной паузы он сказал, что никто никогда не унижал меня и что была причина того, что я не был в действительности плохим.

— Ты не потерпел поражения, все же, — сказал он.

— Он повторил утверждение четыре или пять раз, поэтому я почувствовал необходимость спросить его, что он подразумевал под этим. Он объяснил, что потерпеть поражение было условием жизни, которое было неизбежным. Люди или побеждали, или терпели поражение, и, в зависимости от этого, они становились преследователями или жертвами. Эти два условия преобладали, пока человек не начинал видеть; видение рассеивало иллюзию победы, поражения или страдания. Он добавил, что я научусь видеть, когда я одержу победу над памятью униженного существа.

Я запротестовал, что я не был и никогда не был победителем в чем-нибудь; и что моя жизнь была, пожалуй, поражением.

Он засмеялся и бросил свою шляпу на пол.

— Если твоя жизнь является таким поражением, наступи на мою шляпу, — вызвал он меня в шутку.

Я чистосердечно доказывал свое. Дон Хуан стал серьезным. Его глаза сузились до тонких щелок. Он сказал, что я думал, что моя жизнь была поражением, по другим причинам, нежели само поражение. Затем он быстро и совершенно неожиданно взял мою голову в свои руки, зажав ладонями мои виски. Его глаза стали сильными, когда он взглянул в меня. Без испуга я сделал глубокий вдох ртом. Он позволил моей голове откинуться против стены, пристально глядя на меня. Он выполнил свои движения с такой скоростью, что некоторое время, пока он не ослабил и не откинул удобно против стены, я был еще на середине глубокого вдоха. Я почувствовал головокружение, неловкость.

— Я вижу маленького мальчика, — сказал дон Хуан после паузы.

Он повторил это несколько раз, как будто я не понимал. У меня было чувство, что он говорил обо мне, как о маленьком кричащем мальчике, поэтому я не обратил действительного внимания на это.

— Эй! — сказал он, требуя моего полного внимания. — я вижу маленького кричащего мальчика.

Я спросил его, был ли этот мальчик мной. Он сказал, нет. Тогда я спросил его, было ли это видение моей жизни или просто памятью из его собственной жизни. Он не ответил.

— Я вижу маленького мальчика, — продолжал он. — он кричит и кричит.

— Я знаю этого мальчика? — спросил я.

— Да.

— Он мой маленький мальчик?

— Нет.

— Он кричит теперь?

— Он кричит теперь, — сказал он с уверенностью.

Я подумал, что дон Хуан видел кого-то, кого я знал, кто был маленьким мальчиком и кто в этот самый момент кричал. Я назвал по именам всех детей, которых я знал, но он сказал, что те дети не имели отношения к моему обещанию, а ребенок, который кричал, имел очень большое отношение к нему.

Утверждение дон Хуана казалось нелепым. Он сказал, что я обещал что-то кому-то в моем детстве и что ребенок, который кричал в этот самый момент, имел большое отношение к моему обещанию. Я говорил ему, что в этом нет смысла. Он спокойно повторял, что он «видел» маленького мальчика, кричащего в этот момент, и что маленькому мальчику было больно.

Я старался подогнать его утверждения под какой-нибудь вид правильного образа, но я не мог установить их связь с чем-нибудь, что я создавал.

— Я отказываюсь, — сказал я, — потому что я не помню, что я давал важное обещание кому-нибудь, меньше всего ребенку.

Он прищурил глаза снова и сказал, что этот особенный ребенок, который кричал точно в этот момент, был ребенок моего детства.

— Он был ребенок во время моего детства, и он, тем не менее, кричит теперь? — спросил я.

— Он — ребенок, который кричит теперь, — настаивал он.

— Ты понимаешь, что ты говоришь, дон Хуан?

— Понимаю.

— Это не имеет смысла. Как может он быть ребенком теперь, если он был ребенком, когда я сам был ребенком?

— Это ребенок, и он кричит теперь, — сказал он упорно.

— Объясни это мне, дон Хуан.

— Нет. Т ы должен объяснить это мне.

Хоть убей, я не мог понять того, о чем он говорил.

— Он кричит! Он кричит! — дон Хуан продолжал говорить в гипнотизирующем тоне. — И он держит тебя теперь. Он крепко сжимает. Он обнимает. Он смотрит на тебя. Ты чувствуешь его глаза? Он становится на колени и обнимает тебя. Он моложе тебя. Он подбегает к тебе. Но его рука сломана. Ты чувствуешь его руку? У этого маленького мальчика нос выглядит подобно пуговице. Да! Это нос пуговицей.

В моих ушах появился гул, и я потерял ощущение существования дома дон Хуана. Слова «нос пуговицей» бросили меня сразу в сцену из моего детства. Я знал мальчика с носом-пуговицей! Дон Хуан незаметно продвинул свой путь в одно из наиболее темных мест моей жизни. Я знал обещание, о котором он говорил. У меня было ощущение приподнятого настроения, отчаяния, благоговения перед доном Хуаном и его великолепным маневром. Как, черт возьми, он знает о мальчике с носом-пуговкой из моего детства? Я стал так взволнован воспоминанием, которое дон Хуан вызвал во мне, что моя сила вспомнить перенесла меня назад ко времени, когда мне было восемь лет. Моя мать оставила меня два года назад, и я проводил наиболее адские годы моей жизни, циркулируя среди сестер моей матери, которые служили исполняющими долг заместителей матери и заботились обо мне пару месяцев одновременно. У каждой из моих теток была большая семья, и безразлично, как заботливы или покровительственны были тетки ко мне, — со мной соперничали двадцать два родственника. Их бессердечность бывала иногда действительно странной. Я чувствовал тогда, что меня окружали враги, и в последующие мучительные годы я ушел в отчаянную и грязную войну. Наконец, посредством способов, которые я все еще не знаю до этого дня, я добился успеха в покорении всех моих двоюродных родственников. Я действительно был победителем. Я не имел больше соперников, которые бы имели значение. Однако, я не знал этого, и не знал, как остановить мою войну, которая распространилась на школьную почву.

Классы сельской школы, куда я ходил, были смешанными, и первый и третий классы были разделены только расстоянием между партами. Это там я встретил маленького мальчика с плоским носом, которого дразнили прозвищем «пуговичный нос». Он был первоклассник. Я выбрал его случайно, без специального намерения. Но он, казалось, любил меня, несмотря на все, что я делал ему. Он привык следовать за мной повсюду и даже хранил тайну, что я был ответственен за доску, которая поставила в тупик директора. И однако я все же дразнил его. Однажды я нарочно опрокинул стоявшую тяжелую классную доску; она упала на него; парта, за которой он сидел, смягчила удар, но все же удар сломал ему ключицу. Он упал. Я помог ему встать и увидел боль и испуг в его глазах, когда он смотрел на меня и держался за меня. Удар при виде его боли и искалеченной руки был больше, чем я мог вынести. Годы я ужасно боролся против моих родственников, и я победил; я покорил своих врагов; я был сильным в тот момент, когда вид кричащего маленького мальчика с носом-пуговкой разрушил мои победы. Прямо там я оставил битву. Любым путем, на какой я был способен, я решил не воевать когда-либо снова. Я подумал, что ему, может быть, отрежут руку, и я обещал, что если маленький мальчик вылечится, я никогда больше не буду победителем. Я отдал свои победы ему. Это был путь, и я понял это тогда.

Дон Хуан открыл гноящуюся рану в моей жизни. Я почувствовал головокружение, был потрясен. Источник неослабленной печали заструился во мне, я был побежден им. Я чувствовал тяжесть своих действий на себе. Воспоминание об этом маленьком курносом мальчике, чье имя было Хоакин, произвело на меня такую явную боль, что я заплакал. Я сказал дону Хуану о моей печали из-за этого мальчика, который никогда не имел ничего, — этот маленький Хоакин не имел денег, чтобы пойти к врачу, и его рука так и не срослась правильно. И все, что я должен был дать ему, это мои детские победы. Поэтому я чувствовал стыд.

— Будь в мире, чудак, — сказал дон Хуан повелительно. — ты отдал достаточно. Твои победы были сильными, и они были твоими. Ты отдал достаточно. Теперь ты должен изменить свое обещание.

— Как я изменю его? Я просто скажу так?

— Обещание не может быть изменено просто говорением так. Может быть, очень скоро ты сможешь узнать, что надо делать, чтобы изменить его. Тогда, возможно, ты даже будешь видеть.

— Можешь ты дать мне какие-нибудь указания, дон Хуан?

— Ты должен терпеливо ждать, зная, что ты ждешь, и зная, зачем ты ждешь. Это путь воина. И если есть повод для выполнения твоего обещания, тогда ты должен сознавать, что ты выполняешь его. Тогда придет время, когда твое ожидание кончится, и ты не должен будешь больше чтить свое обещание. Ты ничего не можешь сделать для жизни этого маленького мальчика. Только он мог аннулировать это действие.

— Но как он может?

— Посредством узнавания, чтобы свести его желания к нулю. Пока он думает, что он был жертвой, его жизнь будет адом. Пока ты думаешь так же, твое обещание будет действительным. То, что делает нас несчастными — это желание. Однако, если мы научимся сводить свои желания к нулю, малейшая вещь, которую мы получим, будет истинным даром. Будь в мире, ты сделал добрый дар Хоакину. Быть бедным или хотеть — это только мысль; и точно так же мысль ненавидеть или быть голодным, или страдающим от боли.

— Я не могу в действительности поверить этому, дон Хуан. Как может голод или боль быть только мыслью?

— Теперь для меня они только мысли. Это все, что я знаю. Я прошел эту ступень. Сила одолеть его — это все, что мы имеем для того, чтобы противостоять силам жизни; без этой силы мы являемся только мусором, пылью на ветру.

— У меня нет сомнения, что ты добился этого, дон Хуан, но как может простой человек вроде меня или маленького Хоакина добиться этого?

— Это наша задача, как отдельных личностей — противостоять силам нашей жизни. Я говорил это тебе уже несчетное число раз; только воин может выжить. Воин знает, что он ждет, и он знает, чего он ждет; и когда он ждет, он ничего не хочет, поэтому, какую бы маленькую вещь он ни получил, она больше, чем он может взять. Если он хочет есть, он найдет путь, потому что он не голоден; если что-либо ранит его тело, он находит способ, чтобы остановить это, потому что он не страдает от боли. Быть голодным или страдать от боли означает, что человек покинул самого себя и больше уже не воин, и сила его голода или его боли уничтожает его.

Я хотел отстаивать свое мнение, но остановился, потому что я понял, что спором я создаю барьер, чтобы защитить себя от разрушительной силы велилепной победы дона Хуана, которая затронула меня так глубоко и с такой силой. Как он знает? Я подумал, что, может быть, я рассказал ему историю о курносом мальчике во время одного из моих глубоких состояний необычной реальности. Я не припоминал, что я говорил ему, но мое неприпоминание при таких условиях было предполагающимся.

— Как ты узнал о моем обещании, дон Хуан?

— Я видел его.

— Ты видел его, когда и принимал мескалито, или когда я курил твою смесь?

— Я видел его сейчас. Сегодня.

— Ты видел всю вещь?

— Ты снова начал. Я же сказал тебе, что нет смысла говорить о том, на что похоже видение. Это пустое.

Я не настаивал больше. Эмоционально я был убежден.

— Я также дал клятву однажды, — неожиданно сказал дон Хуан.

Звук его голоса заставил меня вздрогнуть.

— Я обещал отцу, что я буду жить, чтобы уничтожить его убийц. Я носил это обещание с собой долгие годы. Теперь обещание изменено. Я не интересуюсь больше уничтожением кого-нибудь я не ненавижу мексиканцев. Я не ненавижу никого. Я узнал, что бесчисленные пути каждого пересекаются в собственной жизни — все равны. Угнетатель и угнетаемый встречаются в конце, и единственная вещь, которая преобладает, это то, что жизнь была в целом слишком короткой для обоих. Сегодня я чувствую печаль не потому, что моя мать и отец умерли таким путем, каким они умерли; я чувствую печаль потому, что они были индейцами. Они жили, как индейцы, и умерли, как индейцы, и никогда не знали, что они были, прежде всего, людьми.

10

Я снова посетил дона Хуана 30 мая 1969 года и прямо сказал ему, что я хотел проникнуть в «видение». Он покачал головой отрицательно и засмеялся, и я почувствовал необходимость протестовать. Он сказал мне, что я должен быть терпелив и было неподходящее время, но я упрямо настаивал, что я был готов.

Он не казался раздраженным моими изводящими просьбами. Он старался, тем не менее, сменить тему. Я не поддался и попросил его посоветовать, что мне делать, чтобы преодолеть мое нетерпение.

— Ты должен действовать, как воин, — сказал он.

— Как?

— Каждый учится действовать, как воин, действием, а не разговором.

— Ты говорил, что воин думает о своей смерти. Я делаю это все время, но, очевидно, этого недостаточно.

Казалось, что у него взрыв нетерпения, и он даже зачмокал губами. Я сказал ему, что я не хотел его рассердить и что, если я не нужен ему здесь, в его доме, то я готов уехать

обратно в лос-анджелес. Дон Хуан мягко погладил меня по спине и сказал, что я знал, что значит быть воином.

— Что я должен делать, чтобы жить, как воин? — спросил я.

Он снял шляпу и почесал виски. Он пристально посмотрел на меня и улыбнулся.

— Ты любишь все, выраженное в словах, не так ли?

— Мое сознание работает таким путем.

— Оно не должно так работать.

— Я не знаю, как измениться. Вот почему я прошу тебя рассказать мне точно, что нужно делать, чтобы жить, как воин; если бы я знал это, я мог бы найти способ приспособиться к этому.

Он, должно быть, подумал, что мое заявление забавно и долго хохотал, хлопая меня по спине.

У меня было чувство, что он собирается попросить меня уехать в любую минуту, поэтому я быстро сел на мой соломенный мат лицом к нему и начал задавать вопросы. Я хотел знать, почему я должен ждать.

Он объяснил, что если я буду пытаться «видеть» беспорядочным образом прежде, чем «залечу раны», которые я получил в битве со стражем, могло случиться, что я встречу стража снова, даже хотя я и не ожидал этого. Дон Хуан заверил меня, что никто в таком положении не был бы способен перенести такую встречу.

— Ты должен совершенно забыть стража, прежде чем ты можешь снова вступить на поиск видения, — сказал он.

— Как может кто-нибудь забыть стража?

— Ты начал учиться путям магов. Ты не имеешь больше времени для отступлений или для сожалений. У тебя есть время только для того, чтобы жить, как воин, и работать для достижения терпения и воли, нравится тебе это или нет.

— Как воин работает ради них?

Дон Хуан задумался перед ответом.

— Я думаю, что нет пути говорить об этом, — сказал он наконец. — особенно о воле. Воля — это нечто весьма особенное. Она появляется загадочно. Нет реального способа рассказать, как ее используют, кроме того, что результаты использования воли поразительны. Может быть, первой вещью, что нужно делать, это знать, что волю можно развить. Воин знает это и продолжает ждать волю. Твоя ошибка в том, что ты не знаешь, что ты ожидаешь свою волю.

Мой бенефактор говорил, что воин знает, что он ждет, и знает, чего он ждет. В твоем случае, что знаешь, что ты ждешь; ты был здесь со мной годы, и все же ты не знаешь, чего ты ждешь. Очень трудно, если не невозможно, для среднего человека знать, чего он ждет. Воин, однако, не имеет проблем; он знает, что он ждет свою волю.

— Чем точно является воля? Устремленность ли это, подобно устремленности твоего внука Люсио иметь мотоцикл?

— Нет, — сказал дон Хуан мягко и усмехнувшись. — это не воля. Люсио только предается удовольствию. Воля — это нечто другое, нечто очень ясное и мощное, что может направлять наши поступки. Воля — это нечто такое, что использует человек, например, чтобы выиграть битву, которую он, по всем расчетам, должен бы проиграть.

— Тогда воля, должно быть, то, что мы называем мужеством, — сказал я.

— Нет. Мужество — это нечто другое. Мужественные люди — это зависимые люди, благородные люди, из года в год окруженные людьми, которые толпятся вокруг них и восхищаются ими; однако, очень мало мужественных людей имеют волю. Обычно они бесстрашны и очень способны к совершению смелых поступков, отвечающих здравому смыслу; большей частью мужественный человек также внушает и страх. Воля, с другой стороны, имеет дело с поразительными задачами, которые побеждают наш здравый смысл.

— Является ли воля контролем, который мы имеем над самими собой? — спросил я.

— Ты можешь сказать, что это разновидность контроля.

— Ты думаешь, что я могу упражнять свою волю, например, отказывая себе в некоторых вещах?

— В таких, как задавание вопросов? — вставил он.

Он сказал это в таком озорном тоне, что я остановился, чтобы взглянуть на него. Мы оба засмеялись.

— Нет, — сказал он. — отказывать себе в чем-либо — это потакание себе, и я не советую ничего подобного. В этом причина, почему я позволяю тебе задавать все вопросы, какие ты хочешь.

Если бы я сказал тебе прекратить задавать вопросы, то ты мог бы поранить свою волю, пытаясь сделать это. Потакание себе при отказе в чем-то намного хуже; оно заставляет нас

верить, что мы совершаем великое дело в то время, как, в действительности, мы просто застыли внутри себя. Перестать задавать вопросы — это не воля, о которой я говорю. Воля — это сила. И поскольку это сила, то должна быть контролируемой и настроенной, а это требует времени. Я знаю это, и я терпелив с тобой. Когда я был в твоём возрасте, я был также импульсивен, как и ты. Однако, я изменился. Наша воля действует независимо от нашего потакания себе. Например, твоя воля уже приоткрывает твой просвет мало-помалу.

— О каком просвете ты говоришь?

— В нас есть просвет; подобно мягкому месту на голове ребенка, которое закрывается с возрастом, этот просвет открывается, когда развиваешь свою волю.

— Где этот просвет?

— В месте твоих светящихся волокон, — сказал он, показывая на свою брюшную полость.

— Чему он подобен? Для чего он?

— Это отверстие. Оно дает место для воли, чтобы та могла вылететь подобно стреле.

— Воля — это предмет? Или подобна предмету?

— Нет. Я просто сказал, чтобы ты мог понять. То, что маг называет волей, есть сила внутри нас самих. Это не мысль, не предмет, не желание. Перестать задавать вопросы — это не является волей, потому что для этого нужно думать и хотеть. Воля — это то, что заставляет тебя побеждать, когда твои мысли говорят тебе, что ты побежден. Воля — это то, что делает тебя неуязвимым. Воля — это то, что позволяет магу проходить сквозь стену, через пространство, на луну, если он хочет.

Я ничего больше не хотел спрашивать. Я был усталый и несколько напряжен. Я боялся, что дон Хуан собирается попросить меня уйти, и это раздражало меня.

— Пойдем на холмы, — сказал он неожиданно и встал.

По пути он снова начал говорить о воле и смеяться над моим замешательством из-за того, что я не мог записывать на ходу. Он описал волю, как силу, которая была истинным звеном между людьми и миром. Он очень тщательно отметил, что мир — это то, что мы ощущаем, каким бы способом мы ни делали это. Дон Хуан подчеркнул, что ощущение мира включает в себе процесс восприятия всего того, что предстает перед нами. Это определенное «ощущение» совершается нашими чувствами и нашей волей.

Я спросил его, не была ли воля шестым чувством. Он сказал, что она, скорее, отношение между нами самими и ощущаемым миром.

Я предложил, чтобы мы остановились, чтобы я мог сделать заметки в блокноте, но он засмеялся и продолжал идти.

Этой ночью он оставил меня с собой ночевать, а на следующий день после завтрака он сам поднял разговор о воле.

— То, что ты сам называешь волей, — это характер и сильное стремление, — сказал он. — То, что маг называет волей, есть сила, которая выходит изнутри и привязывает к внешнему миру. Она выходит через живот, прямо здесь, где находятся светящиеся волокна.

Он потер свой пупок, указывая место.

— Я говорю, что она выходит отсюда, потому что чувствуешь ее выходящей.

— Почему ты называешь это волей?

— Я называю ее никак. Мой бенефактор называл ее волей?

— Вчера ты сказал, что можно ощущать мир как чувствами, так и волей. Как это возможно?

— Средний человек может «схватить» вещи мира только своими руками, глазами или ушами, но маг может схватывать их также своим носом, языком или своей волей, особенно своей волей. Я не могу реально описать это как делается, но ты сам, например, не можешь описать мне, как ты слышишь. Так случается, что я тоже могу слышать, поэтому мы можем говорить о том, что мы слышим, а не о том, как мы слышим. Маг использует свою волю для того, чтобы ощущать мир. Однако, это ощущение не похоже на слышание. Когда мы смотрим на мир или когда мы слушаем его, мы получаем впечатление, что он вне нас и что он реален. Когда мы ощущаем мир нашей волей, мы знаем, что он не такой, как «вне нас», и мир не так реален, как мы думаем.

— Является ли воля тем же самым, что и видение?

— Нет, воля — это сила, энергия. Видение — это не сила, но, скорее, способ прохождения сквозь вещи. Маг может иметь очень сильную волю, но он, все же, может не видеть, что означает, что только человек знания ощущает мир своими чувствами и своей волей, а также своим видением.

Я сказал ему, что я еще больше смущен, чем тогда, при разговоре о том, как использовать мою волю, чтобы забыть стража. Это заявление и мое недоумение, казалось, развеселили его.

— Я уже говорил тебе, что, когда ты говоришь, ты только запутываешься, — сказал он и засмеялся. — Но, по крайней мере, теперь ты знаешь, что ты ждешь свою волю. Но ты все

еще не знаешь, что это такое или как это может с тобой случиться. Поэтому тщательно следи за тем, что ты делаешь. Та самая вещь, которая может помочь тебе развить свою волю, находится среди всех мелких вещей, которые ты делаешь.

Дон Хуан ушел на все утро; он вернулся рано после обеда со связкой сухих растений. Он показал мне головой помочь ему, и мы работали в полном молчании несколько часов, сортируя растения. Когда мы кончили, мы сели отдохнуть, и он доброжелательно улыбнулся мне.

Я сказал ему очень серьезно, что я перечитывал свои записи и что я так и не могу понять, что значит быть воином и что представляет собой идея воли.

— Воля — это не идея, — сказал он.

Это был первый раз, когда он разговаривал со мной целый день.

После долгой паузы он продолжал:

— Мы различны, ты и я. Наши характеры непохожи. Твоя природа более насильственная, чем моя. Когда я был в твоём возрасте, я был не насильственным, но скромным; ты же наоборот. Мой бенефактор был таким; его бы полностью устроило быть твоим учителем. Он был великим магом, но он не видел, как вижу я или видит Хенаро. Я понимаю мир и живу, руководствуясь моим видением. Мой бенефактор, с другой стороны, должен был жить, как воин. Если человек видит, то ему нужно жить, как воину или как чему-нибудь еще, так как он может видеть вещи такими, какие они есть в действительности, и соответственно направлять свою жизнь. Но, принимая во внимание твой характер, я сказал бы, что ты можешь никогда не научиться видеть, в таком случае тебе придется прожить всю свою жизнь, как воину.

Мой бенефактор говорил, что человек, вступивший на путь магии, постепенно начинает осознавать, что обычная жизнь навсегда оставлена позади, что знание, в действительности, это пугающее пугало, что средства обычного мира больше не будут средствами для него и что он должен приспособиться к новому образу жизни, если он собирается выжить. Первая вещь, которую ему надо сделать, — это захотеть стать воином; это очень важный шаг и решение. Пугающая природа знания не оставляет никакой альтернативы — только стать воином.

К тому времени знание становится пугающим делом, и человек также осознает, что смерть является незаменимым партнером, который сидит рядом с ним на одной циновке. Каждая капля знания, которая становится силой, имеет своей центральной силой смерть. Смерть делает завершающий мазок, а все, что трогается смертью, действительно становится силой.

Человек, который следует путями магии, встречается с возможностью полного уничтожения на каждом повороте пути, и, обязательно, он начинает остро осознавать свою смерть. Без осознания смерти он будет только обычным человеком, погрязшим в обычных поступках. У него будет отсутствовать необходимая потенция, необходимая концентрация, которая преобразует его обычное время на земле в волшебную силу.

Таким образом, чтобы быть воином, человек должен прежде всего, и по праву, остро осознавать свою собственную смерть. Но концентрация на смерти заставляет любого из нас фокусироваться на самом себе, а это является снижением. Поэтому, следующая вещь, которая необходима, чтобы стать воином, — это отрешенность. Мысль о неминуемой смерти вместо того, чтобы стать препятствием, становится безразличием.

Дон Хуан перестал говорить и взглянул на меня. Он, казалось, ожидал замечаний.

— Ты понимаешь? — спросил он.

Я понимал то, что он говорил, но я лично не мог увидеть, как кто-либо может прийти к чувству отрешенности. Я сказал, что с точки зрения моего собственного ученичества, я уже пережил момент, когда знание становится таким устрашающим делом. Я мог также правдиво сказать, что я больше не находил поддержки в обычных занятиях моей повседневной жизни. И я хотел, или, может быть, даже более, чем хотел, я нуждался в том, чтобы жить, как воин.

— Теперь ты должен отрешиться, — сказал он.

— От чего?

— Отрешиться от всего.

— Это невозможно. Я не хочу быть отшельником.

— Быть отшельником — это потакание себе, и я никогда не имел этого в виду. Отшельник не отрешен, так как он по своему желанию покидает самого себя, чтобы стать отшельником.

Только мысль о смерти делает человека достаточно отрешенным, так что он не может отказать себе в чем-либо. Человек такого сорта, однако, не мудрствует, потому что он приобрел молчаливую страсть к жизни и ко всем вещам в жизни. Он знает, что его смерть подгоняет его и не даст ему времени прилипнуть к чему-либо, поэтому он испытывает, без мудрствований, все обо всем.

Отрешенный человек, который знает, что он не имеет никакой возможности отбиться от своей смерти, имеет только одну вещь, чтобы поддерживать себя — силу своего решения. Он должен быть, так сказать, мастером своего выбора. Он должен полностью понимать, что он сам полностью отвечает за свой выбор, и если он однажды сделал его, то у него нет больше времени для сожалений или укоров себя. Его решения окончательны просто потому, что его смерть не дает ему времени прилипнуть к чему-нибудь.

И, таким образом, с осознанием своей смерти, своей отрешенностью и силой своих решений воин размечает свою жизнь стратегическим образом. Знание о своей смерти ведет его и делает его отрешенным и молчаливо страждущим; сила его окончательных решений делает его способным выбирать без сожалений, и то, что он выбирает, стратегически всегда самое лучшее; и поэтому он выполняет все со вкусом и страстной эффективностью.

Когда человек ведет себя таким образом, то можно справедливо сказать, что он воин и что он достиг терпения!

Дон Хуан спросил меня, не хочу ли я чего-нибудь сказать, и я заметил, что задача, которую он описал, отнимает всю жизнь. Он сказал, что я слишком много протестовал ему, и он знал, что я вел себя или, по крайней мере, старался вести себя, на языке воина в моей повседневной жизни.

— У тебя достаточно хорошие когти, — сказал он, смеясь. — Показывай их мне время от времени. Это хорошая практика.

Я сделал жест наподобие когтей и зарычал, и он засмеялся. Затем он откашлялся и продолжал:

— Когда воин достиг терпения, то он на пути к своей воле. Он знает, как ждать. Его смерть сидит рядом с ним на его циновке, они друзья. Его смерть загадочным образом советует ему, как выбирать, как жить стратегически. И воин ждет! Я бы сказал, что воин учится без всякой спешки, потому что он знает, что он ждет свою волю; и однажды он добьется успеха в выполнении чего-либо, что обычно совершенно невозможно выполнить. Он может даже не заметить своего необычного поступка. Но по мере того, как он продолжает совершать необычные поступки, или по мере того, как необычные вещи продолжают случаться с ним, он начинает осознавать, что проявляется какого-то рода сила. Сила, которая исходит из его тела, по мере того, как он продвигается по пути знания. Сначала она подобна зуду в животе, или теплоте месту, которое нельзя успокоить; затем это становится болью, большим неудобством. Иногда боль и неудобство так велики, что у воина бывают конвульсии в течение месяцев; и, чем сильнее конвульсии, тем лучше для него. Отличной воле всегда предшествует сильная боль.

Когда конвульсии исчезают, воин замечает, что у него появилось странное чувство относительно вещей. Он замечает, что он может, фактически, трогать все, что он хочет, тем чувством, которое исходит из его тела, из точки, находящейся прямо под или прямо над пупком. Это чувство — есть воля, и когда он способен схватываться им, то можно справедливо сказать, что воин — маг и что он достиг воли.

Дон Хуан остановился и, казалось, ждал моих замечаний или вопросов. Мне нечего было сказать. Я был слишком занят мыслью, что маг должен испытывать боль и конвульсии, но мне было неудобно спрашивать его, должен ли я также проходить через это. Наконец, после долгого молчания я спросил его, и он рассмеялся, как будто он ждал моего вопроса. Он сказал, что боль не была абсолютно необходима, он, например, никогда не имел ее, и воля просто пришла к нему.

— Однажды я был в горах, — сказал он, — и я наткнулся на пуму, самку; она была большая и голодная. Я побежал, и она побежала за мной. Я влез на скалу, и она остановилась в нескольких футах, готовая к нападению. Я бросал камнями в нее. Она зарычала и собиралась атаковать меня. И тогда моя воля полностью вышла, и я остановил ее волей до того, как она прыгнула на меня. Я поласкал ее своей волей. Я действительно потрогал ее соски ею. Она посмотрела на меня сонными глазами и легла, а я побежал, как сукин сын, до того, как она оправилась.

Дон Хуан сделал очень комичный жест, чтобы изобразить человека, которому дорога жизнь, бегущего и придерживающего свою шляпу.

Я сказал ему, что мне неловко думать, что меня ожидают только самки горных львов или конвульсии, если я хотел волю.

— Мой бенефактор был магом с большими силами, — продолжал он. — Он был воин до мозга костей. Его воля была, действительно, его самым чудесным достижением. Но человек может пойти еще дальше этого — человек может научиться видеть. После того, как он научится видеть, ему не нужно будет жить, как воину или быть магом. Научившись видеть, человек становится всем благодаря тому, что он становится ничем. Он, так сказать, исчезает, и, тем не менее, он здесь. Я бы сказал, что это то время, когда человек может быть

всем или получить все, что он пожелает. Но он ничего не желает, и вместо того, чтобы играть окружающими его людьми, как игрушками, он встречается с ними в центре их глупости. Единственная разница между ними состоит в том, что человек, который видит, контролирует свою глупость, в то время, как окружающие его люди этого не могут. Человек, который видит, не имеет больше активного интереса в окружающих его людях. Видение уже отрешило его абсолютно от всего, что он знал прежде.

— Одна лишь мысль о существе, отрешенном от всего, что я знаю, вгоняет меня в дрожь.

— Ты должно быть шутишь! Вещь, которая вгоняет тебя в дрожь, — это не иметь ничего, на что можно было бы смотреть впереди, а только всю свою жизнь делать то же самое, что ты делал раньше. Подумай о человеке, который из года в год сеет зерно, до тех пор, пока он не становится слишком старым и усталым, чтобы подняться; поэтому он валяется, как старая собака. Его мысли и чувства — лучшее в нем — ползут бесцельно к единственной вещи, которую он когда-либо делал, — сеять зерно. Для меня это самая пугающая трата.

Мы — люди, и наша судьба — это учиться и быть вовлекаемыми в неосязаемые новые миры.

— Действительно ли есть какие-нибудь новые миры для нас? — спросил я полушутливо.

Мы не исчерпали ничего, глупец, — сказал он повелительно, — видение это не для мелочных людей. Настраивай свой дух теперь, стань воином, учись видеть; и тогда ты узнаешь, что нет конца новым мирам для нашего восприятия.

11

Дон Хуан не отправил меня после того, как я выполнил поручения, как он делал недавно. Он сказал, что я мог остаться, и на следующий день, 28 июня 1969 года, как раз перед полуднем, он сказал мне, чтобы я собирался курить снова.

— Собираться ли мне снова видеть стража?

— Нет, без этого. Есть нечто другое.

Дон Хуан спокойно наполнил свою трубку курительной смесью, зажег ее и протянул мне. Я не опасался. Приятная сонливость сразу же охватила меня. Когда я кончил курить всю чашку смеси, дон Хуан взял свою трубку и помог мне встать. Мы сели лицом друг к другу на две соломенные циновки, которые он положил на середине комнаты. Он сказал, что мы пойдем на короткую прогулку, и предложил мне погулять, слегка подтолкнув меня. Я шагнул, и мои ноги подогнулись. Я не почувствовал никакой боли, когда мои колени ударились о пол. Дон Хуан взял меня за руку и снова подтолкнул меня встать на ноги.

— Ты должен идти, — сказал он, — тем же самым путем, каким ты вставал другой раз. Ты должен использовать свою волю.

Я, казалось, прилип к земле. Я попытался шагнуть правой ногой и почти потерял равновесие. Дон Хуан помог мне правой рукой подмышкой и слегка толкнул меня вперед, но мои ноги не держали меня, и я бы упал лицом, если бы дон Хуан не схватил меня за руку и не удержал от падения. Он держал меня под правую руку и наклонил к себе. Я ничего не мог чувствовать, но я был уверен, что моя голова лежала на его плече; я видел комнату в наклонной перспективе. Он протащил меня в этом положении около крыльца. Мы обошли его дважды самым тяжелым образом; наконец, я полагаю, мой вес стал таким большим, что он был вынужден опустить меня на землю. Я знал, что он не мог сдвинуть меня. Некоторым образом, как будто часть меня намеренно хотела стать тяжелой, как свинец. Дон Хуан не делал никаких усилий, чтобы поднять меня. Он на мгновение взглянул на меня; я лежал на спине лицом к нему. Я попытался улыбнуться ему, и он засмеялся; затем он наклонился и похлопал меня по животу. У меня возникло необычное ощущение. Оно не было болезненным или приятным, или чем-нибудь еще, что я мог додумать. Это было, скорее, толчком. Дон Хуан начал медленно вращать меня кругом. Я ничего не чувствовал; я предположил, что он вращал меня кругом потому, что мой вид крыльца изменялся в соответствии с круговыми движениями. Когда дон Хуан оставил меня в положении, которое он хотел, он отошел.

— Встань! — приказал он мне повелительно. — Встань, как ты делал это раньше. Не занимайся пустяками вокруг. Ты знаешь, как вставать. Теперь встань!

Я настойчиво пытался вспомнить действия, которые я выполнял в таких случаях, но я не мог ясно думать; было так, как будто мои мысли хотели своего, несмотря на то, как сильно я ни старался контролировать их. Наконец, мне пришла мысль, что, если я скажу «встаю», как я делал раньше, я непременно встану. Я сказал: «встаю», громко и отчетливо, но ничего не случилось.

Дон Хуан посмотрел на меня с явным неудовольствием и затем повел меня к двери. Я лежал на левом боку и полностью видел пространство перед его домом; я был спиной к двери, поэтому, когда он обошел вокруг меня, я немедленно предположил, что он ушел в дом.

— Дон Хуан! — позвал я громко, но он не отвечал.

У меня было непреодолимое чувство бессилия и отчаяния. Я хотел встать. Я говорил: «встать», снова и снова, как будто это было магическое слово, которое заставило бы меня сдвинуться. Ничего не случилось. Я расстроился и испытывал раздражение. Мне хотелось биться головой о дверь и плакать. Я проводил мучительные моменты, в которые мне хотелось двигаться или говорить, и я не мог ни того, ни другого. Я был действительно неподвижен, парализован.

— Дон Хуан, помоги мне! — сумел я, наконец, промычать.

Дон Хуан вернулся и сел передо мной, смеясь. Он сказал, что я стал истеричным и что все, что я переживал, не имело значения. Он поднял голову и посмотрел прямо на меня, сказав, что на меня напал позорный страх. Он велел мне не беспокоиться.

— Твоя жизнь усложнена, — сказал он. — Избавься от всего, что заставляет тебя выходить из себя. Оставайся здесь и вновь приведи себя в порядок.

Он положил мою голову на землю. Он шагнул через меня, и все, что я мог ощутить, это шарканье его сандалий, когда он уходил.

Моим первым побуждением снова было беспокойство, но я не мог собрать энергию, чтобы привести себя в действие. Вместо этого я обнаружил себя перешедшим в необыкновенное состояние ясности; большое чувство легкости окутало меня. Я знал, какая сложность была в моей жизни. Это был мой маленький мальчик. Я хотел быть его отцом больше, чем что-нибудь еще на этой земле. Мне нравилась мысль о формировании его характера и о том, что я бы брал его в путешествия и учил бы его «как жить», и все же я ненавидел мысль о подчинении его моему жизненному пути, но это было именно то, что я должен был сделать, — подчинить его силой или тем рядом искусных аргументов и повторений, которые мы называем пониманием.

— Я должен выкинуть его из головы, — подумал я. — Я не должен цепляться за него. Я должен освободить его.

Мои мысли вызвали во мне ужасное чувство меланхолии. Я заплакал. Мои глаза наполнились слезами и вид крыльца расплылся. Внезапно у меня появилась большая потребность встать и увидеть дон Хуана, чтобы объяснить ему о моем маленьком мальчике; и следующей вещью, которую я знал, было то, что я смотрел на крыльцо стоя. Я повернулся к фасаду дома и нашел дон Хуана стоящим передо мной. Очевидно, он стоял здесь позади меня все время.

Хотя я не чувствовал своих ног, я должен был подойти к нему, потому что я двигался. Дон Хуан подошел ко мне, улыбаясь и поддержал меня под мышками. Его лицо было очень близко ко мне.

— Хорошо, хорошо работаешь, — сказал он убеждающе.

В это мгновение я осознал, что что-то чрезвычайное случилось прямо здесь. Сначала у меня было чувство, что я только что вспомнил событие, которое случилось годами раньше. Однажды в прошлом я видел дон Хуана очень близко: я курил его смесь, и у меня было чувство тогда, что лицо дон Хуана погрузилось в бак с водой. Оно было огромным и светящимся и двигалось. Изображение было таким недолгим, что я не имел времени сохранить его. На этот раз, однако, дон Хуан держал меня, и у меня было время рассмотреть его. Когда я встал и повернулся, то я определенно видел дон Хуана; «дон Хуан, которого я знаю», определенно подошел ко мне и держал меня. Но, когда я сфокусировал глаза на его лице, я не увидел дон Хуана так, как я привык его видеть; вместо этого я увидел большой предмет перед своими глазами. Я знал, что это было лицом дон Хуана, но, все же, это знание не руководило моим восприятием; это было, скорее, логическое заключение с моей стороны, и в конце концов, моя память подтвердила это мгновением раньше: «дон Хуан, которого я знаю», держал меня под мышками. Поэтому необычный, светящийся предмет напротив меня должен был быть лицом дон Хуана; это было близко к этому, но, однако, это не походило на то, что я мог бы назвать «настоящим» лицом дон Хуана. То, на что я смотрел, было круглым предметом, который имел свое собственное свечение. Каждая часть в нем двигалась. Я ощущал сдержанное, волнообразное, ритмическое течение; это было, как будто текучесть заключалась внутри него самого, никогда не двигаясь за его пределами; и, все же, объект перед моими глазами медленно тек движением в любом месте его поверхности. Мне пришла мысль, что это медленно текущая жизнь. В действительности, это было таким живым, что был поглощен рассматриванием этого движения. Это было гипнотизирующим волнением. Оно все больше и больше поглощало меня до тех пор, пока я не мог больше различать, что за феномен был перед моими глазами.

Я пережил внезапный толчок; светящийся предмет стал неясным, как будто что-то волновало его, и затем он потерял свое свечение и стал плотным и толстым. И затем я увидел знакомое темное лицо дон Хуана. Он спокойно улыбался. Вид его «настоящего»

лица сохранялся мгновение, а затем лицо снова приобрело свечение, блеск и переливчатость. Это был не свет, каким я привык ощущать свет, и даже не свечение; скорее, это было движение, неправдоподобно быстрое мерцание чего-то. Светящийся предмет начал подсакивать вверх и вниз снова, и это разрушало его волнообразную целостность. Его свечение уменьшалось как бы толчками до тех пор, пока он снова не стал «плотным» лицом дона Хуана, таким, каким я видел его в обычной жизни. В этот момент я неопределенно понял, что дон Хуан тряс меня. Он также говорил мне что-то. Я не понимал, что он говорит, но так как он продолжал трясти меня, я, наконец, услышал его.

— Не смотри на меня. Не смотри на меня, — продолжал он говорить. — Убери свой взгляд. Убери свой взгляд. Переведи свои глаза.

Тряска моего тела, казалось, заставила меня убрать свой постоянный пристальный взгляд; очевидно, когда я не всматривался внимательно в лицо дона Хуана, я не видел светящегося предмета. Когда я отвел свои глаза от его лица и видел это уголком моего глаза, так сказать, я мог ощущать его плотность; то есть я мог ощущать трехмерного человека; не смотря действительно на него, я мог, фактически, ощущать все его тело, но когда я фокусировал свой пристальный взгляд, лицо его становилось сразу светящимся предметом.

— Не смотри на меня вообще, — сказал дон Хуан серьезно.

Я отвел глаза и посмотрел на землю.

— Не фиксируй свой взгляд ни на чем, — повелительно сказал дон Хуан и шагнул в сторону, чтобы помочь мне идти.

Я не чувствовал своих ног и не мог понять, как я выполнял движения, однако, с помощью дона Хуана, который держал меня под мышку, мы прошли весь путь к задней стороне его дома. Мы остановились у канавы.

— Теперь смотри на воду, — приказал мне дон Хуан.

Я посмотрел на воду, но не мог вглядеться в нее. Почему-то движение течения отвлекало меня. Дон Хуан настойчиво убеждал меня в шуточной манере упражнять мое «вглядывание силы», но я не мог сосредоточиться. Я пристально посмотрел на лицо дона Хуана еще раз, но свечение не становилось очевидным сколько-нибудь больше.

Я начал испытывать необычный зуд на моем теле, ощущение членов, которые заснули; мускулы моих ног начали подергиваться. Дон Хуан толкнул меня в воду, и я упал на дно. Он, по-видимому, держал мою правую руку, когда толкал меня, и когда я ударился о мелкое дно, он вытянул меня опять.

Мне потребовалось долгое время, чтобы достичь контроля над собой. Когда мы вернулись через несколько часов к его дому, я попросил его объяснить мое переживание. Когда я оделся в сухую одежду, я возбужденно описал ему то, что я ощущал, но он отбросил весь мой отчет, сказав, что в этом не было ничего важного.

— Большое дело! — сказал он, смеясь надо мной. — Ты видел свечение, большое дело.

Я настаивал на объяснении, но он встал и сказал, что он должен уйти. Было почти пять часов пополудни.

На следующий день я снова настаивал на обсуждении моего необычного переживания.

— Это было видение, дон Хуан? — спросил я.

Он был спокоен и таинственно улыбался, в то время как я заставлял его ответить мне.

— Можно сказать, что видение до некоторой степени подобно этому, — сказал он, наконец. — Ты пристально смотрел на мое лицо и увидел его сияющим, но это было, все же, мое лицо. Так происходит, что дымок заставляет каждого пристально посмотреть, подобно этому. Это пустяки.

— Но каким способом отличить видение?

— Когда ты видишь, то нет больше привычных черт в мире. Все является новым. Все никогда не случалось прежде. Мир становится неправдоподобным!

— Почему ты говоришь неправдоподобным, дон Хуан? Что делает его неправдоподобным?

— Нет больше ничего знакомого. Все, на что ты пристально смотришь, становится ничем! Вчера ты не видел. Ты пристально смотрел на мое лицо и, так как я нравлюсь тебе, ты заметил мое свечение. Я был не чудовищем, подобно стражу, но красивым и интересным. Но ты не видел меня. Я не стал ничем перед тобой. Но, однако, ты сделал хорошо. Ты сделал первый настоящий шаг к видению. Единственным недостатком было то, что ты сосредоточился на мне, и в этом случае я был для тебя не лучше, чем страж. Ты не выдержал в обоих случаях и не видел.

— Вещи исчезают? Как они становятся ничем?

— Вещи не исчезают. Они не пропадают, если это то, что ты имеешь в виду; они просто становятся ничем, и, тем не менее, они все же здесь.

— Как это может быть возможным, дон Хуан?

— Ты чертовски настойчив в разговоре! — воскликнул дон Хуан с серьезным лицом. — я думаю, что мы не нашли правильно твое обещание. Возможно, то, что ты обещал, было никогда не останавливать разговор.

Тон дон Хуана был строгий. Выражение его лица было озабоченным. Я хотел улыбнуться, но не посмел. Я думал, что дон Хуан был серьезен, но он не был серьезен. Он рассмеялся. Я сказал ему, что если я не говорил, я становился очень нервным.

— Тогда пойдем гулять, — сказал он.

Он привел меня ко входу в каньон у подножия холмов. Это была примерно часовая прогулка. Мы отдохнули короткое время, и затем он повел меня через густой пустынный подлесок к месту с водой; то есть к месту, где, как он сказал, было водное отверстие. Оно было таким же сухим, как любое другое место в округе.

— Сядь в центре водного отверстия, — приказал он мне.

Я повиновался и сел.

— Ты так же собираешься сесть здесь? — спросил я.

Я видел, что он собирался сесть в двадцати ярдах от меня. Я сел коленями перед грудью. Он поправил мое положение и велел мне сесть так, чтобы я подогнул мою левую ногу под себя, а правую согнул напротив ее коленом вверх. Моя правая рука должна была лежать кулаком на земле, а левая рука пересекала мою грудь. Он велел мне повернуться лицом к нему и оставаться в этом положении, расслабившись, но не «непринужденно». Затем он вынул беловатый шнурок из своего мешка. Он выглядел подобно большой петле. Он закрепил его петлей вокруг своей шеи и натянул левой рукой, пока он туго не натянулся. Он дернул натянутый шнурок правой рукой. Тот издал монотонный вибрирующий звук.

Он ослабил зажатие, посмотрел на меня и сказал мне, что я должен выкрикнуть особое слово, если я почувствую, что что-то напало на меня, когда он дергал шнурок.

Я спросил, что должно было напасть на меня, и он ответил, чтобы я замолчал. Он показал мне своей рукой, что он собирался начать. Но он не начал; вместо этого, он дал мне еще одно предостережение. Он сказал, что если что-то нападет на меня очень угрожающим образом, я должен принять боевое положение, которое он показывал мне несколько лет назад и которое заключалось в том, что я плясал, топая по земле левой ногой, в то же время энергично хлопая по своему правому бедру. Боевое положение было частью оборонительной техники, которая использовалась в случаях крайней необходимости при опасности.

У меня появилось мрачное предчувствие. Я хотел узнать о том, почему мы пришли сюда, но он не дал мне времени и начал дерганье шнурка. Он делал это в различных темпах с регулярными интервалами примерно в двадцать секунд. Я заметил, что, когда он дергал шнурок, он увеличивал натяжение. Я мог ясно видеть, что его руки и шея дрожали от напряжения. Звук стал более ясным, и я понял тогда, что он добавлял странный выкрик каждый раз, когда он дергал шнурок. Общее звучание натянутого шнурка и человеческого голоса производили странное таинственное отражение.

Я не чувствовал ничего нападающего на меня, но вид напряжения дон Хуана и жуткий звук, который он производил, привели меня почти в состояние транса.

Дон Хуан ослабил свое натяжение и посмотрел на меня. Когда он играл, он был спиной ко мне, и его лицо было на юго-восток, как и мое; когда он ослабил, он повернулся лицом ко мне.

— Не смотри на меня, когда я играю, — сказал он. — однако, не закрывай глаза. Ни за что. Смотри на землю перед тобой и слушай.

Он снова натянул свою бечевку и начал играть. Я смотрел в землю и концентрировался на звуке, который он производил. Я никогда прежде в жизни не слышал такого звука.

Я очень испугался. Жуткое эхо наполнило узкий каньон и начало отражаться. На самом деле, звук, который производил дон Хуан, возвращался ко мне эхом ото всех окружающих стен каньона. Дон Хуан, должно быть, заметил это и увеличил натяжение своего шнурка. Хотя дон Хуан изменил высоту тона, эхо, казалось, понизилось, и затем оно, казалось, сконцентрировалось в одной точке, к юго-востоку.

Дон Хуан уменьшил натяжение шнурка постепенно до тех пор, пока я не услышал заключительный тупой звук. Он положил шнурок в свой мешок и подошел ко мне. Он помог мне встать. Тогда я заметил, что мускулы моих рук и ног одеревенели, подобно камню; я был буквально пропитан потом. Я не мог подумать, что я могу так сильно вспотеть. Капли пота набежали мне в глаза, и их зажгло.

Дон Хуан, фактически, вытащил меня из места. Я пытался сказать что-нибудь, но он положил руку на мой рот.

Вместо того, чтобы покинуть каньон тем же путем, каким мы пришли в него, дон Хуан пошел в обход. Мы вскарабкались по стене горы и вышли на холмы очень далеко от устья каньона.

Мы шли в мертвой тишине к его дому. Когда мы дошли, было уже темно. Я попытался заговорить снова, но дон Хуан опять положил свою руку на мой рот.

Мы не ели и не зажигали керосиновой лампы. Дон Хуан положил мою циновку в своей комнате и указал на нее своим подбородком. Я понял это, как знак, что я должен лечь спать.

— Я хочу, чтобы ты сделал правильную вещь, — сказал мне дон Хуан, как только я проснулся на следующее утро. — Ты начнешь ее сегодня. Это не займет много времени, ты знаешь.

После очень долгой неловкой паузы я почувствовал потребность спросить его:

— Это то, что ты делал со мной в каньоне вчера?

Дон Хуан захихикал, как ребенок.

— Я просто постучал духу того водного места, — сказал он. — этот вид духа может быть вызван, когда водное место сухое, когда дух уединился в горе. Вчера я, можно сказать, пробудил его из его сна. Но он не имел ничего против этого и указал тебе удачное направление. Его голос исходил из этого направления. — дон Хуан указал на юго-восток.

— Что это был за шнурок, на котором ты играл, дон Хуан?

— Ловитель духов.

— Могу я посмотреть на него?

— Нет. Но я сделаю тебе такой. Или, еще лучше, ты сам сделаешь его для себя как-нибудь, когда ты научишься видеть.

— Из чего он сделан, дон Хуан?

— Мой — из кабана. Когда ты получишь его, ты поймешь, что он живой и может научить тебя различным звукам, которые ему нравятся. С практикой ты узнаешь своего ловителя духов так хорошо, что вместе с ним ты будешь издавать звуки полной силы.

— Почему ты взял меня ожидать духа водного места, дон Хуан?

— Ты очень скоро узнаешь это.

Около 11.30 того же дня мы сидели под его рамада, где он приготавливал свою трубку мне для курения.

Он велел мне встать, когда мое тело совершенно оцепенело; я сделал это с большой легкостью. Он помог мне пройтись. Я удивился своему контролю; я действительно дважды обошел вокруг рамада сам. Дон Хуан находился рядом, но не руководил мною и не поддерживал меня. Затем он взял меня под руку и отвел к канаве с водой. Он усадил меня на край канавы и приказал мне повелительно пристально смотреть на воду и ни о чем больше не думать.

Я пытался сфокусировать свой пристальный взгляд на воде, но ее движение отвлекало меня. Мой ум и мои глаза начали отклоняться на другие предметы непосредственного окружения. Дон Хуан потряс мою голову вверх и вниз и приказал мне снова пристально смотреть только на воду и не думать вообще. Он сказал, что пристально смотреть на движущуюся воду было трудно, но что нужно продолжать пробовать. Я пробовал три раза, и каждый раз я отвлекался чем-то. Дон Хуан очень упорно тряс мою голову каждый раз. Наконец, я заметил, что мой ум и мои глаза сфокусировались на воде; несмотря на ее движение я погрузился в наблюдение текучести. Вода стала несколько другой. Она, казалось, была тяжелее и однообразнее бледно-зеленой. Я мог заметить рябь при ее движении. Рябь была чрезвычайно отчетливой. А затем, внезапно, у меня появилось ощущение, что я смотрел не на массу движущейся воды, а на картину воды; я видел перед своими глазами застывший кусок текущей воды. Рябь была неподвижной. Я мог рассмотреть каждую частичку ее. Затем она начала приобретать зеленую флуоресценцию, и из нее медленно истекла какой-то густой туман зеленого цвета. Густой туман расходился по ряби и, когда он двигался, ее зелень становилась более сверкающей, до тех пор, пока не стала ослепительным сиянием, которое покрыло все.

Я не знал, как долго я находился у канавы. Дон Хуан не прерывал меня. Я был погружен в зеленое свечение ряби. Я чувствовал, что оно все вокруг меня. Оно успокаивало меня. У меня не было ни мыслей, ни чувств. Все, что у меня было, это спокойное знание, знание о сверкающей, успокаивающей зелени.

Чрезвычайный холод и сырость было следующей вещью, которую я стал осознавать. Постепенно я осознал, что я был погружен в канаву. В этот момент вода попала мне в нос, и я закашлялся, проглотив ее. У меня в носу был раздражающий зуд, и я несколько раз чихнул. Я встал и так сильно и звучно зачихал, что даже пукнул. Дон Хуан хлопнул руками и расхохотался.

Если тело пукает, то оно живое, — сказал он.

Он показал мне следовать за ним, и мы пошли к его дому.

Я думал о сохранении покоя. В некотором отношении я ожидал, что я буду в особом и мрачном настроении, но, в действительности, я не чувствовал усталости или меланхолии. Я

чувствовал, скорее, жизнерадостность, и очень быстро сменил свою одежду. Я стал насвистывать. Дон Хуан любопытно посмотрел на меня и притворился удивленным; он открыл рот и выпучил глаза. Его фигура была очень забавной, и я смеялся немного дольше, чем требовалось.

— Ты шутишь, — сказал он и засмеялся очень сильно сам.

Я объяснил ему, что я не хотел привыкать к мрачному чувству после употребления его курительной смеси. Я сказал ему, что после того, как он вытаскивал меня из канавы во время моих попыток встретить стража, я стал убежден, что я мог «видеть», если я пристально смотрел вокруг меня достаточно долго.

— Виденье — это не смотрение и не сохранение покоя, — сказал он. — Виденье — это техника, которую нужно изучать. Или, может быть, это техника, которую некоторые из нас уже знают.

Он всматривается в меня как будто, чтобы намекнуть, что я был одним из тех, кто уже знал технику.

— Ты достаточно сильный, чтобы прогуляться? — спросил он.

Я сказал, что чувствовал себя прекрасно и что могу. Я не был голоден, хотя я не ел весь день. Дон Хуан положил хлеб и несколько кусков сушеного мяса в рюкзак, вручил его мне и показал мне головой следовать за ним.

— Куда мы идем? — спросил я.

Он указал слабым движением головы по направлению к холмам. Мы направлялись к тому же каньону, где было водное место, но не вошли в него. Дон Хуан влез на скалы справа от нас, у самого устья каньона. Мы поднялись на холм. Солнце было почти на горизонте. Был умеренный день, но мне было жарко и я задыхался. Я едва мог дышать.

Дон Хуан намного опередил меня и был вынужден остановиться, чтобы позволить мне догнать его. Он сказал, что я был в ужасном физическом состоянии и что, возможно, было неблагоразумно вообще идти дальше. Он позволил мне отдохнуть около часа. Он выбрал гладкий, почти круглый валун и велел мне лечь там. Он расположил мое тело на камне. Он велел мне выкинуть руки и ноги и опустить их свободно. Моя спина слегка изогнулась и шея расслабла, так что моя голова также свободно повисла. Он оставил меня в этом положении примерно на пятнадцать минут. Затем он велел мне открыть живот. Он заботливо отобрал какие-то ветки и листья и наложил их на мой голый живот. Я почувствовал мгновенную теплоту во всем моем теле. Дон Хуан затем взял меня за ногу и поворачивал меня до тех пор, пока моя голова не оказалась к юго-востоку.

— Теперь давай позовем того духа водного места, — сказал он.

Я попытался повернуть свою голову, чтобы посмотреть на него. Он с силой удержал меня за волосы и сказал, что я был в очень уязвимом положении и в ужасно слабом физическом состоянии и должен оставаться спокойным и неподвижным. Он положил все эти особые ветки на мой живот, чтобы защитить меня, и собрался оставаться рядом со мной на случай, если я не позабочусь о себе.

Он стоял у макушки моей головы, и, если я поворачивал свои глаза, я мог видеть его. Он взял свой шнурок и натянул его, но затем понял, что я смотрел на него, повернув мои глаза ко лбу. Он легко стукнул меня по голове своими пальцами и приказал мне смотреть на небо, не закрывать глаз и концентрироваться на звуке. Он добавил, как бы подумав, чтобы я не стеснялся выкрикнуть слово, которому он научил меня, если я почувствую, что что-то нападает на меня.

Дон Хуан и его «ловитель духов» начали с низкочастотного звука. Он медленно увеличивал натяжение, и я начал слышать такое же отражение, и затем ясное эхо, которое исходило из юго-восточного направления. Натяжение увеличилось. Дон Хуан и его «ловитель духов» совершенно соответствовали друг другу. Шнурок издавал низкую ноту, и дон Хуан увеличивал ее, усиливая его натяжение до тех пор, пока нота не становилась проникающим внутрь звуком, воющим зовом. Вершиной был жуткий визг, непостижимый с точки зрения моего собственного опыта.

Звук отражался в горах и отдавался эхом назад к нам. Я представил себе, что он приходил прямо ко мне. Я почувствовал, что он, должно быть, что-то сделал с температурой моего тела. Перед тем, как дон Хуан начал свои зовы, мне было очень тепло и удобно, но во время высшей точки его зовов я стал замерзать; мои зубы непроизвольно стучали, и у меня действительно было ощущение, что что-то нападает на меня. В один момент я заметил, что небо стало очень темным. Я не признавал неба, хотя я смотрел на него. У меня был момент сильной паники, и я выкрикнул слово, которому дон Хуан научил меня.

Дон Хуан медленно начал понижать напряжение своих жутких зовов, но это не принесло мне никакого облегчения.

— Закрой свои глаза, — повелительно пробормотал дон Хуан.

Я закрыл их руками. Через несколько минут дон Хуан совсем остановился и подошел ко мне сбоку. После того, как он убрал ветки и листья с моего живота, он помог мне встать и бережно положил их на камень, где я лежал. Он зажег их и, когда они загорелись, растер мой живот другими листьями из своей сумки.

Он положил свою руку на мой рот, когда я хотел рассказать ему, что у меня была ужасная головная боль.

Мы оставались там, пока все листья не сгорели. К тому времени стало совершенно темно. Мы спустились с холма, и я дал волю своему желудку.

Когда мы шли вдоль канавы, дон Хуан сказал, что я сделал достаточно и не должен останавливаться. Я попросил его объяснить, каким был дух водного места, но он жестом показал мне молчать. Он сказал, что мы поговорим об этом в другое время, затем он умышленно сменил тему и дал мне долгое объяснение о видении. Я сказал, что было прискорбно, что я не мог сосредоточиться в темноте. Он, казалось, был очень рад, и сказал, что большую часть времени я не уделяю внимания тому, что он говорит, потому что я принял решение записывать все.

Он говорил о видении, как о процессе, не зависящем от олли и от техники магии. Маг — это человек, который мог командовать олли и, таким образом, манипулировать силой олли себе на пользу, но тот факт, что он командовал олли, не означал, что он мог видеть. Я напомнил ему, что он говорил мне раньше, что невозможно «видеть», если не имеешь олли. Дон Хуан очень спокойно заметил, что он пришел к убеждению, что возможно было «видеть» и все же не командовать олли. Он чувствовал, что нет причины, почему бы не так; так как «виденье» не имеет ничего общего с манипуляционной техникой магии, которая служит только для того, чтобы воздействовать на окружающих нас людей. Техника «виденья», с другой стороны, не имеет воздействия на людей.

Мои мысли были ясными. Я не испытывал усталости или сонливости и не имел больше неприятного чувства в своем желудке, когда мы шли с доном Хуаном. Я был ужасно голоден, и когда мы добрались до его дома, я объелся.

Потом я попросил его рассказать мне больше о технике «виденья». Он широко улыбнулся мне и сказал, что я был снова собой.

— Как это так, — сказал я, — что техника «виденья» не имеет воздействия на окружающих нас людей?

— Я уже говорил тебе, сказал он. — «виденье» — это не магия. И все же, их легко спутать, потому что человек, который «видит», может научиться, совсем моментально, управлять олли и может стать магом. С другой стороны, человек может научиться определенной технике для того, чтобы командовать олли и таким образом стать магом, и, тем не менее, он может никогда не научиться «видеть».

Кроме того, «виденье» противоположно магии. «Виденье» заставляет понять незначительность всего этого.

— Незначительность чего, дон Хуан?

— Незначительность всего.

Мы не говорили ничего больше. Я чувствовал себя очень расслабленным и не хотел говорить ничего больше. Я лежал на спине на соломенной циновке. Мне служила подушкой моя непродуваемая куртка. Я чувствовал себя удобно и счастливо и писал мои заметки в течение часов при свете керосиновой лампы.

Внезапно дон Хуан снова заговорил.

— Сегодня ты сделал очень хорошо, — сказал он. — ты очень хорошо сделал с водой. Духу водного места ты нравишься, и он помогал тебе всю дорогу.

Тогда я понял, что я забыл рассказать ему мое переживание. Я начал описывать способ, которым я воспринимал воду. Он не дал мне продолжать. Он сказал, что он знал, что я воспринимаю густой зеленый туман.

Я почувствовал потребность спросить:

— Как ты узнал это, дон Хуан?

— Я видел тебя.

— Что я делал?

— Ничего, ты сидел здесь и пристально смотрел на воду, и, наконец, ты ощутил зеленый туман.

— Это было виденье?

— Нет. Но это было очень близко. Ты приближаешься.

Я стал очень взволнован. Я хотел знать больше об этом. Он засмеялся и пошутил над моим рвением. Он сказал, что всякий мог ощутить зеленый туман, потому что это было подобно стражу, что-то, что было неизбежно там, поэтому, в ощущении этого не было большого достижения.

— Когда я сказал тебе, что ты сделал хорошо, я имел в виду, что ты не беспокоился, — сказал он, — так как тогда, когда ты имел дело со стражем. Если бы ты стал беспокоиться, я должен был бы встряхнуть твою голову и привести тебя назад. Когда человек идет в зеленый туман, его бенефактор должен находиться при нем на случай, если тот начнет заманивать его. Ты можешь выскочить из пределов досягаемости стража сам, но ты не можешь сам избежать когтей зеленого тумана. По крайней мере, не в начале. Позже ты сможешь научиться способу делать это. Теперь мы пытаемся узнать нечто другое.

— Что же мы пытаемся узнать?

— Можешь ли ты видеть воду.

— Как же я узнаю, что я видел ее, или что я вижу ее?

— Ты узнаешь. Ты путаешься, только когда ты говоришь.

12

Работая над своими заметками, я натолкнулся на различные вопросы.

— Есть ли зеленый туман, как и страж, нечто, что необходимо победить для того, чтобы видеть? — спросил я дон Хуана, как только мы сели под его рамада 8 августа 1969 года.

— Да. Нужно побеждать все.

— Как я могу победить зеленый туман?

— Тем же способом, каким ты победил стража, — позволить ему обратиться в ничто.

— Что же я должен сделать?

— Ничего. Для тебя зеленый туман намного легче, чем страж. Духу водного места ты нравишься в то время, как, конечно, не с твоим темпераментом иметь дело со стражем. Ты никогда реально не видел стража.

— Может быть, это было потому, что он не нравился мне? Что, если бы я встретил стража, который мне понравился? Должно быть, некоторые люди могут посчитать стража, которого я встретил, красивым существом. Победили бы они его, потому что он понравился им?

— Нет! Ты все же не понимаешь. Не имеет значения, нравится ли тебе или не нравится страж. Если ты имеешь чувство к нему, страж останется тем же самым, чудовищным, прекрасным или любым другим. Если у тебя нет чувства к нему, с другой стороны, страж станет ничем и будет все же там перед тобой.

Мысль, что нечто, такое громадное, как страж, могло стать ничем и все же быть перед моими глазами, была абсолютно бессмысленной. Я чувствовал, что это было одной из алогичных предпосылок знания дон Хуана. Однако, я также чувствовал, что, если бы он захотел, он мог бы объяснить это мне. Я настаивал, спрашивая его о том, что он имел в виду под этим.

— Ты думаешь, что страж был чем-то, что ты знал, — это то, что я имею в виду.

— Но я не думал, что это было что-то, что я знал.

— Ты думал, что он был безобразным. Его размеры были потрясающими. Это было чудовище. Ты знал эти все вещи. Поэтому, страж был всегда чем-то, что ты знал, и пока он был чем-то, что ты знал, та не видел его. Я говорил тебе уже, что страж должен стать ничем, и, все же, он должен оставаться перед тобой. Он должен быть там, и он, в то же самое время должен быть ничем.

— Как же это может быть, дон Хуан? Ты говоришь абсурд.

— Да. Но это и есть виденье. В действительности, бесполезно говорить об этом. «Виденье», как я говорил прежде, узнается посредством «виденья».

— Очевидно, у тебя нет проблем с водой. Ты почти «видел» ее на днях. Вода — это твой «кардинальный пункт». Все, что теперь нужно тебе, это совершенствовать свою технику «виденья». Ты имеешь сильного помощника в духе водного места.

— Это другой мой жгучий вопрос, дон Хуан.

— Ты можешь иметь все жгучие вопросы, какие хочешь, но мы не можем говорить о духе водного места в его районе. В действительности, лучше не думать об этом совсем. Не думать совсем. В противном случае дух заманит тебя, и, если это случается, нет ничего, что живой человек может сделать, чтобы помочь тебе. Поэтому, держи свой рот закрытым, и удерживай свои мысли на чем-нибудь еще.

Около десяти часов на следующее утро дон Хуан вынул свою трубку из футляра, наполнил ее курительной смесью, затем вручил ее мне и велел мне отнести ее на берег ручья. Держа трубку двумя руками, я сумел расстегнуть свою рубашку, положить трубку внутрь и крепко держать ее. Дон Хуан принес два соломенных мата и небольшой поднос с углями. Был теплый день. Мы сели на циновки в тени небольшой рощи деревьев бреа у самого края воды. Дон Хуан положил уголь в чашку трубки и велел мне курить. У меня не было никакого опасения или какого-нибудь чувства приподнятого настроения. Я вспомнил, что во время моей второй попытки «видеть» стража, после того, как дон Хуан объяснил его

природу, у меня было особое ощущение удивления и благоговения. На этот раз, однако, хотя дон Хуан предупредил меня о возможности действительного «виденья» воды, у меня не было эмоционального увлечения — у меня было только любопытство.

Дон Хуан заставил меня курить дважды во время предыдущих попыток. В данный момент он наклонился и прошептал в мое правое ухо, что он собирается научить меня, как использовать воду для того, чтобы двигаться. Я чувствовал его лицо очень близко, как будто он приставил свой рот к моему уху. Он сказал мне, чтобы я не смотрел пристально на воду, а сфокусировал свои глаза на поверхности и внимательно смотрел до тех пор, пока вода не превратится в зеленый густой туман. Он повторил еще и еще, что я должен сосредоточить свое внимание на тумане до тех пор, пока не обнаружу чего-нибудь еще.

— Смотри на воду перед собой, — слышал я его голос, — но не позволяй ее звуку унести тебя куда-нибудь. Если ты позволишь звуку воды унести тебя, я не смогу никогда найти тебя и привести обратно. Теперь войди в зеленый туман и прислушайся к моему голосу.

Я слушал и понимал его с чрезвычайной ясностью. Я начал внимательно смотреть на воду и имел очень необычное ощущение физического удовольствия — зуд, неопределенное счастье. Я долгое время пристально смотрел, но не обнаруживал зеленого тумана. Я чувствовал, что мои глаза выходили из фокуса, и я должен был бороться, чтобы удерживать свой взгляд на воде; наконец, я больше не смог контролировать свои глаза и был вынужден закрыть их, или мигнуть, или, возможно, я просто потерял свою способность фокусироваться; во всяком случае, в этот самый момент вода остановилась, она перестала двигаться. Она, казалось, стала картиной. Рябь была неподвижной. Затем вода начала слабо шипеть, как будто в ней были частички карбоната, которые сразу взрывались. Через мгновение я увидел, что шипение медленно расширилось в зеленое вещество. Это был безмолвный взрыв; вода взорвалась сверкающим зеленым туманом, который распространялся до тех пор, пока не охватил меня.

Я оставался взвешенным в нем до тех пор, пока острый, непрерывный резкий шум не потряс все; туман, казалось, застыл в обычные черты водной поверхности. Резкий шум был выкриком дон Хуана около моего уха: «хеййй!» Он велел мне прислушиваться к его голосу и вернуться назад в туман и ждать там до тех пор, пока он не позовет меня. Я сказал: «о'кей», по-английски, и услышал гогочущий шум его смеха.

— Пожалуйста, не разговаривай, — сказал он. — Не выдавай мне больше никаких «о'кей».

Я мог слышать его очень хорошо. Звук его голоса был мелодичным и, главным образом, дружественным. Я знал это, не думая; это было убеждение, которое пришло мне в голову, а затем прошло.

Голос дон Хуана приказал мне сосредоточить все мое внимание на тумане, но не предаваться ему. Он повторно сказал, что воин не должен предавать себя ничему, даже своей смерти. Я погрузился в туман снова и заметил, что это был совсем не туман или, по крайней мере, это не было тем, что, как я был убежден, было подобно туману. Туманоподобный феномен состоял из крошечных пузырьков, круглых предметов, которые входили в область «зрения» и удалялись из нее, уплывая. Я некоторое время наблюдал их движение, а затем громкий, отдаленный шум встряхнул мое внимание, и я потерял способность сосредоточиваться и не мог больше воспринимать крошечные пузырьки. Все, что я сознавал затем, это зеленый, аморфный, туманоподобный свет. Я услышал громкий шум снова, и его встряска сразу разогнала туман, и я обнаружил, что смотрел на воду в оросительной канаве. Затем я услышал его снова, много ближе, — это был голос дон Хуана. Он говорил мне, чтобы я обратил внимание на него, потому что его голос был единственным проводником для меня. Он приказал мне смотреть на берег и на растительность прямо перед собой. Я видел тростник и пространство, которое было свободно от тростника. Это была маленькая бухточка в берегу, место, куда дон Хуан приходил опускать ведро и наполнять его водой. Через некоторое время дон Хуан приказал мне вернуться вновь к туману и снова попросил меня обращать внимание на его голос, потому что он собирался руководить мной так, чтобы я мог научиться, каким образом двигаться; он сказал, что раз я увидел пузырьки, я должен взять один из них и позволить ему унести меня.

Я повиновался ему и был сразу окружен зеленым туманом, а затем я увидел крошечные пузырьки. Я снова услышал голос дон Хуана, как очень необычное и пугающее грохотание. Сразу же за этим я начал терять свою способность воспринимать пузырьки.

— Взберись на один из этих пузырьков, — услышал я его голос.

Я старался удержать свое восприятие зеленых пузырьков и в то же время слушать его голос. Я не знал, как долго я старался делать это, когда внезапно я осознал, что я мог слышать его и все же сохранять вид пузырьков, которые продолжали проходить, медленно

уплывая из моего поля восприятия. Голос дона Хуана побуждал меня следовать за одним из них и взобраться на него.

Я удивился, как я предполагал сделать это, и автоматически произнес слово «как». Я почувствовал, что слово было очень глубоко внутри меня и, когда оно вышло, оно понесло меня к поверхности. Слово было подобно бую, который вышел из моей глубины. Я слышал, что я сказал «как», и я издал звук, подобно воющей собаке. Дон Хуан тоже завыл, так же как собака, а затем он издал несколько звуков койота и засмеялся. Я подумал, что это очень забавно, и действительно засмеялся.

Дон Хуан сказал мне очень спокойно, чтобы я позволил себе прикрепиться к пузырьку и следовать за ним.

— Вернись снова, — сказал он. — Войди в туман! В туман!

Я вернулся и заметил, что движение пузырьков замедлилось, и они стали больше, как баскетбольные мячи. В действительности, они были такими большими и медленными, что я мог рассмотреть каждый из них во всех подробностях. Это были не пузырьки, в действительности, и не были подобны ни парящему пузырю, ни воздушному шару, ни любому другому сферическому контейнеру. Они не были сосудами, и, все же, они были сосудами. Не были они и круглыми, хотя, когда я впервые воспринял их, я мог бы поклясться, что они были круглыми, и образ, который пришел мне на ум, был — «пузырьки». Я рассматривал их, как будто смотрел сквозь стекло; то есть как бы рама окна не позволяла мне следовать за ними, но только наблюдать за их приходом и уходом из сферы моего восприятия.

Когда я перестал рассматривать их, как пузырьки, однако, я был способен следовать за ними; следуя за ними, я прикрепился к одному из них и поплыл с ним. Я действительно чувствовал, что я двигался. Я, фактически, был пузырьком или той вещью, которая походила на него.

Затем я услышал настойчивый звук голоса дона Хуана. Это встряхнуло меня и я потерял свое чувство быть «им». Звук был чрезвычайно испуганный; это был отдаленный голос, очень металлический, как будто он говорил через громкоговоритель. Я разобрал некоторые из слов.

— Посмотри на берег, — говорил он.

Я увидел очень большую массу воды. Вода неслась. Я мог слышать шум ее движения.

— Посмотри на берег, — снова приказал мне дон Хуан.

Я увидел бетонную стену.

Звук воды стал ужасно громким; звук воды поглощал меня. Затем он мгновенно перестал, как будто был обрезан. У меня было ощущение темноты, сна.

Я стал сознавать, что я погружен в оросительную канаву. Дон Хуан плескал водой мне в лицо и говорил. Затем он погрузил меня в канаву. Он вытянул мою голову вверх, над поверхностью, и позволил мне положить ее на берег, держа меня сзади за воротник рубашки. В моих руках и ногах было очень приятное ощущение. Я вытянул их. Мои глаза устали и зудели; я поднял свою правую руку, чтобы потереть их. Это было трудным движением. Моя рука, казалось, была тяжелой. Я мог едва вынуть ее из воды, но, когда я сделал это, моя рука вышла покрытой самой удивительной массой зеленого тумана. Я держал свою руку перед глазами. Я мог видеть ее контур, как темнеющую массу зелени, окруженную очень интенсивным зеленоватым туманом. Я в спешке добрался до ног и встал в середине течения и посмотрел на свое тело: моя грудь, руки и ноги были зелеными, густозелеными. Цвет был таким интенсивным, что мне передалось чувство вязкого вещества. Я выглядел подобно статуэтке, которую дон Хуан сделал мне несколько лет назад из корня дурмана.

Дон Хуан велел мне выйти. Я заметил настойчивость в его голосе.

— Я зеленый, — сказал я.

— Брось это, — сказал он повелительно. — У тебя нет времени. Вылезай оттуда. Вода заманивает тебя. Вылезай из нее! Вылезай! Вылезай!

Я выскочил в панике.

— На этот раз ты должен рассказать мне все, что происходило, — сказал он на самом деле, как только мы сели лицом друг к другу в его комнате.

Он не интересовался последовательностью моего переживания, он хотел знать только то, с чем я встретился, когда он велел мне посмотреть на берег. Он интересовался подробностью моего переживания, он хотел знать только то, с чем я встретился, когда он велел мне посмотреть на берег. Он интересовался подробностями. Я описал стену, которую я видел.

— Была ли стена справа или слева? — спросил он.

Я сказал ему, что стена была в действительности передо мной. Но он настаивал, что она должна была быть или справа, или слева.

— Когда ты впервые увидел ее, где она была? Закрой свои глаза и не открывай их, пока не вспомнишь.

Он встал и поворачивал мое тело, когда я закрыл глаза, до тех пор, пока не повернул меня лицом на восток — в том направлении, в котором я был, когда сидел перед течением. Он спросил меня, в каком направлении я двигался.

Я сказал, что я имел движение вперед, впереди передо мной. Он настаивал, что я должен вспомнить и сосредоточиться на времени, когда я все еще видел воду, как пузырьки.

— Каким путем они текли? — спросил он.

Дон Хуан убеждал меня вспомнить, и, наконец, я признался, что пузырьки, казалось, должны были двигаться ко мне справа. Однако, я не был совершенно уверен, как он хотел. Под его расследованием я начал осознавать, что я не был способен классифицировать свое восприятие. Пузырьки двигались ко мне справа, когда я впервые видел их, но когда они стали больше, они текли всюду. Некоторые из них, казалось, шли прямо на меня, другие, казалось, двигались во всех возможных направлениях. Были пузырьки, которые двигались выше и ниже меня. Фактически, они были везде вокруг меня. Я вспомнил, что слышал их шипение, поэтому я должен был воспринимать их своими ушами так же, как и глазами.

Когда пузырьки стали такими большими, что я смог «взобраться» на один из них, я «увидел», что они терлись друг о друга подобно воздушным шарам.

Мое возбуждение усилилось, когда я вспомнил подробности моего восприятия. Дон Хуан, однако, совершенно не интересовался этим. Я сказал ему, что видел шипящие пузырьки. Это не был чисто слуховой или чисто визуальный эффект, но это было что-то неразличимое, кристально ясное — пузырьки терлись друг о друга. Я не видел и не слышал их движения — я чувствовал его; я был частью звука и движения.

Когда я рассказал о моем переживании, я глубоко разволновался. Я держал его руку и тряс ее в большом волнении. Я понял, что пузырьки не имели внешнего предела; тем не менее, они вмещали в себя, и их края меняли форму и были неровными и зазубренными. Пузырьки сливались и разделялись с большой скоростью, однако, их движение не было ослепляющим блеском. Их движение было устойчивым и, в то же самое время, медленным.

Другой вещью, которую я вспомнил, когда рассказывал свое переживание, было качество цвета, которым пузырьки, казалось, обладали. Они были прозрачными и очень яркими и казались почти зелеными, хотя это был не цвет, каким я привык воспринимать цвета.

— Ты уклоняешься, — сказал дон Хуан. — Эти вещи не являются важными. Ты задерживаешься на неправильных предметах. Направление — единственно важный выход.

Я мог только вспомнить, что я двигался без какой-либо точки отношения, но дон Хуан заключил, что так как пузырьки плыли последовательно ко мне справа, с юга, вначале, то этот юг был направлением, с которым я должен был иметь дело. Он начал повелительно побуждать меня вспомнить, была ли стена от меня справа или слева. Я старался вспомнить.

Когда дон Хуан «позвал меня» и я всплыл, так сказать, я думал, что стена была от меня слева. Я был очень близко к ней и мог различить желобки и выступы деревянной арматуры или оплубли, в которую был залит бетон. Очень тонкие полоски дерева были использованы, и рисунок, который они создали, был компактным. Стена была очень высокой. Мне был виден один конец ее, и я заметил, что он не имел угла, он был всюду изогнут.

Он сидел в тишине некоторое время, как бы задумавшись о том, как расшифровать смысл моего переживания, и, наконец, сказал, что я не достиг многого и что я не достиг того, что он ожидал от меня.

— Что же мне полагалось сделать?

Он не ответил, но сморщил губы.

— Ты делал очень хорошо, — сказал он. — Сегодня ты узнал, что брюхо используют воду, чтобы двигаться.

— Но «увидел» ли я?

Он посмотрел на меня с любопытством. Он повернул глаза и сказал, что я должен входить в зеленый туман очень много раз, пока не отвечу на свой вопрос. Он изменил направление нашего разговора тонким способом, сказав, что я, в действительности, не узнал, как двигаться, чтобы использовать воду, но я узнал, что брюхо мог делать это, и он умышленно сказал мне посмотреть на берег потока, чтобы я мог остановить свое движение.

— Ты двигался очень быстро, — сказал он, — так же быстро, как человек, который знает, как выполнять эту технику. Мне тяжело не отставать от тебя.

Я попросил его объяснить, что случилось со мной, с начала. Он засмеялся, слегка покачивая своей головой как будто с недоверием.

— Ты всегда настаиваешь на знании вещей с самого начала, — сказал он. — Но там нет начала; начало есть только у твоей мысли.

Я думаю, что начало было, когда я сидел на берегу и курил, — сказал я.

— Но прежде, чем ты курил, я должен был разгадать, что делать с тобой, — сказал он. — Я должен был рассказать тебе, что я делал, а я не могу сделать этого, потому что это приведет меня еще к другому делу. Поэтому, может быть, вещи будут яснее тебе, если ты не будешь думать о началах.

— Тогда скажи мне, что произошло после того, как я сидел на берегу и курил.

— Я думаю, что ты рассказал уже мне это, — сказал он, рассмеявшись.

— Было ли что-нибудь важного в том, что я делал, дон Хуан?

Он пожал плечами.

— Ты следовал моим указаниям очень хорошо и не затруднялся входить и выходить из тумана. Затем, ты прислушивался к моему голосу и возвращался к поверхности каждый раз, когда я звал тебя. Это было упражнением. Остальное было очень легко. Ты просто позволил туману унести тебя. Ты вел себя, как будто ты знал, что делать. Когда ты был очень далеко, я позвал тебя снова и велел тебе смотреть на берег, поэтому, ты должен знать, как далеко ты ушел. Затем я вытянул тебя назад.

— Ты имеешь в виду, дон Хуан, что я действительно путешествовал в воде?

— Да. И очень далеко, к тому же.

— Как далеко?

— Ты не поверишь этому.

Я попытался убедить его сказать мне, но он прекратил предмет и сказал, что он должен уйти на время. Я настаивал, чтобы он, по крайней мере, намекнул мне.

— Мне не нравится оставаться в темноте, — сказал я.

— Ты сам держишь себя в темноте, — сказал он. — думай о стене, которую ты видел. Сядь здесь на свою циновку и вспомни каждую подробность этого. Тогда, возможно, ты сам сможешь открыть, как далеко ты ушел. Все, что я знаю теперь, это то, что ты путешествовал очень далеко. Я знаю это, потому что у меня было ужасное время при вытягивании тебя назад. Если бы я не был рядом, ты мог бы совсем заблудиться и никогда не вернуться; в таком случае, все, что осталось бы от тебя теперь, это мертвое тело на берегу ручья. Или, возможно, ты мог вернуться сам, но в этом я не уверен. Поэтому, оценив попытку этого, я должен был привести тебя назад, я сказал тебе очень ясно в...

Он сделал долгую паузу и пристально и дружелюбно посмотрел на меня.

— Я дойду до гор центральной Мексики, — сказал он, — я не знаю, как далеко ты ушел — возможно, до Лос-анджелеса, а, возможно, даже до Бразилии.

Дон Хуан вернулся на следующий день поздно после обеда. К тому времени я записал все, что я мог вспомнить о моем восприятии. Когда я писал, мне пришлось на ум пройти по берегам ручья вверх и вниз и подтвердить, видел ли я в действительности детали на каждой стороне, которые могли вызвать во мне образ стены. Я сделал предположение, что дон Хуан мог заставить меня пройти в состоянии оцепенения, и затем мог заставить меня сосредоточить мое внимание на какой-нибудь стене по пути. В часы, которые прошли между временем, когда я впервые обнаружил туман, и временем, когда я вылез из канавы и вернулся в его дому, я вычислил, что, если он заставил меня пройти, мы могли пройти, самое большее, две с половиной мили. Поэтому, я обошел берега по ручью около трех миль в каждом направлении, внимательно рассматривая каждую деталь, которая могла бы иметь отношение к моему виду стены. Ручей был, насколько я мог сказать, простым каналом, использовавшимся для орошения. Он был от четырех до пяти футов шириной по всей длине, и я не мог найти никаких видимых деталей в нем, которые напомнили бы мне или навязали бы образ бетонной стены.

Когда дон Хуан пришел в дом поздно после полудня, я заговорил с ним и настоял на прочтении ему моего отчета. Он отказался слушать и заставил меня сесть. Он сидел лицом ко мне. Он не улыбался. Он, казалось, думал, оценивая проникающим внутрь взглядом своих глаз, которые остановились над горизонтом.

— Я думал, что ты должен был осознать к этому времени, — сказал он тоном, который был, неожиданно, очень суровым, — что все является смертельно опасным. Вода является такой же смертельной, как и страж. Если ты не остережешься, вода заманит тебя. Она почти сделала это вчера. Но для того, чтобы попасться в ловушку, человек должен хотеть. В этом твое затруднение. Ты хочешь покинуть себя.

Я не знал, о чем он говорил. Его нападение на меня было таким неожиданным, что я был сбит с толку. Я слабо попросил его объяснить мне. Он с неохотой упомянул, что он ходил к водному каньону и «видел» духа водного места и имел глубокое убеждение, что у меня были слабые возможности «видеть» воду.

— Как? — спросил я, действительно расстроенный.
— Дух — это сила, — сказал он, — и, как таковой, он отзывается только на силу. Ты не можешь потакать себе в его присутствии.
— Как я потакал себе?
— Вчера, когда ты был в воде.
— Я не потакал себе. Я думал, что это был очень важный момент, и я рассказывал тебе то, что происходило со мной.

— Кто ты такой, чтобы думать или решать, что является важным? Ты ничего не знаешь о силах, которые заманивают тебя. Дух водяного места существует вне этого места и может помочь тебе; в действительности, он помогал тебе, пока ты не был слаб. Теперь я не знаю, какого будет последствие твоих действий.. Ты уступил силе духа водяного места, и теперь он может взять тебя в любое время.

— Разве было неправильно смотреть на себя, обернувшегося зеленым?
— Ты покинул самого себя. Это было неправильно. Я уже говорил тебе это и повторю это снова. Ты можешь выжить в мире брухо, только если ты воин. Воин обращается со всем с уважением и не топчет ничего, если он не вынужден делать это. Ты не обращался с водой с уважением вчера. Обычно ты ведешь себя очень хорошо. Однако, вчера ты покинул самого себя ради своей смерти, как проклятый дурак. Воин не покидает самого себя ни для чего, даже для своей смерти. Воин — это не старательный партнер; воин недоступен; и если он вовлекает себя во что-то, то ты можешь быть уверен, что он сознает то, что делает.

Я не знал, что сказать. Дон Хуан был почти сердит. Это расстроило меня. Дон Хуан редко вел себя со мной таким образом. Я действительно не имел мысли, что я сделал что-то неправильное. После нескольких минут напряженного молчания он снял свою шляпу, улыбнулся и сказал мне, что я должен уйти и не возвращаться в его дом до тех пор, пока я не почувствую, что приобрел контроль над своим потаканием себе. Он подчеркнул, что я должен сторониться воды и не касаться ее поверхности моего тела три или четыре месяца.

— Я не думаю, что я могу ходить, не приняв душ, — сказал я.
Дон Хуан захохотал до слез, поливших из его глаз.
— Ты не можешь ходить без душа+ временами ты так слаб, что, я думаю, ты побуждаешь меня. Но это не шутка. Временами ты действительно не имеешь контроля, и силы твоей жизни свободно берут тебя.

Я поднял вопрос о том, что это по-человечески невозможно — контролировать себя все время. Он настаивал, что для воина нет ничего вне контроля. Я поднял вопрос о случайности и сказал, что то, что случилось со мной у водного канала, можно было, конечно, классифицировать, как случайность, т.к. я не имел этого в виду и не сознавал своего неправильного поведения. Я говорил о различных лицах, имевших несчастья, которые могли быть объяснены, как случайности; я говорил особенно о лукасе, старом, очень приятном индейце племени яки, который серьезно пострадал, когда грузовик, который он вел, перевернулся.

— Мне кажется, невозможно избежать случайностей, — сказал я. — Никто не может контролировать все вокруг себя.

— Верно, — сказал дон Хуан резко. — Но не все является неизбежной случайностью. Лукас не живет, как воин. Если бы он жил так, то он бы знал, что он ждет и чего он ждет, и он не вел бы грузовик, будучи пьяным. Он наскочил на скалу у дороги, потому что он был пьян, и искалечил свое тело ни за что.

— Жизнь для воина — есть упражнение в стратегии, — продолжал дон Хуан. — Но ты хочешь найти смысл жизни. Воин не заботится о смыслах. Если бы лукас жил, как воин, — а он имел к этому возможность, т.к. все мы имеем возможность, — он разметил бы свою жизнь стратегически. Таким образом, если бы он не мог избежать случайности, которая поломала ему ребра, он нашел бы способы ослабить это происшествие или избежать его последствий, или бороться против них. Если бы лукас был воином, то он не сидел бы в своем развалившемся доме, умирая от голода. Он бы бился до конца.

Я изложил альтернативу дону Хуану, используя его в качестве примера, и спросил его, что будет в результате, если бы он сам был бы вовлечен в несчастный случай, и ему отрезало бы ноги.

— Если бы я не смог помочь этому и потерял бы свои ноги, — сказал он, — я не смог бы быть человеком сколько-нибудь дольше и, поэтому, я соединился бы с тем, кто ждет меня вне этого места.

Он сделал широкий жест своей рукой, чтобы показать все вокруг себя. Я заспорил, что он неправильно понял меня. Я намеревался указать, что было невозможно для любого отдельного человека предвидеть все перемены, включенные в его повседневных действиях.

— Все, что я могу тебе сказать, — сказал дон Хуан, — это то, что воин всегда недоступен; он никогда не стоит на дороге, ожидая, чтобы его стукнули по голове. Таким образом, он сводит к минимуму свои возможности непредвиденного. То, что ты называешь случайностью, в большинстве случаев очень легко избежать, если не быть идиотом, живущим спустя рукава.

13

Моя следующая попытка «виденья» имела место 3 сентября 1969 года. Дон Хуан заставил меня выкурить две чашки смеси. Немедленные результаты были аналогичны результатам, которые я испытывал во время предыдущих попыток. Я помнил то, что, когда мое тело совсем онемело, дон Хуан помог мне, поддерживая меня под руку, войти в густой пустынный чаппараль, который рос на несколько миль вокруг его дома. Я не мог припомнить то, что я или дон Хуан делал после того, как мы вошли в заросли, я не мог вспомнить, как долго мы шли; в некоторый момент я обнаружил, что я сидел на вершине небольшого холма. Дон Хуан сидел слева от меня, касаясь меня. Я не мог чувствовать его, но я мог видеть его уголком глаза. У меня было чувство, что он говорил со мной, хотя я не мог вспомнить его слов. Все же, я чувствовал, что я знал точно, что он говорил, несмотря на тот факт, что я не мог вспомнить этого ясно. У меня было ощущение, что его слова были подобны вагонам поезда, который удалялся, и его последнее слово было подобно последнему квадратному служебному вагону. Я знал, что это последнее слово означало, но я не мог сказать его или подумать о нем ясно. Это было состояние полубодствования с призрачным образом поезда из слов.

Затем, очень слабо я услышал голос дона Хуана, который говорил мне:

— Теперь ты должен посмотреть на меня, — сказал он, повернув мою голову к своему лицу. Он повторил обращение три или четыре раза.

Я посмотрел и сразу обнаружил тот же самый светящийся эффект, какой я воспринимал прежде, когда смотрел на его лицо; это было гипнотизирующее движение, волнообразное перемещение света внутри вмещающих сфер. Там, между этими сферами, не было определенных границ, и, однако, волнистый свет никогда не разливался, но двигался внутри невидимых пределов.

Я пристально разглядывал светящийся предмет передо мной, и немедленно он начал терять свое свечение, и появились обычные черты лица дона Хуана, или, скорее, стали накладываться на затухающее свечение. Затем я должен был сфокусировать свой пристальный взгляд снова; очертания дона Хуана поблекли, а свечение усилилось. Я перенес свое внимание на область, которая должна была быть его левым глазом. Я заметил, что там движение свечения не сдерживалось. Я обнаружил нечто, возможно, похожее на вспышки искр. Вспышки были ритмичными и действительно испускали нечто подобное частичкам света, которые летели с явной силой ко мне, а затем удалялись, как будто они были резиновыми нитями.

Дон Хуан должен был повернуть мою голову вокруг. Внезапно, я обнаружил, что я смотрел на вспаханное поле.

— Теперь смотри вперед, — услышал я голос дона Хуана.

Передо мной, возможно, на двести ярдов, был большой, долгий холм, весь его склон был вспахан. Горизонтальные полосы бежали параллельно друг к другу от подножья до самой вершины холма. Я заметил, что на вспаханном поле были небольшие камни и три огромных валуна, которые мешали линейности борозд. Прямо передо мной были кусты, которые мешали мне видеть подробности оврага или водного каньона у подножия холма. Откуда я смотрел, каньон казался глубоким разрезом, заметно отличающимся зеленой растительностью от бесплодного холма. Зелень, казалось, была деревьями, которые росли на дне каньона. Я чувствовал легкий ветерок, дувший мне в глаза. У меня было чувство мира и полный покой. Не было звуков ни птиц, ни насекомых.

Дон Хуан заговорил со мной снова. В этот момент я понимал то, что он говорил.

— Видишь ли ты человека на этом поле? — продолжал он спрашивать.

Я хотел ответить ему, что на поле не было человека, но я не мог произнести слова. Дон Хуан взял мою голову в свои руки сзади — я мог видеть его пальцы над моими бровями и на моих щеках — и заставил меня посмотреть через все поле, передвигая медленно мою голову справа налево, а затем в противоположном направлении.

— Наблюдай каждую деталь. Твоя жизнь может зависеть от этого, — слышал я его, говорившего это снова и снова.

Он заставил меня четыре раза обозреть 180-градусный визуальный горизонт передо мной. В один момент, когда он двигал мою голову посмотреть круто налево, я подумал, что я обнаружил что-то движущееся в поле. Я имел краткое восприятие движения уголком моего

правого глаза. Он начал передвигать мою голову назад, вправо, и я смог сфокусировать свой пристальный взгляд на вспаханном поле. Я увидел человека, идущего вдоль борозд. Он был простой человек, одетый, как мексиканский крестьянин: он носил сандалии, легкие серые штаны, бежевую рубашку с длинными рукавами и соломенную шляпу и нес легкую коричневую сумку с ремнем через правое плечо.

Дон Хуан, должно быть, заметил, что я увидел человека. Он повторно спросил меня, смотрел ли человек на меня и ко мне ли он шел. Я хотел сказать ему, что человек удалялся и что ко мне была повернута его спина, но я мог только сказать «нет». Дон Хуан сказал, что если человек повернется и пойдет ко мне, я крикну, и он развернет мою голову для того, чтобы защитить меня.

У меня было ощущение страха или опасения, или затруднительного положения. Я равнодушно наблюдал сцену. Человек остановился на середине поля. Он поставил свою правую ногу на край большого круглого валуна, как будто зашнуровывал свою сандалию. Затем он выпрямился, вынул веревку из своей сумки и обернул ее вокруг своей левой руки. Он повернулся спиной ко мне и, повернувшись лицом к вершине холма, начал оглядывать пространство перед собой. Я подумал, что он разглядывает, вследствие способа, которым он двигал мою голову, которую он медленно поворачивал вправо; я видел его в профиль, а затем он начал поворачивать все свое тело до тех пор, пока не оказался смотревшим на меня. Он, в действительности резко двигал своей головой, или двигал ею таким способом, что я знал без сомнения, что он видел меня. Он вытянул перед собой левую руку, указывая на землю, и, держа свою руку в этом положении, начал идти ко мне.

— Он приближается! — крикнул я без какой-либо трудности.

Дон Хуан должен был повернуть мою голову в сторону, и затем я смотрел на чаппараль. Он велел мне не смотреть пристально, но смотреть «слегка» на вещи и оглядывать через них. Он сказал, что он собирается встать на коротком расстоянии передо мной и затем подходить ко мне, и что я должен пристально смотреть на него, пока не увижу его свечение.

Я видел, что дон Хуан двигался от меня до расстояния, примерно, двадцать ярдов. Он шел с такой невероятной скоростью и проворством, что я едва мог поверить, что это был дон Хуан. Он повернулся лицом ко мне и приказал мне пристально смотреть на него.

Его лицо было светящимся; оно выглядело подобно пятну света. Свет, казалось, разливался через его грудь почти к середине его тела. Это было так, как будто я смотрел на свет сквозь свои полужакрытые веки. Свечение, казалось, расширялось и удалялось. Он, должно быть, начал подходить ко мне, потому что свет стал более интенсивным и более различимым. Он что-то сказал мне. Я пытался понять и потерял вид свечения, а затем я сказал дону Хуану как я вижу его в повседневной жизни; он был в двух шагах от меня. Он сел лицом ко мне.

Когда я точно сосредоточил свое внимание на его лице, я начал воспринимать неясное свечение. Его лицо было как бы перекрещено тонкими лучами света. Лицо дон Хуана выглядело так, как будто кто-то блестел крошечными зеркалами на него; когда свет стал более интенсивным, лицо потеряло свои контуры и снова стало аморфным светящимся предметом. Я воспринимал еще раз эффект пульсирующих вспышек света, исходящих из области, где должен быть его левый глаз. Я не сосредоточил свое внимание на нем, но умышленно пристально смотрел на соседнюю область, которая, как я предполагал, была его правым глазом. Я поймал сразу вид ясной, прозрачной заводи света. Это был жидкий свет.

Я заметил, что ощущение было больше, чем наблюдение; это было чувство. Лужа темного, жидкого света имела чрезвычайную глубину. Она была «дружественной», «доброй». Свет, который излучался из нее, не взрывался, но кружился медленно внутренне, создавая прелестные отблески. Свечение способом, который давал мне ощущение прелести.

Я видел симметричный круг сверкающих всплесков света, который расширялся ритмически в вертикальной плоскости светящегося пространства. Круг расширялся, чтобы закрыть почти всю светящуюся поверхность, а затем сокращался до точки света в середине сверкающей лужи. Я видел расширение и сокращение круга несколько раз. Затем я умышленно перевел глаза, не теряя пристального взгляда, и смог видеть оба глаза. Я различал ритм обоих видов световых вспышек. Левый глаз испускал всплески света, которые действительно выдавались из вертикального плана, в то время, как правый глаз испускал всплески, которые не выдавались. Ритм обоих глаз был переменным: свет левого глаза вспыхивал наружу, в то время, как излучающиеся световые лучи правого глаза собирались и кружились внутри. Затем свет правого глаза расширился, чтобы закрыть всю светящуюся поверхность, в то время, как вспыхивающий свет левого глаза отступил.

Дон Хуан должен был повернуть меня еще раз, и я снова смотрел на вспаханное поле. Я слышал, что он говорил мне наблюдать за человеком.

Человек стоял у камня и смотрел на меня. Я не мог различить черты его лица — его шляпа закрывала большую часть его лица. Через момент он подsunул свою сумку под правую руку и начал идти вправо от меня. Он дошел почти до конца вспаханной площади, изменил направление и сделал несколько шагов к оврагу. Затем я потерял контроль над своим сосредоточением, и он исчез и, поэтому, остался только пейзаж. Изображение пустынных кустов наложилось на него.

Я не помню ни того, как я вернулся к дому дона Хуана, ни того, что он делал со мной, чтобы «привести меня назад». Когда я проснулся, я лежал на моем соломенном мате в комнате дона Хуана. Он подошел ко мне и помог мне встать. У меня кружилась голова; желудок был расстроен. Дон Хуан очень быстро и умело отвел меня к кустам в стороне от его дома. Меня стошнило, и он рассмеялся.

Потом я почувствовал себя лучше. Я посмотрел на свои часы: было одиннадцать часов пополудни. Я вернулся спать до часа следующего дня, как я думал, и был снова самим собой.

Дон Хуан продолжал спрашивать меня, как я себя чувствовал. У меня было ощущение рассеянности. Я не мог действительно сконцентрироваться. Я ходил вокруг дома некоторое время под внимательным надзором дона Хуана. Он следовал за мной. Я чувствовал, что ничего не мог делать, и снова уснул. Я проснулся поздно после полудня и чувствовал себя намного лучше. Я обнаружил много раздавленных листьев вокруг себя. В действительности, когда я проснулся, я лежал на животе на куче листьев. Их запах был очень сильным. Я вспомнил, что стал сознать запах до еще до того, как полностью проснулся.

Я вышел за дом и обнаружил дона Хуана, сидевшего у оросительной канавы. Когда он увидел меня приближающимся, он неистово замахал мне остановиться и вернуться в дом.

— Беги внутрь! — крикнул он.

Я вбежал в дом, и он присоединился ко мне через некоторое время.

— Никогда не ищи меня, — сказал он. — Если ты хочешь видеть меня, то жди меня здесь.

Я извинился. Он сказал, чтобы я не изнурял себя в глупых извинениях, которые не имели силы, чтобы аннулировать мои действия. Он сказал, что ему было очень трудно привести меня назад и что он ходатайствовал за меня перед водой.

— Мы должны взять шанс теперь и вымыть тебя в воде, — сказал он. Очень красиво и нежно касалось меня, успокаивало меня. Я заверил его, что чувствовал себя превосходно. Он долгое время пристально смотрел мне в глаза.

— Пойдем со мной, — сказал он. — я собираюсь окунуть тебя в воду.

— Я здоров, — сказал я. — смотри, я пишу заметки.

Он оторвал меня от циновки со значительной силой.

— Не потакай себе! — сказал он. — моментально ты вовсе уснешь опять. Может быть, я не смогу разбудить тебя на этот раз.

Он потащил меня за дом. Перед тем, как мы достигли воды, он велел мне очень драматическим тоном плотно закрыть глаза и не открывать их, пока он не скажет мне. Он сказал мне, что, если я пристально посмотрю на воду даже на мгновение, я могу умереть. Он вел меня за руку, а затем толкнул меня в оросительную канаву головой вперед.

Я держал свои глаза закрытыми, когда он продолжал погружать и вытаскивать меня из воды в течение часов. Изменение, которое я испытал, было замечательным. Все, что было неправильным со мной до того, как я вошел в воду, было таким неуловимым, что я действительно не замечал этого, пока не сравнил это с чувством благополучия и живости, которое было у меня, когда дон Хуан держал меня в оросительной канаве.

Вода попала мне в нос, и я начал чихать. Дон Хуан вытащил меня и повел меня, все еще с закрытыми глазами, в дом. Он велел мне сменить одежду, а затем провел меня в свою комнату, посадил на мой мат, расположил направление моего тела и затем сказал мне открыть глаза. Я открыл их, и то, что я увидел, заставило меня отпрыгнуть и схватиться за его ногу. Я пережил чрезвычайно конфузный момент. Дон Хуан слегка постучал меня своими пальцами по макушке моей головы. Это был быстрый удар, который не был сильным или болезненным, но почему-то шокирующим.

— Что с тобой? Что ты увидел? — спросил он.

При открытых глазах я видел ту же самую сцену, которую я наблюдал прежде. Я видел того же человека. На этот раз, однако, он почти касался меня. Я видел его лицо. Оно было хорошо знакомо мне. Я почти знал, кто он был. Сцена пропала, когда дон Хуан стукнул меня по голове. Я поднял глаза на дона Хуана. Он был готов стукнуть меня снова. Он засмеялся и спросил, хочется ли мне получить удар еще. Я оторвался от его ноги и расслабился на циновке. Он приказал мне посмотреть прямо вперед и не поворачиваться ни по какой причине в направлении воды позади его дома.

Тогда я в первый раз заметил, что в комнате было очень темно. Некоторое время я не был уверен, что мои глаза были открыты. Я потрогал их своими руками и убедился. Я громко позвал дон Хуана и сказал ему, что с моими глазами что-то не то; я совсем не мог видеть, хотя перед этим я видел его, готовым ударить меня. Я услышал его смех над моей головой справа, а затем он зажег свою керосиновую лампу. Мои глаза привыкли к свету через несколько секунд. Все было как обычно: плетеные и оштукатуренные стены его комнаты и необычно искривленные сушеные лекарственные корни, развешенные на них; связки трав; тростниковая крыша; керосиновая лампа, прикрепленная на балке. Я видел комнату сотни раз, однако, в этот раз я почувствовал, что там было что-то необычайное в ней и во мне. В первый раз я не верил в окончательную «реальность» моего восприятия. Я был острым к этому чувству и, возможно, интеллектуализировал им в разное время, но когда я не был на краю серьезного сомнения. На этот раз, однако, я не верил, что комната была «реальной», и некоторое время у меня было странное ощущение, что это было сценой, которая пропадет, если дон Хуан стукнет по макушке моей головы своими пальцами.

Я начал дрожать, хотя не было холодно. Нервные спазмы пробежали по моей спине. В голове почувствовалась тяжесть, особенно в области справа над шеей.

Я объяснил, что я не чувствовал себя хорошо, и сказал ему, что я вижу. Он рассмеялся на это, сказав, что уступать испугу было жалким потаканием себе.

— Ты пугаешься, не будучи испуганным, — сказал он. — Ты видел олли, пристально смотревшего на тебя, большое дело. Жди, пока ты имеешь его лицом к лицу, прежде чем наложить в свои штаны.

Он велел мне встать и идти к моей машине, не поворачиваясь в направлении воды, и ждать его, пока он возьмет веревку и лопату. Он велел мне ехать к месту, где мы нашли пень дерева. Мы продолжали выкапывать его в темноте. Я ужасно трудно работал в течение часов. Мы не достали пень, но я почувствовал себя много лучше. Мы вернулись к его дому, поели, и вещи стали снова совершенно «реальными» и банальными.

— Что происходило со мной? — спросил я. — Что я делал вчера?

— Ты курил меня, а затем ты курил олли, — сказал он.

— Извини?

Дон Хуан рассмеялся и сказал, что теперь я собираюсь потребовать, чтобы он начал рассказывать мне все с самого начала.

— Ты курил меня, — повторил он. — Ты пристально смотрел в мое лицо, в мои глаза. Ты видел огни, которые характеризуют лицо человека. Я — маг, ты видел это в моих глазах. Ты, однако, не знал этого, потому что ты делал это в первый раз. Глаза людей не являются все одинаковыми. Ты скоро узнаешь это. Затем ты курил олли.

— Ты имеешь в виду человека в поле?

— Это был не человек, это был олли, делавший тебе знак.

— Где мы ходили? Где мы были, когда я видел этого человека, я имею в виду этого олли?

Дон Хуан сделал жест своим подбородком, указав на пространство перед его домом, и сказал, что он брал меня на вершину небольшого холма. Я сказал, что сцена, которую я наблюдал, не имела никакого отношения к пустынному чаппаралю вокруг его дома, и он ответил, что олли, который «делал знак» мне, не был из окрестности.

— Откуда он?

— Я возьму тебя туда очень скоро.

— В чем смысл того, что я видел?

— Ты учился «видеть», это было все; но теперь ты собираешься потерять свои штаны, потому что ты потакаешь себе; ты покинул себя ради своего испуга. Может быть, ты опишешь все, что ты видел?

Когда я начал описывать, каким образом его лицо показалось мне, он заставил меня остановиться и сказал, что все это не было важным. Я сказал ему, что почти «видел» его как «светящееся яйцо». Он сказал, что «почти» было недостаточно и что «виденье» потребует от меня много времени и работы.

Он интересовался сценой вспаханного поля и каждой деталью, которую я мог вспомнить о человеке.

— Этот олли делал тебе знак, — сказал он. — Я двигал твою голову, когда он шел к тебе, не потому, что он подвергал тебя опасности, но потому, что лучше ждать. Ты не торопишься. Воин никогда не бездельничает и никогда не торопится. Встретиться с олли, не будучи подготовленным, подобно встрече нападающего льва своим пуканьем.

Мне понравилась метафора. Мы с наслаждением рассмеялись.

— Что случилось бы, если бы ты не отвел мою голову?

— Ты должен был бы передвинуть свою голову сам.

— А если нет?

— Олли подошел бы к тебе и до смерти напугал бы тебя. Если бы ты был один, он мог бы убить тебя. Неблагоразумно тебе быть одному в горах или пустыне, пока ты не можешь защитить себя. Олли может схватить тебя одного там и сделать из тебя котлету.

— Каково значение действий, которые он выполнял?

— Смотря на тебя, он имел в виду, что он приветствует тебя. Он показывал тебе, что тебе нужен ловитель духов и сумка, но не из этого района; его сумка была из другой части страны. Ты имеешь три камня преткновения на своем пути, которые заставляют тебя останавливаться, — те валуны. И ты определенно собираешься приобрести свои лучшие силы в водных каньонах и оврагах; олли указал овраг тебе. Остальная сцена означала: помочь тебе определить точное место, чтобы найти его. Я знаю теперь, где это место. Я возьму тебя туда очень скоро.

— Ты имеешь в виду, что пейзаж, который я видел, действительно существует?

— Конечно.

— Где?

— Я не могу сказать тебе это также, и не потому, что я не хочу, но потому, что я просто не знаю, как сказать тебе.

Я хотел знать значение вида той же самой сцены, когда я был в его комнате. Дон Хуан рассмеялся и изобразил меня, как я держался за его ногу.

— Это было новым подтверждением, что олли желает тебя, — сказал он. — Он обеспечивал, чтобы ты и я знали, что он приветствовал тебя.

— Что за лицо я видел?

— Оно знакомо тебе потому, что ты знаешь его. Ты видел его прежде. Может быть, это лицо твоей смерти. Ты испугался, но это была твоя небрежность. Он ждал тебя, и ты, когда он неожиданно появился, поддался испугу. К счастью, я был здесь, чтобы стукнуть тебя иначе он обернулся бы против тебя, что было бы только правильно. Чтобы встретиться с олли, человек должен быть безупречным воином, иначе олли может обернуться против него и уничтожить его.

Дон Хуан посоветовал мне возвращаться в лос-анжелес на следующее утро. Очевидно, он думал, что я еще не вполне оправился. Он настоял, чтобы я сел в его комнате лицом на юго-восток, для того, чтобы сохранить свою силу. Он сел слева от меня, вручил мне мою записную книжку и сказал, что на этот раз я связал его: он не только должен был оставаться со мной, он также должен был рассказывать мне.

— Я должен взять тебя к воде снова в сумерках, — сказал он. — ты еще не тверд и не должен быть один сегодня. Я составлю тебе компанию на все утро; после обеда ты будешь в лучшей форме.

Его отношение заставило меня почувствовать себя очень тревожно.

— Что неправильно со мной? — просил я.

— Ты постучался к олли.

— Что ты имеешь в виду под этим?

— Мы не должны говорить об олли сегодня. Поговорим о чем-нибудь еще.

В действительности, я не хотел говорить совсем. Я начал чувствовать себя тревожно и беспокойно. Дон Хуан, очевидно, нашел ситуацию крайне смешной; он рассмеялся до слез.

— Не говори мне, что в то же время, когда ты заговоришь, ты не собираешься находить ничего, что сказать, — сказал он, и его глаза заблестели озорным блеском.

Его настроение очень успокаивало меня.

Был только один предмет, который интересовал меня в этот момент: олли. Его лицо было таким знакомым; но оно не было, как будто я знал его или как будто я видел его прежде. Это было что-то еще. Всякий раз, когда я начинал думать о его лице, мой ум переживал бомбардировку других мыслей, как будто какая-то часть меня знала тайну, но не позволяла остальному во мне подойти к ней. Ощущение лица олли, которое было знакомым, было таким жутким, что привело меня в состояние ужасной меланхолии. Дон Хуан сказал, что это могло быть лицо моей смерти. Я думаю, что это утверждение окончательно прибило меня. Я хотел в отчаянии спросить его об этом, но у меня было ясное ощущение, что дон Хуан сдерживал меня. Я сделал пару глубоких вдохов и выпалил вопрос:

— Что является смертью, дон Хуан?

— Я не знаю, — сказал он, улыбаясь.

— Я имел в виду, как бы ты описал смерть? Я хочу знать твое мнение. Я думаю, что каждый имеет определенное мнение о смерти.

— Я не знаю, о чем ты говоришь.

Я имел «тибетскую книгу мертвых» у себя в машине. Мне случилось использовать ее в качестве темы для разговора, так как она имела дело со смертью. Я сказал, что собираюсь

прочитать ее ему, и начал вставать. Дон Хуан заставил меня сесть и вышел и принес книгу сам.

— Утро — плохое время для магов, — сказал он, объясняя мне то, что я остался сидеть. — ты еще слаб, чтобы выходить из моей комнаты. Здесь внутри ты защищен. Если ты выйдешь отсюда теперь, есть шанс, что ты найдешь ужасное несчастье. Олли может убить тебя по дороге или в кустах, а позже, когда они найдут твоё тело, они скажут, что ты или таинственно умер, или произошел несчастный случай.

Я не был в должном состоянии или настроении, чтобы спрашивать его решений, поэтому я сидел все утро почти, читая и объясняя ему некоторые части книги. Он внимательно слушал и совсем не перебивал меня. Дважды я останавливался на короткое время, когда он приносил воду или еду, но как только он снова освобождался, он побуждал меня продолжать чтение. Он, казалось, был очень заинтересован.

Когда я кончил, он посмотрел на меня.

— Я не понимаю, почему те люди говорят о смерти, как будто смерть подобна жизни, — сказал он мягко.

— Может быть, это способ, каким они понимают ее. Как ты думаешь, тибетцы «видят»?

— Едва ли. Когда человек научился «видеть», то нет ни одной вещи, которую он знает, которая существует. Нет ни одной. Если б тибетцы могли «видеть», они могли бы сразу же сказать, что ни одна вещь не является вообще больше той же самой. Стоит нам «увидеть» — и ничто не является известным, ничто не остается таким, каким мы привыкли знать это, когда мы не «видели».

— Может быть, дон Хуан, «виденье» не одинаково для каждого?

— Верно. Оно не то же самое. Однако, это не означает, что смыслы жизни существуют. Когда человек научился «видеть», ни одна вещь не является той же самой.

— Тибетцы, очевидно, думают, что смерть подобна жизни. Что думаешь ты сам, чему подобна смерть? — спросил я.

— Я не думаю, что смерть подобна чему-нибудь, и я думаю, что тибетцы, должно быть, говорили о чем-нибудь еще. Во всяком случае, то, о чем они говорят, — это не смерть.

— Как ты думаешь, о чем они говорят?

— Может быть, ты можешь сказать мне это? Только ты читаешь.

Я пытался сказать что-нибудь еще, но он засмеялся.

— Может быть, тибетцы действительно «видят», — продолжал дон Хуан, — и в таком случае они должны были понять, что в том, что они «видят», вовсе нет смысла, и они написали эту кучу чепухи потому, что это не имеет никакой разницы для них; в таком случае, то, что они написали, — вовсе не чепуха.

— Я действительно не забочусь о том, что тибетцы намеревались сказать, — сказал я, — но я несомненно забочусь о том, что говоришь ты. Я хочу услышать, что ты думаешь о смерти.

Он пристально смотрел на меня мгновение, а затем захихикал. Он раскрыл свои глаза и поднял брови в комическом удивлении.

— Смерть — это кольцо листьев, — сказал он. — Смерть — это лицо олли; смерть — это блестящее облако над горизонтом; смерть — это шепот мескаито в твои уши; смерть — это беззубый рот стража; смерть — это Хенаро, стоящий на своей голове; смерть — это мой разговор; смерть — это ты и твой блокнот; смерть — это пустяки, мелочи! Она здесь, и, все же, она совсем не здесь.

Дон Хуан рассмеялся с большим наслаждением. Его смех был подобен пению, это был вид танцевального ритма.

— Я говорю бессмыслицу? — сказал дон Хуан. — я не могу сказать тебе, на что похожа смерть. Но, возможно, я могу сказать тебе о твоей собственной смерти. Нет способа узнать, чему она будет подобна в действительности; однако, я могу сказать тебе, на что она может быть похожа.

Я испугался этому и возразил, что я хотел только знать, на что смерть ему казалась похожей; я подчеркнул, что интересовался его мнением о смерти в обычном смысле, но не стремился знать о подробностях чьей-нибудь личной смерти, особенно моей собственной.

— Я не могу говорить о смерти без личных терминов, — сказал он. — Ты хотел, чтобы я рассказал тебе о смерти. Хорошо! Тогда не бойся услышать о своей собственной смерти.

Я признался, что я был слишком нервным, чтобы говорить об этом. Я сказал, что я хотел поговорить о смерти в обычных выражениях, в которых он говорил сам, когда рассказывал мне однажды о смерти своего сына евлалио, говоря, что жизнь и смерть смешиваются подобно туману в кристаллах.

— Я говорил, что жизнь моего сына расширилась во время его личной смерти, — сказал он. — Я не говорил о смерти вообще, но о смерти моего сына. Смерть, чем бы она ни была, заставила его жизнь расшириться.

Я определенно хотел направить разговор вне области подробностей и упомянул, что я прочитал мнения людей, которые были мертвыми несколько минут и оживлены благодаря медицинской технике. Во всех случаях люди утверждали, что не могли припомнить ничего вообще; что умирание было просто ощущением затемнения сознания.

— Это вполне понятно, — сказал он. — Смерть имеет две стадии. Первая — это затемнение. Это бессмысленная стадия, очень похожая на первое действие мескалито, в которой переживается легкость, заставляющая чувствовать счастье, полное, и то, что все в мире спокойно. Но это только поверхностное состояние; оно вскоре исчезает, и человек входит в новую область, область жестокости и силы. Эта вторая стадия является действительной встречей с мескалито. Смерть очень сильно походит на это. Первая стадия является поверхностным затемнением сознания. Вторая, однако, — это действительно стадия, где каждый встречается со смертью; это недолгий момент, после первого затемнения, когда мы находим, что мы являемся, как-то, снова сами собой. И тогда смерть разбивает нас со спокойной яростью, пока она не растворяет нашу жизнь в ничто.

— Как ты можешь быть уверен, что говоришь о смерти?

— Я имею своего олли. Дымок показал мне безошибочно мою смерть с большой ясностью. Вот почему я могу говорить только о личной смерти.

Слова дона Хуана вызвали во мне глубокое опасение и драматическую двойственность. У меня было чувство, что он собирался описать неприкрытые, банальные детали моей смерти и сказать мне, как или когда я должен умереть. Простая мысль узнать это вызвала во мне отчаяние и в то же время возбудила мое любопытство. Конечно, я мог спросить его описать его собственную смерть, но я чувствовал, что такая просьба была бы несколько грубой, и я автоматически исключил ее.

Дон Хуан, казалось, наслаждался моим конфликтом. Его тело содрогалось от смеха.

— Хочешь ли ты знать, на что может быть похожа твоя смерть? — спросил он меня с невинным удовольствием на лице.

Я нашел его озорное удовольствие в поддразнивании меня несколько успокаивающим. Оно почти подстрекало мое опасение.

— Хорошо, скажи мне, — сказал я, и мой голос дрогнул.

Последовал внушительный взрыв смеха. Он держался за живот, повернулся на бок и, передразнивая, повторял «хорошо, скажи мне» ломающимся голосом. Затем он выпрямился и сел, напустив на себя притворную стороговость, и с дрожью в голосе сказал:

— Вторая стадия твоей смерти может, самое лучшее, быть следующей.

Его глаза изучали меня с явно искренним любопытством. Я засмеялся. Я понял, что его вышучивание было только средством, которое могло притупить остроту мысли о собственной смерти.

— Ты сильно гонишь, — продолжал он говорить, — поэтому ты можешь найти себя, в данный момент, снова за рулем. Это будет очень короткое ощущение, которое не даст тебе времени думать. Неожиданно, скажем, ты обнаружишь себя едущим, как ты делал тысячи раз. Но прежде, чем ты сможешь удивиться себе, ты замечаешь необычное образование перед ветровым стеклом. Если ты посмотришь ближе, ты поймешь, что это облако, которое выглядит подобно блестящему кольцу листьев. Оно походит, скажем, на лицо прямо посреди неба перед тобой. Когда ты наблюдаешь его, ты увидишь, что оно движется назад, пока не становится только сверкающей точкой на расстоянии, а затем ты заметишь, что оно начало двигаться к тебе снова; оно приобретает скорость и в мгновение ока вдребезги разбивает стекло твоей машины. Ты сильный, и я уверен, что смерти потребуется два удара, чтобы добраться до тебя.

К тому времени ты узнаешь, где ты и что случилось с тобой; лицо отступит снова до горизонта, наберет скорость и сокрушит тебя. Лицо войдет внутрь тебя, и тогда ты узнаешь — оно было лицом олли, или оно было мной говорящим, или тобой пишущим. Смерть была пустяком все время. Мелочью. Она была крошечной точкой, затерявшейся на листах твоего блокнота. И все же, она вошла внутрь тебя с неудержимой силой и заставила тебя расшириться; она заставит тебя сделаться ровным и распространиться по небу и земле и за ними. И ты будешь подобен туману в мельчайших кристаллах, движущихся, удаляющихся.

Меня очень захватило описание моей смерти. Я ожидал услышать нечто такое отличное. Я не мог говорить ничего долгое время.

— Смерть входит через живот, — продолжал он. — Прямо через окно воли. Это место является наиболее важной и чувствительной частью человека. Это область воли и также область, через которую все мы умираем. Я знаю это, потому что мой олли приводил меня к

этой стадии. Маг приспособливает свою волю, позволяя своей смерти овладеть им, а когда он становится плоским и начинает расширяться, его непогрешимая воля берет верх и собирает туман в другого человека снова.

Дон Хуан сделал странный жест. Он раскрыл свои руки подобно двум веерам, поднял их на уровень своих локтей, повернул их, пока его большие пальцы не коснулись боков, а затем перенес их медленно вместе к центру тела над своим пупком. Он держал их там некоторое время. Его руки дрожали от напряжения. Затем он поднял их и кончиками средних пальцев коснулся лба, а затем опустил их в то же положение к центру своего тела.

Это был страшный жест. Дон Хуан выполнил его с такой силой и красотой, что я был очарован.

— Это маг собирает свою волю, — сказал он, — но когда старость делает его слабым, его воля слабеет и приходит неизбежный момент, когда он не может больше управлять своей волей. Тогда он не имеет ничего, чтобы противиться безмолвной силе его смерти, и его жизнь становится подобна жизни всех окружающих его людей, — расширяющимся туманом, движущимся за его пределы.

Дон Хуан пристально посмотрел на меня и остановился. Он дрожал.

— Ты можешь идти к кустам теперь, — сказал он. — уже послеполуденное время.

Мне нужно было идти, но я не отваживался. Я чувствовал себя, возможно, скорее нервно, чем испуганно. Однако, у меня не было больше мрачного предчувствия об олли.

Дон Хуан сказал, что это не имело значения, как я чувствую себя, если я был «тверд». Он заверил меня, что я был в полной форме и мог безопасно идти в кусты, пока я не приближался к воде.

— Это другое дело, — сказал он. — Мне нужно искупать тебя еще раз, поэтому держись подальше от воды.

Позднее он пожелал, чтобы я отвез его в соседний город. Я упомянул, что поездка будет приятной переменой для меня, потому что я был все еще слаб; мысль, что маг действительно играл со своей смертью, была совершенно ужасной для меня.

— Быть магом — это ужасный груз, — сказал он убежденным тоном. — Я говорил тебе, что намного лучше научиться «видеть». Человек, который «видит», — это все; в сравнении с ним маг — это бедный человек.

— Что такое магия, дон Хуан?

Он смотрел на меня долгое время и почти незаметно потряс головой.

— Магия — это значит приложить свою волю к ключевому звену, — сказал он. — магия — это вмешательство. Маг ищет и находит ключевое звено во всем, на что он хочет воздействовать, и затем он прилагает туда свою волю. Магу не надо «видеть», чтобы быть магом. Все, что ему надо знать, — это как пользоваться своей волей.

Я попросил его объяснить, что он имеет в виду под ключевым звеном. Он задумался на мгновение, а затем сказал, что он знал, чем была моя машина.

— Это явно машина, — сказал я.

— Я имею в виду, что твоя машина — это запальные свечи. Это ключевое звено для меня. Я могу приложить к нему мою волю, и твоя машина не будет работать.

Дон Хуан сел в мою машину. Он показал мне сделать так же, как он сам, и удобно сесть.

— Наблюдай за тем, что я делаю, — сказал он. — Я — ворона, поэтому, в первую очередь я распушу свои перья.

Он задрожал всем своим телом. Его движения напомнили мне воробья, смачивающего свои перья в луже. Он опустил свою голову, подобно птице, макающей свой клюв в воду.

— Это действительно хорошо чувствуется, — сказал он и засмеялся.

Его смех был странным. Он имел очень необычное гипнотическое воздействие на меня. Я вспомнил, что слышал такой же его смех много раз прежде. Возможно, что причиной, почему я никогда открыто не сознавал его, было то, что он никогда не смеялся подобно этому в моем присутствии.

— Затем ворона расслабляет свою шею, — сказал он и начал крутить своей шеей и тереться щеками о свои плечи. — Затем она смотрит на мир одним глазом, а потом другим.

Его голова встряхивалась, когда он утвердительно перекладывал свой взгляд на мир с одного глаза на другой. Звук его смеха повысился. У меня было нелепое чувство, что он собирается превратиться в ворону прямо на моих глазах. Я хотел отделаться смехом, но я был почти парализован. Я действительно чувствовал какую-то охватывающую силу вокруг меня. Я не чувствовал ни страха, ни головокружения, ни сонливости. Мои способности не были затронуты, по моему мнению.

— Заводи свою машину теперь, — сказал дон Хуан.

Я включил стартер и автоматически нажал на педаль газа. Стартер завращался, но зажигания мотора не было. Дон Хуан засмеялся тихим, ритмичным хихиканьем. Я

попробовал включить снова: было то же снова. Я потратил, возможно, десять минут, вращая стартер моей машины. Дон Хуан хихикал все это время. Тогда я отказался и сидел там с тяжелой головой.

Он кончил смеяться и рассматривал меня, и я «знал» тогда, что его смех вводил меня в гипнотический транс. Хотя я вполне сознавал то, что происходило, я чувствовал, что я не был самим собой. В течение времени, когда я не мог завести свою машину, я был очень послушным, почти онемел. Дон Хуан как будто сделал что-то не только с моей машиной, но и со мной тоже. Когда он кончил хихикать, я был убежден, что колдовство кончилось, и стремительно нажал на стартер снова. Я был уверен, что дон Хуан только гипнотизировал меня своим смехом и заставлял меня поверить, что я не мог завести машину. Уголкем глаза я видел, что он с любопытством наблюдал за мной, когда я включал мотор и неистово накачивал газ.

Дон Хуан мягко похлопал меня и сказал, что неистовство сделает меня «твердым» и, возможно, мне не нужно будет купаться в воде снова. Чем более неистовым я буду, тем скорее я смогу оправиться от моей встречи с олли.

— Не смущайся, — сказал дон Хуан. — Дави ногой машину.

Он разразился естественным обычным смехом, и я почувствовал себя смешно и глуповато засмеялся.

Через некоторое время дон Хуан сказал, что он освободил машину. И она завелась!

14

28 сентября 1969 года.

Вокруг дома дон Хуана было что-то жуткое. В этот момент я думал, что он спрятался где-то поблизости и наблюдал за мной. Я покричал ему, а затем собрал достаточно мужества, чтобы войти внутрь. Дона Хуана там не было. Я поставил две сумки бакалейных товаров, которые я привез, на кучу дров и сел дожидаться его, как делал много раз раньше. Но в первый раз за все годы моей связи с доном Хуаном я испугался оставаться один в его доме. Я чувствовал присутствие кого-то невидимого здесь со мной. Тогда я вспомнил, что несколько лет назад у меня было то же самое неясное чувство, что что-то неизвестное бродило вокруг меня, когда я был один. Я вскочил и выбежал из дома.

Я приехал, чтобы увидеть дон Хуана и рассказать ему, что накопленные эффекты задачи «виденья» наложили свою дань на меня. Я начал чувствовать беспокойство, неясно воспринимаемое без какой-либо очевидной причины, усталость, не будучи утомленным. Затем моя реакция на присутствие одному в доме дон Хуана вызвала во мне общую память о том, как строился мой страх в прошлом.

Страх перенес меня на несколько лет назад, когда дон Хуан навязал мне очень необычное сравнение между женщиной-магом, которую он называл «ла Каталина», и мной. Это началось 23 ноября 1961 года, когда я нашел его в доме с вывихнутой лодыжкой. Он объяснил, что у него был враг — ведьма, которая могла обернуться черным дроздом и которая пыталась убить его.

— Как только я смогу ходить, я покажу тебе, кто эта женщина, — сказал дон Хуан. — Ты должен знать, кто она есть.

— Почему она хочет убить тебя?

Он нетерпеливо пожал плечами и отказался отвечать что-нибудь еще.

Я вернулся увидеть его десять дней спустя и нашел его совершенно здоровым. Он покрутил своей лодыжкой, чтобы продемонстрировать мне, что она в прекрасном состоянии, и приписал свое быстрое выздоровление природе гипсовой повязки, которую он сам сделал.

— Хорошо, что ты здесь, — сказал он. — Сегодня я собираюсь взять тебя в небольшое путешествие.

Затем он направил меня ехать в безлюдное место. Мы остановились там; дон Хуан вытянул свои ноги и удобно устроился на виденье, как будто собираясь вздремнуть. Он велел мне расслабиться и оставаться совершенно спокойным; он сказал, что мы должны быть как можно незаметнее до наступления сумерек, потому что поздний вечер был очень опасным временем для дела, которым мы занимаемся.

— Каким делом мы занимаемся? — спросил я.

— Мы здесь для того, чтобы отметить ла Каталину, — сказал он.

Когда стало значительно темно, мы незаметно, мы незаметно вышли из машины и очень медленно и бесшумно вошли в пустынный чаппараль.

С места, где мы остановились, я мог разглядеть темные силуэты холмов по обеим сторонам. Мы были в плоском, красивом, широком каньоне. Дон Хуан дал мне подробную инструкцию о том, как оставаться слитым с чаппаралем, и научил меня способу сидеть «в бодрствовании», как он называл это. Он велел мне подогнуть мою правую ногу под мое

левое бедро и сохранять мою левую ногу в сложенном положении. Он объяснил, что подогнутая нога использовалась в качестве пружины для того, чтобы встать с большой скоростью, если это будет необходимо. Затем он велел мне сидеть лицом на запад, потому что это было направление дома женщины. Он сел рядом со мной, справа, и шепотом сказал мне держать мои глаза сфокусированными на землю, ища, или, скорее, ожидая волну ветра, которая произведет волнение в кустах. Когда волнение коснется кустов, на которые я фокусировал мой пристальный взгляд, я должен был взглянуть вверх и увидеть колдунью во всем ее «великолепном зловещем блеске». Дон Хуан действительно использовал эти слова. Когда я попросил его объяснить, что он имеет в виду, он сказал, что, если я обнаружу волнение в кустах, я просто должен посмотреть вверх и увидеть сам, потому что «колдунья в полете» имела такой необыкновенный вид, что это не поддавалось объяснениям.

Дул чистый спокойный ветер, и я думал, что я обнаружил волнение в кустах много раз. Я поднимал глаза каждый раз, готовясь к трансцендентальному переживанию, но я ничего не видел. Каждый раз, когда ветер раздувал кусты, дон Хуан энергично ударял ногой по земле, поворачиваясь кругом и двигая руками, как будто они били. Сила его движений была чрезвычайной.

После нескольких неудач увидеть колдунью «в полете» я уверился, что не буду свидетелем никакого трансцендентального события, однако, дон Хуан показывал «силу» так остро, что я не помнил, как провел ночь.

На рассвете дон Хуан подсел ко мне. Он, казалось, был совершенно изнурен. Он едва мог двигаться. Он лег на спину и пробормотал, что ему не удалось «пронзить женщину». Я был сильно заинтригован этим заявлением; он повторил его несколько раз, и каждый раз его тон становился все более унылым, более отчаянным. Я начал переживать необычное беспокойство. Мне было очень легко проецировать мои чувства на настроение дон Хуана.

Дон Хуан ничего не упоминал об этом случае или о женщине несколько месяцев. Я думал, что он или забыл или решил все дело. Однако, однажды я нашел его в очень взволнованном настроении, и в манере, которая была совершенно несвойственна его естественному спокойствию, он сказал мне, что «черный дрозд» сидел перед ним предыдущей ночью, и что он даже не заснул. Искусство женщины было таким большим, что он совсем не чувствовал ее присутствия. Он сказал, что, к счастью, он проснулся в определенный момент, чтобы подготовиться к самому ужасному бою за свою жизнь. Тон дон Хуана был взволнованный, почти патетический. Я почувствовал непреодолимую волну жалости и беспокойства.

В мрачном и драматическом тоне он вновь подтвердил, что у него не было способа остановить ее и что в следующий раз, когда она придет к нему, это будет его последний день на земле. Я стал унылым и был едва не в слезах. Дон Хуан, казалось, заметил мое глубокое беспокойство и засмеялся, как я подумал, храбро. Он похлопал меня по спине и сказал, чтобы я не терзался, что он еще не вполне потерян, потому что имел одну последнюю карту, козырную карту.

— Воин живет стратегически, — сказал он, улыбаясь. — Воин никогда не берется за груз, который он не может удержать в руках.

Улыбка дон Хуана имела силу разогнать зловещие тучи судьбы. Я внезапно почувствовал приподнятое настроение, и мы оба засмеялись. Он похлопал меня по голове.

— Ты знаешь, из всех вещей на земле, ты — это моя последняя карта, — сказал он отрывисто, взглянув мне прямо в глаза.

— Что?

— Ты являешься моей козырной картой в моем бою против этой ведьмы.

Я не понял, что он имеет в виду, и он объяснил, что женщина не знала меня и что, если я сыграю своей рукой так, как он укажет мне, у меня будет более, чем хороший, шанс «пронзить ее».

— Что ты имеешь в виду под этим «пронзить ее»?

— Ты не можешь убить ее, но ты должен пронзить ее, как воздушный шар. Если ты сделаешь это, она оставит меня одного. Но не думай об этом теперь. Я скажу тебе, что делать, когда придет время.

Прошли месяцы. Я забыл случай и был удивлен, когда я прибыл однажды в его дом: дон Хуан выбежал и не дал мне выйти из машины.

— Ты должен уехать немедленно, — прошептал он со страшной безотлагательностью. — Слушай внимательно. Купи ружье, или достань его любым возможным путем; не приноси мне свое собственное ружье, ты понимаешь? Принеси любое ружье, за исключением своего собственного, и принеси его сюда немедленно.

— Зачем тебе ружье?

— Отправляйся сейчас же!

Я вернулся с ружьем. У меня не было достаточно денег, чтобы купить его, но мой друг дал мне свое старое ружье. Дон Хуан не посмотрел на него; он объяснил, смеясь, что он был резок со мной, потому что черный дрозд был на крыше его дома и он не хотел, чтобы она видела меня.

— Обнаружив черного дрозда на крыше, у меня возникла мысль, что ты мог принести ружье и пронзить ее из него, — сказал дон Хуан выразительно. — Я не хочу, чтобы с тобой что-нибудь случилось, поэтому я посоветовал, чтобы ты купил ружье или достал его каким-нибудь другим путем. Видишь ли, ты должен уничтожить ружье после выполнения задачи.

— О какой задаче ты говоришь?

— Ты должен попытаться пронзить женщину из своего ружья.

Он заставил меня начистить ружье, натерев его свежими листьями и стеблями особо пахнущего растения. Он сам протер оба патрона и вложил их в стволы. Затем он сказал, что я должен спрятаться за его домом и ждать до тех пор, пока черный дрозд не сядет на крышу, и затем, тщательно прицелившись, я должен был выпалить из обеих стволов. Эффект удивления, больше, чем дробь, пронзит женщину, и, если я был сильным и решительным, я мог заставить ее оставить его в покое. Таким образом, моя рука должна быть безупречной и таким же — мое решение пронзить ее.

— Ты должен пронзительно закричать в момент выстрела, — сказал он. — Это должен быть убедительный и пронзительный выкрик.

Затем он сложил кучу из пучков бамбука и дров в десяти футах от рамада его дома. Он велел мне опереться на эту кучу. Положение было очень удобным. Я полусидел; моя спина была хорошо подперта, и у меня был хороший обзор крыши.

Он сказал, что ведьме было еще слишком рано появиться и что до темноты мы сможем сделать все приготовления; затем он притворится, что он заперся в доме, для того, чтобы привлечь ее и вызвать еще одно нападение на свою личность. Он велел мне расслабиться и найти удобное положение, чтобы я мог выстрелить без движения. Он заставил меня прицелиться на крышу пару раз и заключил, что действие — поднимание ружья к моему плечу и прицеливание были слишком медленными и нескладными. Затем он построил подпорку для ружья. Он сделал два глубоких отверстия железным брусом, поместил в них две рогульки и привязал длинную жердь между их развилинами. Конструкция давала мне упор для стрельбы и позволяла держать ружье нацеленным на крышу.

Дон Хуан посмотрел на небо и сказал, что ему было время идти в дом. Он встал и медленно и спокойно пошел внутрь, дав мне последнее предостережение, что мое старание не было шуткой и что я должен был поразить птицу с первого выстрела.

После того, как дон Хуан ушел, всего лишь несколько минут были сумерки, а затем стало совершенно темно. Казалось, как будто темнота ждала до тех пор, пока я останусь один, и внезапно спустилась на меня. Я пытался сфокусировать мои глаза на крыше, которая вырисовывалась на фоне неба; на время на горизонте было достаточно света, поэтому очертания крыши были еще видимы, но затем небо стало черным, и я едва мог видеть дом. Я сохранял свои глаза сфокусированными на крыше часы, не замечая совсем ничего. Я видел пару сов, пролетевших к северу; размах их крыльев был совершенно удивительным, и их нельзя было принять за черных дроздов. В определенный момент, однако, я отчетливо заметил черную тень маленькой птицы, севшей на крышу. Это определенно птица! Мое сердце начало сильно стучать; я почувствовал гул в моих ушах. Я прицелился в птицу и спустил оба курка. Раздался очень громкий выстрел. Я почувствовал сильную отдачу ружейного приклада в мое плечо, и в тот же самый момент я услышал очень пронзительный и ужасающий человеческий крик. Он был громкий и жуткий и, казалось, шел с крыши. У меня был момент полного замешательства. Затем я вспомнил, что дон Хуан указывал мне закричать в момент выстрела, а я забыл это сделать. Я подумал перезарядить мое ружье, когда дон Хуан открыл дверь и выбежал. Он держал керосиновую лампу. Он казался очень взволнованным.

— Я думаю, ты попал в нее, — сказал он. — мы должны теперь найти мертвую птицу.

Он принес лестницу и велел мне залезть и посмотреть на рамада, но я ничего не нашел там. Он влез и посмотрел сам, с равно отрицательными результатами.

— Может быть, ты разнес птицу на куски, — сказал дон Хуан, — в таком случае, мы должны найти, по крайней мере, перья.

Сначала мы начали осматривать вокруг рамада, а затем — вокруг дома. Мы осматривали при свете лампы до утра. Затем мы снова начали осматривать всю площадь, которую мы покрыли в течение ночи. Около 11.00 дон Хуан прекратил наши поиски. Он сел удрученный, глуповато улыбнулся мне и сказал, что мне не удалось прикончить его врага и что теперь, более, чем когда-либо прежде, его жизнь не стоила крика совы, потому что женщина была несомненно раздражена и жаждала отомстить.

— Ты в безопасности, однако, — сказал дон Хуан уверенно, — женщина не знает тебя.

Когда я шел к своей машине, чтобы вернуться домой, я спросил его, должен ли я уничтожить ружье. Он сказал, что ружье не сделало ничего и что я мог вернуть его владельцу. Я заметил глубокое отчаяние в глазах дон Хуана. При этом я почувствовал такое волнение, что я собирался заплакать.

— Чем я могу помочь тебе? — спросил я.

— Ты ничего не можешь сделать, — сказал дон Хуан.

Мы молчали некоторое время. Я хотел уехать немедленно. Я чувствовал гнетущую муку. Мне было не по себе.

— Хотел бы ты действительно попытаться помочь мне? — спросил дон Хуан простодушным тоном.

Я снова сказал ему, что я весь целиком в его распоряжении, что моя привязанность к нему была такой глубокой, что я мог бы предпринять любой вид действия, чтобы помочь ему.

Дон Хуан улыбнулся и вновь спросил, действительно ли я имею такое намерение, и я страстно вновь подтвердил свое желание помочь ему.

— Если ты действительно намерен, — сказал он, — у меня есть еще один шанс.

Он, казалось, был удовлетворен. Он широко улыбнулся и похлопал своими руками несколько раз — это было то, что он всегда делал, когда хотел выразить чувство удовольствия. Изменение его настроения было таким удивительным, что оно также захватило меня. Я внезапно почувствовал, что гнетущее настроение, страдание, было преодолено, и жизнь была снова необъяснимо пробуждена. Дон Хуан сел, и я сделал то же самое. Он смотрел на меня долгое время и затем продолжал говорить мне очень спокойно и осторожно, что я был, в действительности, единственным человеком, который мог помочь ему в этот момент, и поэтому он собирался попросить меня сделать нечто очень опасное и очень особенное.

Он прервался на момент, как будто хотел нового подтверждения с моей стороны, я вновь подтвердил мое твердое желание сделать что-нибудь для него.

— Я собираюсь дать тебе оружие, чтобы пронзить ее, — сказал он.

Он взял длинный предмет из своей сумки и вручил его мне. Я взял его и осмотрел. Я почти отбросил его.

— Это кабан, — продолжал он. — Ты должен пронзить ее этим.

Предмет, который я держал, был сухой передней ногой кабана. Шкура была отталкивающей, а щетина была отвратительной на ощупь. Копыто было целым, и его две половины были развернуты, как будто нога была напряжена. Это была ужасно выглядящая вещь. Она почти заставила меня испытывать тошноту. Он быстро взял ее назад.

— Ты должен забить кабана прямо в ее пупок, — сказал дон Хуан.

— Что? — спросил я слабым голосом.

— Ты должен взять кабана в свою левую руку и заколоть ее им. Она — колдунья, и кабан войдет ей в живот, и никто на свете, за исключением другого мага, не увидит его воткнутом там. Это не обычная битва, но дело магов. Ты должен избежать той опасности, что, если тебе не удастся пронзить ее, она может без промедления смертельно ударить тебя, или ее компаньоны или родственники застрелят или зарежут тебя. С другой стороны, ты можешь уйти без царапины.

Если тебе удастся это, у нее будет ужасное время с кабаном в своем теле, и она оставит меня в покое.

Гнетущая боль охватила меня снова. Я был глубоко привязан к дону Хуану. Я восхищался им. Во время этой ужасающей просьбы я уже научился смотреть на его способ жизни и на его знание, как на высшее достижение. Как мог кто-то позволить умереть человеку, подобному этому? И все же, как кто-либо мог умышленно рисковать его жизнью? Я так погрузился в свои размышления, что не заметил, что дон Хуан встал и стоял около меня, пока он не похлопал меня по плечу. Я поднял глаза: он благожелательно улыбался.

— Когда ты почувствуешь, что действительно хочешь помочь мне, ты вернешься, — сказал он, — но не раньше. Если ты вернешься, я знаю, что мы будем делать. Теперь отправляйся! Если ты не захочешь вернуться, я пойму это также.

Я автоматически поднялся, сел в свою машину и поехал. Дон Хуан действительно запустил в меня дальний крючок. Я мог уехать и никогда не возвращаться, но почему-то мысль свободно уехать не успокаивала меня. Я ехал долгое время, а затем импульсивно повернул и поехал назад к дому дон Хуана.

Он все еще сидел под своим рамада и не казался удивленным, увидев меня.

— Садись, — сказал он. — На западе прекрасные тучи. Вскоре будет темно. Сиди спокойно и позволь сумеркам охватить тебя. Сейчас делай все, что хочешь, но, когда я

скажу тебе, посмотри прямо на те блестящие облака и попроси сумерки дать тебе силу и спокойствие.

Я сидел лицом к западным облакам пару часов. Дон Хуан вошел в дом и остался изнутри. Когда стало темно, он вернулся.

— Сумерки пришли, — сказал он. — Встань! Не закрывай свои глаза, смотри прямо на облака; подними свои руки и с поднятыми руками и растопыренными пальцами беги на месте.

Я последовал его инструкциям; я поднял руки над головой и начал бежать. Дон Хуан подошел сбоку и корректировал мои движения. Он вложил ногу кабана в ладонь моей левой руки и велел мне схватить ее пальцами. Затем он опустил мои руки вниз, пока они не стали указывать на оранжевые и черные мрачные тучи над горизонтом на западе. Он растопырил мои пальцы подобно вееру и велел мне не сгибать их. Это было решающей важностью, чтобы я сохранял свои пальцы растопыренными, потому что, если я закрою их, я не смогу попросить сумерки о силе и спокойствии, но буду угрожать им. Он также корректировал мой бег. Он сказал, что он должен быть спокойным и однообразным, как будто бы я действительно бежал к сумеркам с протянутыми руками.

Я не мог заснуть в течение этой ночи. Несмотря на успокаивание меня, сумерки, как будто, возбудили во мне бешенство.

— У меня так много еще незаконченных вещей в моей жизни, — сказал я. — Так много неразрешенных вещей.

Дон Хуан хихикнул мягко.

— Ничто в мире не закончено, — сказал он. — ничто не кончено, однако ничто не является неразрешенным. Иди спать.

Слова дона Хуана были успокаивающими.

Около десяти часов на следующее утро дон Хуан дал мне что-то поесть, и затем мы отправились в путь. Он прошептал, что мы должны подойти к женщине около полудня, или перед полуднем, если возможно. Он сказал, что идеальным временем были ранние часы дня, потому что ведьма всегда имеет меньше силы и меньше знает утром, но она всегда охраняет свой дом в эти часы. Я не задавал никаких вопросов. Он направил меня к шоссе, и в определенном месте он велел мне остановиться и поставить машину сбоку от дороги. Он сказал, что мы должны ждать здесь.

Я посмотрел на свои часы — было пять минут одиннадцатого. Я непрерывно зевал. Я был в действительности сонный; мой ум бесцельно блуждал.

Внезапно дон Хуан выпрямился и толкнул меня. Я вскочил на своем сиденье.

— Она здесь! — сказал он.

Я увидел женщину, идущую к шоссе по краю вспаханного поля. Она несла корзину, закрепленную петлей в своей правой руке. До этого времени я не замечал, что мы остановились поблизости от перекрестка. Две узкие тропинки проходили параллельно обеим сторонам шоссе; очевидно, люди, которые использовали эту тропу, должны были пересекать мощеную дорогу.

Когда женщина была еще на грунтовой дороге, дон Хуан велел мне выйти из машины.

— Теперь делай это, — сказал он твердо.

Я повиновался ему. Женщина была почти на шоссе. Я побежал и догнал ее. Я был так близко к ней, что я чувствовал ее одежду на своем лице. Я вынул кабанье копыто из-под своей рубашки и поразил ее им. Я не почувствовал никакого сопротивления к тупому предмету, который я держал в своей руке. Я видел быстро мелькнувшую тень перед собой, подобно портьере; моя голова повернулась направо, и я увидел женщину, стоявшую в пятидесяти футах от меня на противоположной стороне дороги. Она была красивой, молодой и темной, с сильным приземистым телом. Она улыбнулась мне. Ее зубы были белыми и крупными, а ее улыбка была спокойной. Она полузакрывает свои глаза, как будто чтобы предохранить их от ветра. Она все еще держала свою корзину, закрепленную петлей на своей правой руке.

Тогда у меня наступил момент полного замешательства. Я обернулся и посмотрел на дону Хуана. Он делал неистовые жесты, чтобы позвать меня назад. Я побежал. Трое или четверо мужчин второпях приблизились ко мне. Я вскочил в свою машину и дал скорость в противоположном направлении.

Я пытался спросить дону Хуана о том, что случилось, но я не мог говорить; мои уши лопались от потрясающего напряжения; я чувствовал, что задыхался. Он, казалось, был удовлетворен и начал смеяться. Моя неудача как будто не беспокоила его. Мои руки на рулевом колесе были такими тяжелыми, что я не мог двинуть ими; они были застывшими; мои руки были негнущимися и такими же были мои ноги. Фактически, я не мог оторвать свою ногу от педали газа.

Дон Хуан похлопал меня по спине и селел мне расслабиться. Мало-помалу давление в моих ушах ослабло.

— Что случилось там? — наконец спросил я.

Он захохотал, как ребенок, не отвечая. Затем он спросил меня, не заметил ли я способ, которым женщина перемахнула дорогу. Он восхищался ее превосходной скоростью. Разговор дон Хуана казался таким неуместным, что я не мог в действительности следовать ему. Он восхищался женщиной! Он сказал, что ее сила была безупречной и что она была безжалостным врагом.

Я спросил дон Хуана, помнил ли он о моей неудаче. Я был искренне удивлен и раздосадован переменой его настроения. Он, казалось, был действительно рад.

Он велел мне остановиться. Я остановился на обочине дороги. Он положил свою руку на мое плечо и проницательно посмотрел в мои глаза.

— Все, что я делал сегодня с тобой, было хитростью, — сказал он прямо. — Существует правило, что человек знания должен обманывать своего ученика. Сегодня я обманул тебя и обманом заставил учиться.

Я был ошеломлен. Я не мог собрать свои мысли. Дон Хуан объяснил, что все затруднительное положение с женщиной было хитростью; что она никогда не была угрозой ему; и что его задачей было ввести меня в испытание с ней при специфических условиях непринужденности и силы, которые я переживал, когда пытался пронзить ее. Он похвалил мою решимость и назвал ее актом силы, который продемонстрировал женщине, что я был способен на большое усилие. Дон Хуан сказал, что, даже хотя я и не сознавал этого, все, что я делал, должно было показать меня в выгодном свете перед ней.

— Ты никогда не мог коснуться ее, — сказал он. — но ты показал ей свои когти. Теперь она знает, что ты не боишься. Ты бросил вызов ей. Я использовал ее, чтобы перехитрить тебя, потому что она сильна и безжалостна и никогда не забывает. Люди обычно слишком заняты, чтобы быть безжалостными врагами.

Я почувствовал ужасный гнев. Я сказал ему, что никто не должен играть с глубокими чувствами и преданностью других.

Дон Хуан смеялся до тех пор, пока слезы не покатались у него по щекам, а я ненавидел его. Я был переполнен желанием ударить его и уехать; однако, в его смехе был такой необычный ритм, что он почти парализовал меня.

— Не надо быть таким сердитым, — сказал он успокаивающе.

Затем дон Хуан сказал, что его действия никогда не были фарсом, что он также отбрасывал свою жизнь долгое время прежде, когда его собственный бенефактор обманывал его, точно так же, как он обманул меня. Дон Хуан сказал, что его бенефактор был безжалостным человеком, который не думал о нем таким же образом, как он, дон Хуан, думает обо мне. Он добавил очень сурово, что женщина испытывала свою силу против него и действительно пыталась убить его.

— Теперь она знает, что я играл с ней, — сказал он, смеясь, — и она возненавидит тебя за это. Она ничего не может сделать мне, но она выместит это на тебе. Она не знает еще, сколько у тебя силы, поэтому она будет приходить испытывать тебя мало-помалу. Теперь у тебя нет выбора, и ты должен учиться, чтобы защитить себя, или ты сделаешься жертвой этой леди. Она не шутит.

Дон Хуан напомнил мне способ, которым она перелетела.

— Не надо сердиться, — сказал он. — это не обычная хитрость. Это правило.

В способе, которым женщина отпрыгнула от меня, было что-то, поистине сводящее с ума. Я был сам этому свидетелем: она перепрыгнула ширину шоссе в мгновение ока. Я не имел способа избежать этой несомненности. С этого момента я сконцентрировал все мое внимание на этом случае и, мало-помалу, накопил «доказательства», что она действительно преследовала меня. Окончательный результат был тот, что я должен был отказаться от ученичества под давлением моего иррационального страха.

Я вернулся к дому дон Хуана несколько часов спустя, рано после полудня. Он, очевидно, ожидал меня. Он подошел ко мне, когда я вышел из моей машины, и осмотрел меня с любопытством в глазах, обойдя вокруг меня пару раз.

— Почему взволнованность? — спросил он, прежде чем я имел время сказать что-нибудь.

Я объяснил, что что-то испугало меня этим утром и что я начал чувствовать что-то крадущееся вокруг меня, как в прошлом. Дон Хуан сел и, казалось, был поглощен мыслями. Его лицо имело необычно серьезное выражение. Он, казалось, был уставшим. Я сел около него и приводил в порядок свои записи.

После очень долгой паузы его лицо прояснилось, и он улыбнулся.

— То, что ты чувствовал этим утром, был дух водяной дыры, — сказал он. — Я скажу тебе, что ты должен подготовиться для неожиданной встречи с этими силами. Я думаю, ты понял.

— Да.

— Тогда почему страх?

Я не мог ответить.

— Этот дух на твоей тропе, — сказал он. — он уже похлопал тебя в воде. Я уверяю тебя, что он постучит тебе снова, и, вероятно, ты не будешь подготовлен, и эта встреча будет твоим концом.

Слова дон Хуана заставили меня почувствовать искреннее беспокойство. Однако, мои чувства были необычными; я был обеспокоен, но не боялся. Что бы ни случилось со мной, это не могло вызвать во мне старых чувств слепого страха.

— Что я должен делать? — спросил я.

— Ты слишком легко забываешь, — сказал он. — тропа знания — это тропа силы. Для того, чтобы учиться, мы должны спешить. На тропе знания мы всегда боремся с чем-то, избегаем чего-то, готовимся к чему-то; и это что-то всегда является необъяснимым, великим, более сильным, чем мы. Необъяснимые силы будут приходить к тебе. Теперь это дух водной дыры, позднее это будет твой собственный олли, поэтому ты ничего не можешь делать теперь, кроме как готовиться к борьбе. Много лет назад ла Каталина торопила тебя, она была только колдуньей, однако, и это была хитрость для новичка.

Мир действительно полон пугающих вещей, и мы — беспомощные создания, окруженные силами, которые необъяснимы и непреклонны. Обычный человек, в незнании, верит, что эти силы могут быть объяснены или изменены; он в действительности не знает, как это сделать, но он ожидает, что действия человечества объяснят их или изменят их раньше или позже. Маг, с другой стороны, не думает об объяснении или об изменении их; вместо этого, он учится использовать такие силы, перенаправляя себя самого и приспособляясь к их направлению. Это его хитрость. Очень мало остается от магии, если ты узнал ее хитрость. Маг только немного лучше выделен, чем обычный человек. Магия не помогает ему жить лучшей жизнью; в действительности, я бы сказал, что магия мешает ему; она делает его жизнь сложной, опасной. Открывая себя знанию, маг становится более уязвимым, чем обычный человек. С одной стороны, окружающие его люди ненавидят и боятся его и будут стараться кончить его жизнь; с другой стороны, необъяснимые и непреклонные силы, которые окружают каждого из нас, по праву того, что мы живем, являются для мага источником еще большей опасности. Быть пронзенным собратом — действительно больно, но это ничто по сравнению с тем, чтобы быть тронутым олли. Маг, открывая себя знанию, падает жертвой таких сил и имеет только единственное средство уравновесить себя — свою волю; таким образом, он должен чувствовать и действовать, как воин. Я повторю это еще раз: только как воин можно выжить на пути знания. То, что помогает магу жить лучшей жизнью, — это сила жизни воина.

Это мое обязательство — научить тебя «видеть». Не потому, что я лично хочу сделать так, но потому, что ты был выбран; ты был указан мне мескалитом. Однако, мое личное желание заставляет меня научить тебя чувствовать и действовать, как воин. Лично я верю, что быть воином — более подходящее, чем что-либо еще. Поэтому я старался показать тебе эти силы, как маг воспринимает их, потому что только под их устрашающим воздействием можно стать воином. «Видеть», прежде чем быть воином, — это сделает тебя слабым; это даст тебе ложную слабость, желание отступить; твоё тело будет разрушаться, потому что ты станешь безразличным. Это мое личное намерение — сделать тебя воином, таким образом ты не сломаешься.

Я слышал, что ты говорил уже много раз, что ты всегда готов умереть. Я не рассматриваю это чувство, как необходимое. Я думаю, что оно является бесполезным потаканием себе. Воин должен быть готов только к битве. Я слышал также, что ты говорил о том, что твои родители поранили твой дух. Я думаю, что дух человека является чем-то, что может быть легко ранено, хотя не теми средствами, которые ты сам называешь ранящими. Я полагаю, что твои родители искалечили тебя тем, что сделали тебя потакающим себе, мягким и предающимся прозябанию.

Дух воина не связывается ни потаканием себе и жалобами, не связывается он победами или поражениями. Дух воина связывается только с борьбой, и каждое усилие — это последняя битва воина на земле. Таким образом, результат имеет очень мало значения для него. В своей последней битве на земле воин позволяет своему духу течь свободно и ясно. И когда он проводит свою битву, зная, что его воля безупречна, воин смеется и смеется.

Я кончил писать и поднял глаза. Дон Хуан пристально смотрел на меня. Он покачал головой из стороны в сторону и улыбнулся.

— Ты действительно все записываешь? — спросил он с недоверием. — Хенаро говорил, что он никогда не может быть серьезным с тобой, потому что ты всегда пишешь. Он прав: как может кто-нибудь быть серьезным, если ты всегда пишешь?

Он усмехнулся и я попытался отстоять свою позицию.

— Это не имеет значения, — сказал он. — Если ты когда-либо научишься видеть, то, я полагаю, ты должен делать это твоим собственным путем судьбы.

Он встал и посмотрел на небо. Было около полудня. Он сказал, что еще было время поехать поохотиться в горах.

— На кого мы собираемся охотиться? — спросил я.

— На особое животное, или на оленя, или на кабана, или даже на горного льва.

Он остановился на момент, а затем добавил: «даже на орла».

Я встал и последовал за ним к моей машине. Он сказал, что на этот раз мы собирались только наблюдать и узнать, на каких животных мы должны охотиться. Он собирался сесть в мою машину, когда, казалось, вспомнил что-то. Он улыбнулся и сказал, что путешествие должно быть отложено, пока я не узнаю нечто, без чего наша охота будет невозможна.

Мы вернулись и сели снова под его рамада. Я хотел многое спросить, но он не дал мне время ничего сказать и заговорил снова.

— Это приводит нас к последнему моменту, который ты должен знать о войне, — сказал он. — Воин отбирает отдельные предметы, которые создают его мир.

В тот день, когда ты встретился с олли, и я был вынужден дважды полоскать тебя в воде, ты знаешь, что было с тобой не так?

— Нет.

— Ты потерял свои щиты.

— Какие щиты? О чем ты говоришь?

— Я сказал, что воин отбирает вещи, которые создают его мир. Он отбирает намеренно, так как каждая вещь, которую он выбирает, является щитом, который защищает его от нападений сил, которые он стремится использовать. Воин будет использовать свои щиты, чтобы защититься от олли, например.

Обычный человек, который в равной мере окружен этими необъяснимыми силами, недоступен для них, потому что он имеет другие виды особых щитов для защиты себя.

Он сделал паузу и посмотрел на меня с вопросом в глазах. Я не понимал, что он имеет в виду.

— Что это за щиты? — настаивал я.

— То, что делают люди, — повторил он.

— Что же они делают?

— Хорошо, посмотри вокруг. Люди заняты деланием того, что делают люди. Это и есть их щиты. Когда бы маг ни имел столкновения с любыми из этих необъяснимых и непреклонных сил, о которых мы говорим, его просвет открывается, делая его более доступным смерти, чем обычно; я говорил тебе, что мы умираем через тот просвет, поэтому, если он открывается, необходимо иметь свою волю готовой заполнить его; это в том случае, если человек — воин. Если человек не является воином, как ты, тогда у него нет иного пути отступления, кроме как воспользоваться деятельностью повседневной жизни, чтобы удалить из своего ума страх встречи и, таким образом, позволить своему просвету закрыться. Ты рассердился на меня в тот день, когда встретился с олли. Я рассердил тебя, когда остановил твою машину, и я остудил тебя, когда я опускал тебя в воду. То, что ты был в мокрой одежде, еще более остудило тебя. То, что ты был сердит и замерз, позволило твоему просвету закрыться, и ты был защищен. В это время твоей жизни, однако, ты не можешь больше использовать эти щиты столь же эффективно, как обычный человек. Ты слишком много знаешь об этих силах, и теперь, наконец, ты на грани того, чтобы чувствовать и действовать, как воин. Твои старые нити не являются больше надежными.

— Что же от меня ожидается?

— Действуй, как воин, и отбирай частицы своего мира. Ты не можешь больше окружать себя вещами, как попало. Я говорю тебе это самым серьезным образом. Теперь ты впервые не в безопасности при твоём старом образе жизни.

— Что ты имеешь в виду под отбором частиц моего мира?

— Воин встречает эти необъяснимые и непреклонные силы, потому что он намеренно ищет их, поэтому он всегда готов к встрече. Ты, напротив, никогда не готов к ней. Фактически, если эти силы явятся к тебе, они захватят тебя врасплох; испуг откроет твой просвет, и твоя жизнь беспрепятственно ускользнет сквозь него. Первой вещью, которую ты, затем, должен делать, — это быть готовым. Думай, что олли собирается выскочить перед твоими глазами в любую минуту и ты должен быть готов к этому. Встреча с олли — это не вечеринка на воскресном пикнике, и воин берет на себя ответственность по защите своей жизни. Поэтому, если какая-либо из этих сил стучится к тебе и открывает твой просвет, ты должен намеренно бороться за то, чтобы закрыть его самому. Для этой цели ты должен иметь избранный ряд вещей, которые дают тебе большое спокойствие и удовольствие,

вещей, которые ты можешь намеренно использовать для того, чтобы убрать свои мысли от испуга и закрыть свой просвет и сделать себя цельным.

— Что это за вещи?

— Несколько лет назад я говорил тебе, что в своей повседневной жизни воин выбирает себе дорогу с сердцем. Именно последовательный выбор пути с сердцем делает воина отличным от среднего человека. Он знает, что путь имеет сердце, когда он един с этим путем, когда он переживает огромное спокойствие и удовольствие, идя по нему. Вещи, которые воин отбирает, чтобы сделать свои щиты, — это частицы пути с сердцем.

— Но ты сказал, что я не воин, поэтому, как же я могу выбрать путь с сердцем?

— Это твоя поворотная точка. Можно сказать, что раньше тебе не было действительной необходимости жить, как воин. Теперь иначе, теперь ты должен окружить себя предметами пути с сердцем и должен отказаться от остального, или же ты погибнешь при следующей встрече. Я могу добавить, что ты можешь не просить о встрече больше. Теперь олли может прийти к тебе во сне, во время твоего разговора с друзьями, когда ты пишешь.

— Я уже годами искренне старался жить в согласии с твоими поучениями, — сказал я. — Очевидно, я не делал этого достаточно хорошо. Как я могу делать лучше теперь?

— Ты думаешь и разговариваешь слишком много. Ты должен прекратить разговор с самим собой.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты слишком много разговариваешь с собой. Ты в этом не исключение. Каждый из нас делает это. Мы ведем внутренний разговор. Подумай об этом. Когда ты один, что ты делаешь?

— Я разговариваю с самим собой.

— О чем ты разговариваешь с собой?

— Я не знаю; о чем угодно, я полагаю.

— Я скажу тебе, о чем мы разговариваем сами с собой. Мы разговариваем о нашем мире. Фактически, мы создаем наш мир своим внутренним разговором.

— Как мы это делаем?

— Когда мы разговариваем с собой, мир всегда такой, каким он должен быть. Мы обновляем его, мы начинаем его жизнью, мы поддерживаем его своим внутренним разговором. Не только это, но мы также выбираем свои пути так же, как мы говорим себе. Таким образом, мы повторяем тот же самый выбор еще и еще до тех пор, пока не умираем, потому что мы продолжаем повторение того же самого внутреннего разговора еще и еще до тех пор, пока не умираем.

Воин сознает это и стремится остановить этот разговор. Это последняя точка, которую ты должен знать, если ты хочешь жить, как воин.

— Как я могу перестать говорить с самим собой?

— Прежде всего ты должен использовать свои уши, чтобы снять часть нагрузки со своих глаз. Мы с самого рождения использовали свои глаза для того, чтобы судить о мире. Мы говорим с другими и с собой, главным образом, о том, что мы видим. Воин сознает это и прислушивается к миру; он прислушивается к звукам мира.

Я отложил свои записи. Дон Хуан засмеялся и сказал, что он не имел в виду навязать мне результат, что прислушивание к звукам мира должно быть гармоничным и с большим терпением.

— Воин сознает, что мир изменится, как только он перестанет говорить с самим собой, — сказал он, — и он должен быть готов к этому необычному толчку.

— Что ты имеешь в виду, дон Хуан?

— Мир такой-то или такой-то только потому, что мы сказали себе, что он такой. Если мы перестанем говорить себе, что мир такой-то, то мир перестанет быть таким. В этот момент я не думаю, что ты готов к такому моментальному удару, поэтому ты должен медленно начать уничтожать /открывать/ мир.

— Я, в действительности, не понимаю тебя!

— Твоя беда в том, что ты смешиваешь мир с тем, что делают люди; и опять же, ты не одинок в этом. Каждый из нас делает это. Вещи, которые делают люди, являются щитами против сил, которые нас окружают; то, что мы делаем, как люди, дает нам удобство и чувство безопасности; то, что делают люди, по праву, очень важно, но только, как щит. Мы никогда не знаем, что все, что мы делаем, как люди, это только щиты, и мы позволяем им господствовать и попирают наши жизни. Фактически, я должен сказать, что для человечества то, что делают люди, более велико и более важно, чем сам мир.

— Что ты называешь миром?

— Мир — это все, что заключено здесь, — сказал он и топнул по земле. — жизнь, смерть, люди, олли и все остальное, что окружает нас. Мир необъятен. Мы никогда не сможем

понять понять его; мы никогда не разгадаем его тайн. Поэтому, мы должны относиться к нему, как к тому, что он есть, как к чудесной загадке!

Однако, обычный человек не делает этого. Мир никогда не является загадкой для него, и, когда он приближается к старости, он убеждается, что он не имеет больше ничего, для чего жить. Старик не исчерпал мира. Он исчерпал только то, что делают люди. Но в своем глупом замешательстве он верит, что мир не имеет больше загадок для него. Вот ужасная цена, которую приходится платить за наши щиты!

Воин осознает эту путаницу и учится относиться к вещам правильно. Вещи, которые делают люди, ни при каких условиях не могут быть более важны, чем мир. И, таким образом, воин относится к миру, как к бесконечной тайне, а к тому, что делают люди, как к бесконечной глупости.

15

Я начал упражняться в прислушивании к «звукам мира» и продолжал это в течение двух месяцев, как точно указал дон Хуан. Сначала было мучительно слышать и не видеть, но еще более мучительным было не разговаривать с самим собой. К концу двух месяцев я был способен выключать свой внутренний диалог на короткие периоды времени и мог обращать внимание на звуки.

Я прибыл к дому дона Хуана к 9 часам 10 ноября 1969 года.

— Мы начнем поездку прямо сейчас, — сказал он, как только я подъехал к его дому.

Я отдохнул в течение часа, а затем мы поехали к низким склонам гор на востоке. Мы оставили мою машину на попечение одного из его друзей, который жил в этом месте, а сами пошли пешком в горы. Дон Хуан положил сухое печенье и сладкие булочки в рюкзак для меня. Провизии было достаточно на день или на два. Я спросил дона Хуана, не взять ли нам больше, но он отрицательно потряс головой.

Мы шли пешком все утро. Был довольно теплый день. Я нес одну флягу с водой, из которой большей частью пил я сам. Дон Хуан пил только дважды. Когда вода кончилась, он заверил меня, что было бы очень хорошо напиться из потока, который мы найдем на нашем пути. Он рассмеялся на мое нежелание. Через короткое время моя жажда вынудила меня побороть мои страхи.

Рано после полудня мы остановились в небольшой долине у подножья каких-то сочных зеленых холмов. Позади холмов, на востоке, на облачном небе вырисовывались высокие горы.

— Ты можешь думать, что ты можешь написать о том, что мы говорим, или о том, что ты воспринимаешь, но ты ничего не можешь написать о том, где мы находимся, — сказал он.

Мы остановились на время, и затем он вынул узелок из-под своей рубашки. Он развязал его и показал мне свою трубку. Он наполнил ее чашечку курительной смесью, зажег спичку и поджег небольшую сухую ветку, положил горящую веточку внутрь чашки и велел мне курить. Не имея кусочка угля внутри чашки, было трудно разжечь трубку; мы должны были держать горящие ветки до тех пор, пока смесь не разгорелась.

Когда я кончил курить, он сказал, что мы были здесь для того, чтобы я мог разыскать тот вид дичи, на которую я предполагал охотиться. Он заботливо повторил мне три или четыре раза, что наиболее важным аспектом моей попытки было найти какие-нибудь ямы. Он подчеркнул слово «ямы» и сказал, что внутри их маг мог найти все виды сообщений и указаний. Я хотел спросить, какого рода ямы это были; дон Хуан, казалось, отгадал мой вопрос и сказал, что их было невозможно описать и что они были в области «виденья». Он повторил несколько раз, что я должен сосредоточить все свое внимание на слушании звуков и сделать все возможное, чтобы найти дыры между звуками. Он сказал, что он собирался играть на своем ловителе духов четыре раза. Я должен был использовать эти жуткие зовы в качестве проводников к олли, который приветствовал меня; этот олли тогда даст мне сообщение, которое я искал. Дон Хуан велел мне находиться в полной бдительности, так как он не знал, каким образом олли проявит себя по отношению ко мне.

Я внимательно прислушивался. Я сидел спиной к каменистой стороне холма. Я испытывал умеренное онемение. Дон Хуан предупредил меня не закрывать глаза. Я начал слушать и мог различить посвистывание птиц, шелест листьев от ветра, жужжание насекомых. Когда я поместил все свое внимание в эти звуки, я мог действительно разобрать четыре разных типа посвистывания птиц. Я мог различить медленные или быстрые скорости ветра; я мог также слышать различный шелест трех типов листьев. Жужжание насекомых было поразительным. Их было так много, что я не мог сосчитать их или правильно разделить их.

Я был погружен в необычный мир звуков, которого никогда не было в моей жизни. Я начал скользить вправо. Дон Хуан сделал движение, чтобы остановить меня, но я сам уже сдержал себя. Я выпрямился и сел прямо снова. Дон Хуан передвинул мое тело, пока не

подпер меня в щели каменной стены. Он расчистил мелкие камни из-под моих ног и уложил затылок моей головы на камень.

Он повелительно сказал мне, чтобы я смотрел на горы к юго-востоку. Я сосредоточил мой пристальный взгляд вдаль, но он исправил меня и сказал, что я не должен смотреть пристально, но разглядывать холмы передо мной и растительность на них. Он повторил снова и снова, что я должен сосредоточить все свое внимание на слушании.

Звуки начали проступать снова. Их не было настолько много, чтобы я хотел слушать их; скорее, они каким-то способом заставляли меня концентрироваться на них. Ветер шелестел листьями. Ветер прошел вверху над деревьями и затем втянулся в долину, где мы были. Опускаясь, он коснулся сначала листьев на верхушках деревьев — они издали особый звук, который, как я представил, был низким, дребезжащим, сочным звуком. Затем ветер толкнул кусты, и их листья зазвучали подобно множеству мелких предметов; это был почти мелодичный звук, очень поглощающий и весьма требовательный; он, казалось, мог заглушить все остальное. Я нашел его неприятным. Я почувствовал себя в затруднении, потому что мне пришло на ум, что я был подобен шуршанию кустов, раздражающему и требующему. Звук был так близок ко мне, что я испытывал неловкость. Затем я услышал, что ветер прошелся по земле. Это не был больше шелестящий звук, но больше посвистывание, почти низкое или однообразное жужжание. Прислушиваясь к звукам ветра, я понял, что все три из них случились сразу. Я был удивлен тем, что я был способен отличить их один от другого, когда я снова начал сознавать посвистывание птиц и жужжание насекомых. В один момент были только звуки ветра, а в следующий момент гигантский поток других звуков сразу возник в сфере моего сознания. Логически, все существовавшие звуки должны были постоянно издаваться в течение времени, когда я слышал только ветер.

Я не мог сосчитать всех посвистываний птиц или жужжаний насекомых, однако, я был убежден, что я слышал каждый отдельный звук, когда он производился. Все вместе они создавали очень необычный порядок. Я не мог назвать это иначе, чем «порядок». Это был порядок звуков, которые имели строй; то есть каждый звук происходил в последовательности.

Затем я услышал исключительно долгий вой. Он заставил меня задрожать. Все другие звуки в мгновение прекратились, и долина была мертвой, пока отражение воя не достигло другой стороны долины; затем шумы возникли опять. Я сразу же поймал их строй. Через момент напряженного слушания я подумал, что я понял рекомендацию дон Хуана наблюдать за дырами между звуками. Строй шумов имел интервалы между звуками! Например, особые посвистывания птиц были рассчитаны по времени и имели паузы между собой, и то же имели все другие звуки, которые я воспринимал. Шелест листьев был подобен вязкому клею, что составляло их однородное жужжание. Дело было в том, что синхронность каждого звука была целой в общем строе звуков. Таким образом, интервалы или паузы между звуками, если я обращал внимание на них, были дырами в структуре. Я снова услышал пронзительный вой ловителя духов дон Хуана. Он не потряс меня, но звуки снова прекратились в мгновение, и я воспринял такой перерыв, как дыру, очень большую дыру. В этот самый момент я переместил свое внимание от слушания к смотрению. Я смотрел на скопление низких холмов с пышной зеленой растительностью. Силуэты холмов были расположены таким образом, что с места, откуда я смотрел, на склоне одного из холмов, казалось, была видна дыра.

Это было место между двумя холмами, и благодаря этому я мог видеть низкие, черные, с серым оттенком горы вдали. В этот момент я не знал, что это было. Было так, как будто дыра, которую я видел, была «дырой» в звуке. Затем шумы начались снова, но визуальное изображение огромной дыры оставалось. Короткое время спустя я стал еще более остро осознавать строй звуков и их порядок и распределение их пауз. Мой ум был способен различать и выделять огромное количество отдельных звуков. Я мог действительно следить за всеми звуками, поэтому каждая пауза между звуками была определенной дырой. В определенный момент паузы кристаллизировались в моем уме и образовали твердую решетку, структуру. Я не видел и не слышал их. Я чувствовал структуру какой-то неизвестной частью себя.

Дон Хуан заиграл на своей бечевке еще раз; звуки прекратились, как и прежде, создав огромную дыру в звуковой структуре. Однако, на этот раз эта большая пауза гармонировала с дырой в холмах, которую я видел; они наложились друг на друга. Эффект восприятия двух дыр длился такое долгое время, что я мог видеть и слышать их контуры, так как они соответствовали друг другу. Затем снова начались другие звуки, и структура пауз их стала отчетливым, почти видимым ощущением. Я стал видеть звуки, так как они создавали строй, и затем весь этот строй стал накладываться на окружающее тем же самым путем, каким я воспринимал наложение двух больших дыр. Я не смотрел и не слушал, как я привык это

делать. Я делал что-то, что было совершенно отличным, — я составлял свойства обоих. По какой-то причине мое внимание было сосредоточено на большой дыре в холмах. Я чувствовал, что я слышал ее, и в то же самое время я видел ее. В ней было что-то соблазняющее. Она всецело поглотила мое поле восприятия, и каждый отдельный звуковой строй, который совпадал с особенностями окружения, зависел от этой дыры.

Я еще раз услышал жуткий вой ловителя духов дона Хуана; все звуки прекратились; две большие дыры, казалось, светились, и тогда я снова увидел вспаханное поле; там стоял олли, как я видел его прежде. Вид всей сцены стал очень ясным. Я мог видеть его прямо, как будто он был в пятидесяти ярдах. Я не мог видеть его лицо — шляпа скрывала его. Затем он начал приближаться ко мне, медленно поднимая на ходу свою голову; я мог почти видеть его лицо, и это ужаснуло меня. Я знал, что я должен был остановить его без промедления. Необычайная волна прошла по моему телу; я чувствовал истечение «силы». Я хотел отвести глаза в сторону, чтобы остановить зрелище, но я не мог сделать этого. В этот критический момент мне в голову пришла мысль. Я знал то, что имел в виду дон Хуан, когда говорил о частицах «пути с сердцем», которые были щитами. Было что-то, что я хотел следовать в своей жизни, что-то очень поглощающее и интригующее, что-то, что наполняло меня огромным спокойствием и удовольствием. Я знал, что олли не мог победить меня. Я повернул голову безо всякого беспокойства, прежде чем я мог увидеть все его лицо.

Я начал слушать все другие звуки; они внезапно стали очень громкими и настойчивыми, как будто они действительно сердились на меня. Они потеряли свой строй и оказались аморфным конгломератом резких, болезненных криков. Мои уши начали гудеть под их давлением. Я чувствовал, что моя голова разрывается. Я встал и закрыл уши ладонями.

Дон Хуан помог мне дойти до небольшого ручейка, заставил меня снять одежду и окунул меня в воду. Он заставил меня лечь на почти сухое русло ручья, а затем собрал воду в свою шляпу и плеснул на меня ей.

Давление в моих ушах спало очень быстро, и «купание» отняло только несколько минут. Дон Хуан посмотрел на меня, одобрительно потряс головой и сказал, что я сделал себя «твердым» необыкновенно быстро.

Он одел меня и отвел меня назад к месту, где я сидел. Я чувствовал себя необыкновенно сильным, бодрым и ясным.

Он хотел знать все подробности моего зрелища. Он сказал, что «дыры» в звуках использовались магами, чтобы узнать особые вещи. Олли мага показывает сложные дела через эти дыры в звуках. Он отказался более подробно рассказать о «дырах» и отбросил мои вопросы, сказав, что, т.к. я не имел олли, такая информация будет только вредна мне.

— Все имеет значение для мага, — сказал он. — Звуки имеют дыры в себе, и так же делают все вокруг себя. Делая обычным путем, человек не имеет скорости, чтобы схватить дыры, и поэтому он идет сквозь жизнь без защиты. Черви, птицы, деревья — все они могут говорить нам невообразимые вещи, если только имеешь скорость, чтобы схватить их сообщения. Дымок может дать нам эту схватывающую скорость. Но мы должны быть в хороших отношениях со всем живым в этом мире. В этом причина того, почему мы должны разговаривать с растениями, когда мы соберемся срезать их, и извиняться, причиняя им вред; то же самое мы должны делать по отношению к животным, которых мы собираемся убить. Мы должны брать только то, что достаточно для наших нужд, иначе растения и животные, и черви, которых мы убили, обернутся против нас и будут причиной нашей болезни и несчастья. Воин осознает это и старается успокоить их, тогда, когда он всматривается через дыры, деревья, птицы и черви дают ему верные сообщения.

Но все это теперь неважно. Важно то, что ты видел олли. Вот твоя дичь! Я говорил тебе, что мы собирались на что-то охотиться. Я думал, что это будет животное. Я рассчитывал, что ты увидишь животное, на которое мы собираемся охотиться. Сам я видел кабана; мой ловитель духов — это кабан.

— Почему мы пришли сюда охотиться?

— Олли показал тебе ловителя духов, который он достал из своей сумки. Тебе нужно приобрести его, если ты собираешься вызывать олли.

— Что такое ловитель духов?

— Это нить. Ею я могу вызывать олли, моего собственного олли, или я могу вызывать духов водных дыр, духов рек, духов гор. Мой — это кабан, и звучит подобно кабану. Я использовал его дважды для тебя, чтобы вызвать духа водной дыры, чтобы помочь тебе. Дух приходил к тебе, как олли приходил к тебе сегодня. Однако, та не мог видеть его, потому что у тебя нет скорости; однако, в тот день, когда я взял тебя в водный каньон и положил тебя на камень, ты знал, что дух был почти над тобой, и ты в действительности не видел его. Эти духи — помощники. Они твердые, чтобы их держать руками и как бы опасны. Нужна безупречная воля, чтобы держать их в безвыходном положении.

— На что они похожи?

Они различны для каждого человека и также олли. Для тебя олли, очевидно, выглядит подобно человеку, которого ты прежде знал, или подобно человеку, которого ты всегда стараешься узнать; это склонность твоей натуры. Ты склонен к тайнам и секретам. Я не похож на тебя, потому что олли для меня — это что-то очень ясное.

Духи водных дыр — владельцы особых мест. Тот, которого я вызывал, чтобы помочь тебе, известен мне самому. Он помогал мне много раз. Он обитает в этом каньоне. В тот раз, когда я вызывал его, чтобы помочь тебе, ты не был сильным, и дух принял тебя сурово. Это не было его намерение — у них нет этого — но ты лежал там очень слабый, слабее, чем я подозревал. Позже дух едва не навлек на тебя твою смерть; в воде оросительного канала ты фосфоресцировал. Дух взял тебя удивлением, и ты едва не умер. Раз дух делает это, он всегда возвращается за своей жертвой. Я был уверен, что он вернется за тобой. К несчастью, ты нуждаешься в воде, чтобы стать крепким снова, когда ты используешь дымок; это загоняет тебя в ужасно невыгодное положение. Если ты не используешь воду, то ты, вероятно, умрешь, но если ты используешь меня, то дух возьмет тебя.

— Могу ли я использовать воду в другом месте?

— Это не имеет никакой разницы. Дух водной дыры вблизи моего дома может преследовать тебя где угодно, если ты не имеешь ловителя духов. Вот почему олли показал это тебе. Он сказал тебе, что ты нуждаешься в нем. Он обернул его вокруг своей левой руки и пошел к тебе, указав на водный каньон. Сегодня он снова хотел показать тебе ловитель духов, как и в первый раз, когда ты встретился с ним. И то, что ты прекратил, было благоразумно; олли шел слишком твердо для твоей силы, и прямое столкновение с ним было бы очень вредным для тебя.

— Как я могу достать ловитель духов теперь?

— Очевидно, олли собирается дать тебе его сам.

— Как?

— Я не знаю. Ты должен будешь пойти к нему, он уже сказал тебе, где смотреть его.

— Где?

— Там, наверху, на тех холмах, где ты видел дыру.

— Должен ли я увидеть самого олли?

— Нет. Но он уже приветствует тебя. Дымок открыл тебе путь к нему. Затем, позже, ты встретишься с ним лицом к лицу, но это произойдет только после того, как ты узнаешь его очень хорошо.

16

Мы прибыли в ту же самую долину поздно после полудня 15 декабря 1969 года. Дон Хуан повторно напомнил мне, когда мы двигались сквозь кустарник, что направления или точки ориентации были решающе важными в попытке, которую я собирался предпринять.

— Ты должен определить верное направление немедленно по прибытии на вершину холма, — сказал дон Хуан. — Как только ты будешь на вершине холма, — сказал дон Хуан, — обратись лицом в этом направлении, — он указал на юго-восток. — Это твое благоприятное направление, и ты всегда должен быть обращен лицом к нему, особенно, когда ты в беспокойстве. Помни это.

Мы остановились у основания холмов, где я воспринимал дыру. Он указал на особое место, где я должен был сидеть; он сел рядом со мной и очень спокойным голосом дал мне подробные инструкции. Он сказал, что, как только я достигну вершины холма, я должен протянуть перед собой свою правую руку ладонью вниз и растопырив пальцы подобно вееру, за исключением большого пальца, который должен быть подогнут к ладони. Затем я должен повернуть голову к северу и прижать руку к груди, указывая рукой также на север; затем я должен танцевать, поставив мою левую ногу позади правой и ударяя в землю носком левой ноги. Он сказал, что, когда я почувствую тепло, поднимающееся по моей левой ноге, я должен начать медленно переносить мою руку с севера на юг, а затем снова к северу.

— Место, над которым ладонь твоей руки почувствует тепло, когда ты проносишь руку, — это место, где ты должен сидеть, и это является также направлением, в котором ты должен смотреть, — сказал он. — Если место к юго-востоку или если оно в этом направлении, — он снова указал на юго-восток, — результаты будут превосходными. Если место, где твоя рука становится теплой, к северу, то ты получишь сильное поражение, но ты можешь повернуть течение в свою пользу. Если место к югу, ты будешь иметь тяжелую борьбу.

Тебе нужно будет провести руку сначала четыре раза, но когда ты станешь более знаком с движением, тебе надо будет провести только раз, чтобы знать, собирается или нет твоя рука стать теплой.

Раз ты установил место, где твоя рука становится теплой, садись там; это твоя первая точка. Если ты обращен лицом на юг или на север, ты должен решить, чувствуешь ли ты достаточно силы, чтобы остаться. Если ты имеешь сомнения в себе, то встань и уйди. Нет необходимости оставаться, если ты не уверен. Если ты решил не уходить, очисти достаточно большое место, чтобы развести огонь, примерно в пяти футах от твоей первой точки. Огонь должен быть на прямой линии с направлением, в котором ты смотришь. Место, где ты разводишь огонь, — это твоя вторая точка. Затем собери все ветки, какие сможешь, между этими двумя точками и разведи огонь. Сядь на твою первую точку и смотри на огонь. Рано или поздно дух придет, и ты увидишь его.

Если твоя рука совсем не получает тепло после четырех движений, медленно проводи своей рукой с севера на юг, а затем повернись кругом и проводи ее на запад. Если твоя рука получает тепло в любом месте к западу, брось все и беги. Беги вниз на ровное место и не оборачивайся, что бы ты ни услышал или ни почувствовал позади себя. Как только ты достигнешь ровного места, как бы ты ни был испуган, прекрати бежать, падай на землю, снимай свою куртку, подбери ее к животу, и скрутись, как мяч, подогнув колени к животу. Ты должен также закрыть глаза руками, а руки плотно прижать к бедрам. Ты должен оставаться в этом положении до утра. Если ты последуешь этим простым мерам, с тобой не случится никакого вреда.

В случае, если ты не сможешь достичь ровного места вовремя, падай на землю прямо там, где находишься. У тебя будет ужасное время там. Тебя будут изводить, но, если ты сохранишь спокойствие и не будешь двигаться или смотреть, ты выйдешь из этого без единой царапины.

Теперь, если твоя рука не получит тепла совсем, когда ты проводишь ее к западу, снова повернись лицом к востоку и беги в восточном направлении до тех пор, пока хватит дыхания. Остановись там и повтори те же движения. Ты должен продолжать бежать к востоку; повторяй эти движения до тех пор, пока твоя рука не получит тепло.

Дав мне эти инструкции, он заставил повторять меня их до тех пор, пока я не заучил их наизусть. Затем мы сидели в молчании долгое время. Я попытался возобновить разговор пару раз, но он каждый раз заставлял меня молчать повелительным жестом.

Стало темно, когда дон Хуан встал и начал взбираться на холм. Я последовал за ним. На вершине холма я исполнил все движения, которые он описал. Дон Хуан стоял недалеко от меня и сохранял на мне острый взгляд. Я был очень старателен и умышленно медлителен. Я пытался почувствовать какое-либо ощущаемое изменение температуры, но я не мог обнаружить, чтобы ладонь моей руки стала теплой. К этому времени стало совершенно темно, однако, я все же мог бежать в восточном направлении, не натываясь на кусты. Я остановился, когда запыхался, и был не слишком далеко от моей точки отправления. Я чувствовал чрезвычайную усталость и напряжение. Мои предплечья и икры болели.

Я повторил там все требуемые движения и снова получил тот же отрицательный результат. Я бегал в темноте еще два раза, и затем, когда я проводил своей рукой в третий раз, рука стала теплой над точкой к востоку. Это было такое определенное изменение температуры, что я испугался. Я сел и дождался дон Хуана. Я сказал ему, что обнаружил изменение температуры в моей руке. Он велел мне продолжать, и я подобрал все сухие ветки, какие мог найти, и разжег огонь. Он сел в паре футов от меня, слева.

Пламя рисовало необычные танцующие силуэты. Временами пламя становилось радужным; оно вырастало красным, а затем становилось сверкающе белым. Я объяснял эту необычную игру цветов тем, что это производилось какими-то химическими свойствами особых сухих ветвей и веточек, которые я собрал. Другой очень необычной особенностью огня были искры. Новые ветки, которые я продолжал добавлять, создавали чрезвычайно большие искры. Я подумал, что они были подобны теннисным мячам, которые, казалось, взрывались высоко в воздухе.

Я пристально и сосредоточенно смотрел на огонь, таким способом, каким, как я полагал, дон Хуан советовал мне смотреть, и у меня закружилась голова. Он вручил мне свою бутылку из тыквы с водой и показал мне выпить. Вода расслабила меня и придала мне восхитительное чувство бодрости.

Дон Хуан наклонился вперед и прошептал мне на ухо, что я не должен пристально смотреть на пламя, а только наблюдать в направлении огня. Мне стало очень холодно и сыро после того, как я наблюдал почти час. В момент, когда я собирался наклониться и подобрать ветки, что-то, подобное мотыльку или пятнышку в моей сетчатке, пронеслось передо мной справа налево между мной и огнем. Я немедленно отшатнулся. Я взглянул на дон Хуана, и он показал мне движением своего подбородка опять смотреть на пламя. Момент спустя та же тень пронеслась в противоположном направлении.

Дон Хуан поспешно встал и начал накладывать мусор на вершину горящих веток, пока совершенно не погасил пламя. Он выполнил тушение костра с громадной скоростью. Ко времени, когда я двинулся, чтобы помочь ему, он уже кончил. Он набросал грязь на верх тлеющих веток, а затем потащил меня вниз к выходу из долины. Мы шли очень быстро. Он не оборачивался и не позволял мне заговорить вовсе.

Когда мы добрались до моей машины часы спустя, я спросил его, что это была за вещь, которую я видел. Он повелительно потряс головой, и мы поехали в полном молчании.

Когда мы подъехали к его дому рано утром, он пошел прямо внутрь и снова не позволил мне говорить.

Дон Хуан сидел снаружи возле своего дома. Он, казалось, ждал, когда я проснусь, потому что он заговорил, как только я вышел из дома. Он сказал, что тень, которую я видел предыдущей ночью, был дух, силы которого принадлежит особому месту, где я видел его. Он сказал, что это особое существо бесполезно.

— Оно только живет там, — сказал он. — оно не имеет секретов силы, поэтому не было смысла оставаться там. Ты видел только быстро мелькнувшую тень, проходящую взад и вперед всю ночь. Однако, есть другие виды существ, которые могут дать тебе секреты силы, если тебе посчастливится найти их.

Затем мы съели утренний завтрак и совсем не говорили. После еды мы сели перед его домом.

— Есть три вида существ, — сказал он внезапно, — те, которые не могут дать ничего, потому что они не имеют ничего, что бы они могли дать, те, которые могут только вызывать страх, и те, которые имеют способности. То, что ты видел прошлой ночью, было молчаливо; оно не может ничего дать, это только тень. Большую часть времени, однако, другой тип существ связывается с молчаливым существом — отвратительный дух, чье единственное качество — вызывать страх и который всегда болтается вокруг жилища молчаливого существа. Вот почему я решил быстрее уйти оттуда. Этот злобный тип преследует людей прямо в их домах, и делает жизнь невозможной для них. Я знаю людей, которые были вынуждены съезжать со своих мест из-за них. Но всегда есть люди, которые верят, что они могут многое получить от такого существа, и простой факт, что дух присутствует около дома, не имеет никакого значения. Люди пытаются соблазнить его, или они могут следовать за ним вокруг дома под впечатлением, что он может открыть тайны им. Но единственная вещь, которую получают люди, это пугающее переживание. Я знаю людей, которые поочередно наблюдали одного из этих отвратительных существ, которые преследовали их в их доме. Они наблюдали за духом месяцами; в конце концов кто-нибудь другой должен был вмешаться и вытаскивать людей из их дома; они становились слабыми и истощенными. Поэтому, единственная благоразумная вещь, которую можно сделать по отношению к этому злобному типу, — забыть о нем и оставить его одного.

Я спросил его, как люди соблазняют духа. Он сказал, что люди стараются разгадать сначала, где дух наиболее вероятно появится, а затем они кладут оружие на его пути, в надежде, что он может коснуться оружия, потому что духи любили принадлежности войны. Дон Хуан сказал, что любое существо или любой предмет, которого коснулся дух, по праву становится предметом силы. Однако, злобное существо никогда ничего не касалось, а только производило слуховую иллюзию шума.

Затем я спросил дону Хуана о способе, которым эти духи вызывают страх. Он сказал, что их наиболее простым способом пугать людей было показываться темной тенью в виде человека, который бродит вокруг дома, производя пугающий стук или звуки голосов, или темной тенью, которая неожиданно шатаясь выходит из темного угла.

Дон Хуан сказал, что третий тип духа был настоящим олли, который открывает тайны; этот особый тип живет в уединении, в заброшенных местах, в местах, которые почти недоступны. Он сказал, что человек, который хочет найти одного из этих существ, должен путешествовать далеко и идти к нему сам. В отдаленном и уединенном месте человек должен предпринимать все необходимые меры один. Он должен сидеть у своего костра, и, если увидит тень, он должен немедленно уйти. Однако, он должен остаться, если он неожиданно встретился с другими условиями, такими, как сильный ветер, который гасит его костер и не дает ему возможности разжечь его снова в течение четырех попыток, или если на ближайшем дереве сломается ветка. Ветка должна действительно сломаться и человек должен быть уверен, что это не просто звук ломающейся ветки.

Другими условиями было то, что он должен сознавать о покотившихся камнях или о булыжниках, которые брошены в его огонь, или о каком-нибудь постоянном шуме, и тогда он должен идти в направлении, в котором произошел любой из этих феноменов, пока дух не покажется сам.

Было много способов, которыми такое существо подвергает воина испытанию. Оно могло внезапно выпрыгнуть перед ним в очень угрожающем виде, или оно могло схватить человека сзади и, не давая ему повернуться, держать его связанным часами. Оно могло также свалить дерево на него. Дон Хуан сказал, что это были действительно опасные силы, и, хотя они не могли убить человека лично, они могли вызвать его смерть, напугав его, или действительно позволив предметам упасть на него, или, появившись неожиданно и заставив его споткнуться, сорваться с обрыва.

Он сказал мне, что, если я найду одного из этих существ при неподходящих обстоятельствах, я никогда не должен пытаться бороться с ним, потому что он убьет меня. Он отнимет мою душу. Поэтому я должен броситься на землю и терпеть его до утра.

— Когда человек сталкивается с олли, дарителем тайн, он должен собрать все свое мужество и схватить его, прежде чем тот схватит его, или преследовать его, прежде чем тот начнет преследовать его. Преследование должно быть неотступным, и тогда происходит борьба. Человек должен прижать духа к земле и держать его до тех пор, пока тот не даст ему силу.

Я спросил его, были ли эти силы материальны, если их можно было действительно коснуться. Он сказал, что сама идея о «духе» означала что-то эфемерное для меня.

— Не называй их духами, — сказал он. — называй их олли; называй их необъяснимыми силами.

Он молчал некоторое время, затем лег на спину и подпер голову сложенными руками. Я настаивал и желал узнать, материальны ли эти существа.

— Будь ты проклят, они материальны, — сказал он, помолчав немного. — Когда кто-нибудь борется с ними, они твердые, но это чувство длится только момент. Эти существа полагаются на человеческий страх; поэтому, если человек борется с одним из них, как воин, существо теряет свое напряжение очень быстро, в то время, как человек становится более сильным. Можно действительно поглотить силу духа.

— Какой это вид напряжения? — спросил я.

— Сила. Когда касаешься их, они вибрируют, как будто они готовы разорвать на части. Но это только видимость. Напряжение кончается, когда человек удерживает свою хватку.

— Что происходит, когда они теряют свое напряжение? Становятся ли они подобны воздуху?

— Нет, они просто становятся бессильными. Они, тем не менее, имеют материальность, однако. Но она не похожа ни на что, чего каждый когда-либо касался.

Позже, вечером, я сказал ему, что, возможно, то, что я видел предыдущей ночью, мог быть только мотылек. Он засмеялся и очень терпеливо объяснил, что мотыльки летают взад и вперед только вокруг электрических ламп, потому что лампа не сжигает их крыльев. Пламя, напротив, сжигает их сразу же, как только они подлетают близко к нему. Он также указал, что тень закрывала весь огонь. Когда он упомянул об этом, я вспомнил, что это была действительно очень большая тень и что она действительно закрыла огонь на мгновение. Однако, это произошло так быстро, что я не придавал особого значения этому, вспоминая об этом раньше.

Затем он указал, что искры были очень большие и летели слева. Я и сам это заметил. Я сказал, что, возможно, ветер дул в этом направлении. Дон Хуан ответил, что там совсем не было ветра. Это было верно. Вспоминая мое переживание, я мог вспомнить, что ночь была безветренной.

Другой вещью, которую я совершенно не заметил, был зеленоватый цвет пламени, который я обнаружил, когда дон Хуан показал мне сохранять взгляд на огне, после того, как тень первый раз пересекла поле моего зрения. Дон Хуан напомнил мне об этом. Он также возражал против того, чтобы я называл это тенью /призраком/. Он сказал, что она была круглой и более походила на пузырь.

Два дня спустя, 17 декабря 1969 года, дон Хуан очень небрежным тоном сказал, что я знал все подробности и необходимую технику для того, чтобы пойти в холмы самому и получить предмет силы — ловитель духов. Он побуждал меня отправиться одному и утверждал, что его общество только бы помешало мне.

Я был готов отправиться, когда он, казалось, передумал.

— Ты недостаточно силен, — сказал он. — Я пойду с тобой к подножью холмов.

Когда мы были в небольшой долине, где я видел олли, он изучил с расстояния местность, которую я называл дырой в холмах, и сказал, что мы должны идти еще дальше на юг к дальним горам. Жилище олли было самой дальней точкой, которую мы могли видеть через дыру.

Я посмотрел на расположение, и все, что я мог различить, это голубоватую массу дальних гор. Он повел меня, однако, в юго-восточном направлении, и через несколько часов ходьбы

мы достигли точки, которая, как он сказал, была «достаточно глубокой» в местопребывании олли.

Мы остановились поздно после полудня. Мы сели на камни. Я устал и был голоден; все, что я ел в течение дня, было несколько лепешек и вода. Дон Хуан совершенно внезапно встал, посмотрел на небо и велел мне повелительным тоном выбрать направление, которое было лучшим для меня и убедиться, что я мог вспомнить точку, где мы были в этот момент, чтобы я мог вернуться туда, когда я закончу. Он сказал вновь уверенно, что он будет ждать меня, даже если это займет все мое время.

Я спросил очень тревожно, верил ли он, что дело по добыче ловителя духов могло бы отнять много времени.

— Кто знает? — сказал он, таинственно улыбнувшись.

Я пошел к юго-востоку, обернувшись пару раз, чтобы посмотреть на дона Хуана. Он очень медленно шел в противоположном направлении. Я взобрался на вершину большого холма и посмотрел на дона Хуана еще раз; он был в добрых двухстах ярдах от меня. Он не оборачивался и не смотрел на меня. Я сбежал к подножью в небольшую чашеобразную впадину между холмами и внезапно обнаружил себя одного. Я сел на некоторое время и начал удивляться тому, что я делал здесь. Я почувствовал нелепость поиска ловителя духов. Я взбежал назад на вершину холма, чтобы лучше разглядеть дона Хуана, но я не мог увидеть его нигде. Я побежал к подножью, в направлении, где я последний раз видел его. Я хотел прекратить все дело и уехать домой. Я чувствовал себя совершенно оцепеневшим и уставшим.

— Дон Хуан! — кричал я снова и снова.

Его нигде не было видно. Я снова взбежал на вершину другого высокого холма; я не увидел его и оттуда также. Я бегал везде, высматривая его, но он исчез. Я вернулся и пришел назад к первоначальному месту, где он оставил меня. У меня была нелепая уверенность, что я найду его сидящим там и смеющимся над моей непоследовательностью.

— В какой ад я попал?

Я знал тогда, что не было способа остановить все то, что я делал там. Я действительно не знал, как вернуться к моей машине. Дон Хуан много раз изменял направление, а основной ориентации на четыре точки было недостаточно. Я испугался, что заблужусь в горах. Я сел, и в первый раз в своей жизни я имел необычное чувство, что действительно не было пути вернуться к исходной точке отправления. Дон Хуан говорил, что я всегда настаивал на отправной точке, которую я называл началом, тогда как в действительности начала не существует. И там, среди этих гор, я почувствовал, что я понял то, что он имел в виду. Это было так, как будто исходная точка всегда была мной самим, как будто дон Хуан никогда в действительности не было там; и когда я высматривал его, он стал тем, чем он в действительности был — маленьким образом, который исчез за холмом.

Я услышал тихий шелест листьев, и необычный аромат окружил меня. Я почувствовал ветер давлением на мои глаза, подобно осторожному жужжанию. Солнце собиралось скрыться за плотными тучами над горизонтом, которые выглядели подобно густо окрашенной оранжевой стае, когда оно исчезало за тяжелым покровом низких туч; момент спустя оно появилось снова, как темно-красный шар, плывущий в дымке. Оно, казалось, боролось некоторое время, чтобы войти в клочок голубого неба, но тучи как будто не давали солнцу времени, а затем оранжевая стая и темные силуэты гор, казалось, поглотили его.

Я лег на спину. Мир вокруг меня был таким спокойным, таким безмятежным, но, в то же самое время, таким чуждым, что я почувствовал себя подавленным. Я не хотел плакать, но слезы покатились сами.

Я оставался в этом положении несколько часов. Я был почти неспособен встать. Камни подо мной были твердыми, и прямо там, где я лежал, была редкая растительность, в контраст с сочными зелеными кустами везде вокруг. Оттуда, где я был, я мог видеть верхушки высоких деревьев на восточных холмах.

Наконец, стало совершенно темно. Я почувствовал себя лучше; в действительности, я чувствовал себя почти счастливым. Для меня полутьма была намного более поучительной и защищающей, чем безжалостный дневной свет.

Я встал, влез на вершину небольшого холма и начал повторять движения, которым дон Хуан научил меня. Я пробегал к востоку семь раз, и только тогда я заметил изменение температуры в моей руке. Я развел огонь и стал внимательно наблюдать, как советовал дон Хуан, рассматривая каждую деталь. Прошли часы, и я начал чувствовать себя очень уставшим и замерзшим. Я собрал целую кучу сухих веток; я поддерживал огонь и подвинулся к нему ближе. Бодрствование было таким усердным и таким напряженным, что оно изнурило меня, и я начал клевать носом. Я дважды засыпал и просыпался только тогда, когда моя голова качалась в сторону. Я был таком сонным, что не мог больше наблюдать за

огнем. Я попил воды и даже побрызгал ею на лицо, чтобы не спать. Мне удалось побороть мою сонливость только на короткое время. Я стал каким-то унылым и раздраженным; я чувствовал себя крайне беспомощным существом там, и это вызвало во мне ощущение иррационального растроя и уныния. Я был усталым, голодным, сонным и нелепо раздраженным самим собой. Наконец, я отказался бороться со сном. Я добавил побольше сухих веток в костер и лег спать. Погоня за олми и ловителем духов была в этот момент наиболее нелепым и чуждым стремлением. Я был таким сонным, что не мог даже думать или разговаривать с собой. Я заснул.

Внезапно я был разбужен громким треском. Казалось, что шум, чем бы он ни был, раздался как раз над моим левым ухом, так как я лежал на правом боку. Я сел, совершенно проснувшись. Мое левое ухо гудело и было оглушено близостью и силой звука.

Я, должно быть, спал только короткое время, судя по количеству сухих веток, которые все еще горели в костре. Я не слышал никаких других шумов, но оставался настороженным и поддерживал огонь.

В моем уме промелькнула мысль, что, возможно, меня разбудил дальний выстрел; возможно, кто-то рядом следил за мной и выстрелил в меня. Эта мысль стала очень мучительной и вызвала поток рациональных страхов. Я был уверен, что какие-то люди владели этой землей, и, если это было так, они могли принять меня за вора и убить меня, или они могли убить меня, чтобы ограбить, не зная, что у меня нет ничего. Я переживал момент ужасного беспокойства за свою безопасность. Я почувствовал напряжение в своих плечах и шее. Я подвигал головой вверх и вниз: кости моей шеи производили трескающий звук. Я все еще смотрел в огонь, но не видел ничего необычного в нем и не слышал больше никаких шумов.

После того, как я немного расслабился, мне пришло на ум, что, возможно, причиной всего был дон Хуан. Я быстро стал убежден, что это так и было. Эта мысль заставила меня рассмеяться. У меня возник новый поток рациональных мыслей и заключений, на этот раз веселых. Я подумал, что дон Хуан должно быть подозревал, что я мог передумать относительно того, чтобы остаться в горах, или он, должно быть, видел, что я бежал следом за ним, и спрятался в скрытой пещере или за кустом. Затем он последовал за мной и, заметив, что я заснул, разбудил меня треском ветки около моего уха. Я добавил еще веток в огонь и начал осматриваться вокруг как бы случайно и незаметно, чтобы увидеть, не могу ли я заметить его, даже хотя я знал, что, если он скрывался поблизости, я не смог бы обнаружить его.

Все было совершенно спокойно: сверчки, ветер, объезжающий деревья на склонах холмов, окружающих меня, тихий, потрескивающий звук веток, охваченных огнем. Искры летели вокруг, но это были только обычные искры.

Внезапно я услышал громкий шум от ветки, сломанной пополам. Звук исходил слева от меня. Я затаил дыхание, так как я слушал с предельным вниманием. Мгновение спустя я услышал треск другой ветки справа от меня.

Затем я услышал слабый, отдаленный звук ломаемых веток, как будто кто-то шагнул по ним и ломал их. Звуки были обильные и полные, они были отчетливые. Они также, казалось, приближались ко мне. У меня была очень замедленная реакция, и я не знал, слушать ли мне или вставать. Я обдумывал, что делать, когда внезапно звуки ломающихся веток стали везде вокруг меня. Я был поглощен ими так быстро, что едва успел вскочить на ноги и закидать костер.

Я побежал вниз по склону в темноту. В моем уме промелькнула мысль, когда я бежал сквозь кусты, что там не было ровного места. Я бежал и пытался предохранить мои глаза от веток. Я пробежал полпути вниз к подножью холма, когда почувствовал что-то позади меня, что почти касалось меня. Это была не ветка; это было что-то, что я интуитивно чувствовал и что догоняло меня. Осознание этого заставило меня похолодеть. Я скинул свою куртку, скатал ее в узел к животу, поджал ноги и закрыл глаза руками, как предписывал дон Хуан. Я замер в этом положении на короткое время, когда понял, что все вокруг меня было безжизненно тихо. Не было никаких звуков. Я чрезвычайно встревожился. Мускулы моего живота сокращались и дрожали в судорогах. Затем я услышал другой треснувший звук. Он, казалось, пришел издалека, но он был совершенно ясным и отчетливым. Он случился еще раз, ближе ко мне. Наступил момент тишины, а затем что-то взорвалось как раз над моей головой. Неожиданность этого шума заставила меня невольно вздрогнуть, и я почти опрокинулся на спину. Это был определенно звук ветки, сломанной пополам. Звук раздался так близко, что я слышал шелест листьев на ветке, когда она лопалась.

Затем последовал град ломающихся взрывов; ветки лопались с большой силой везде вокруг меня. В этот момент у меня была несоответствующая реакция на это необыкновенное явление: вместо того, чтобы ужаснуться, я засмеялся. Я искренне подумал, что я нашел

причину происходящего. Я был убежден, что дон Хуан снова шутил надо мной. Ряд логических заключений закрепил мою уверенность; я почувствовал приподнятое настроение. Я был уверен, что я мог схватить этого хитрого старого дона Хуана в следующей его хитрости. Он был около меня, ломая ветки, и знал, что я не отважусь поднять глаза; он был в безопасности и был волен делать то, что он хотел.

Я представил себе, что он был один в горах, так как я был с ним постоянно несколько дней. У него не было ни времени, ни возможности вовлечь каких-нибудь сотрудников. Если он прятался, как я думал, он прятался один, и, логически, он мог производить только ограниченное количество шумов. Так как он был один, шумы должны были происходить в линейной последовательности во времени, то есть одновременно один, или, самое большее, два или три одновременно. Кроме того, разнообразие шумов также должно было быть ограничено механикой одного человека. Я был абсолютно уверен, так как я оставался прижатым к земле и спокойным, что все испытание было игрой и что единственный способ выйти победителем из этого — эмоционально удалить себя из этого. Я положительно наслаждался этим. Я поймал себя на том, что радовался мысли, что я мог предвидеть следующее движение моего противника. Я старался представить себе, что бы следующее сделал я на месте дона Хуана.

Звук чего-то чмокающего вытряхнул меня из моего ментального упражнения. Я напряженно прислушался; звук повторялся снова и снова; я не мог определить, что это такое. Он звучал, как будто какое-то животное хлупало воду. Он раздался снова очень близко. Этот раздражающий звук напоминал мне хлупающий звук изо рта юной девушки, жующей резинку. Я был удивлен, как дон Хуан мог производить такой звук, когда звук повторился снова, придя справа. Сначала был единственный звук, а затем я услышал ряд хлупающих, шлепающих звуков, как будто кто-то ходил по грязи. Шумы прекратились на момент, а затем раздался еще раз очень близко слева, возможно, только в десяти футах от меня. Это был почти ощущаемый, раздражающий звук шагов, шлепающих по глубокой грязи. Теперь звук был такой, как будто кто-то тяжелый бегал рысью в сапогах по грязи. Я удивился богатству звуков. Я не мог представить себе какого-либо примитивного изобретения, которое я сам мог бы использовать, чтобы производить такой звук. Я услышал новый ряд бегающих, хлупающих звуков у себя за спиной, а затем они раздался все сразу, со всех сторон. Кто-то, казалось, ходил, бегал, носился по грязи вокруг меня.

Логическое сомнение пришло мне на ум. Если все это производил дон Хуан, он должен был бегать кругами с невероятной скоростью. Быстрота звуков делала эту альтернативу невозможной. Тогда я подумал, что дон Хуан должен был иметь сообщников, в конце концов. Я хотел вывести предположение, кем могли быть его сообщники, но интенсивность звуков захватила все мое внимание. В действительности, я не мог думать ясно, однако, я не был испуган; я, возможно, был только ошеломлен необычным свойством звуков. Хлупанья действительно вибрировали. Фактически, их странные вибрации, казалось, были направлены в мой живот, или, возможно, я воспринимал их вибрации нижней частью своего живота.

Это осознание повлекло за собой немедленную потерю моего чувства объективности и равнодушия. Звуки нападали на мой живот! У меня возник вопрос: «что, если это не дон Хуан?» — испугался я. Я напряг мускулы живота и плотно подогнул бедра к узлу моей куртки.

Звуки возросли по числу и скорости, как будто они знали, что я потерял свою уверенность; их вибрации были такими интенсивными, что меня тошнило. Я боролся с чувством тошноты. Я перевел дух и начал петь мои пейотные песни. Меня стошнило, и хлупающие звуки сразу же прекратились; звуки сверчков, ветра и дальний лай койотов наложились на все. Внезапный перерыв позволил мне передохнуть, и я пригляделся к себе. Только незадолго до этого я был в лучшем расположении духа, самонадеянный и в стороне; очевидно, я потерпел жалкую неудачу в оценке ситуации. Даже если у дона Хуана были сообщники, для них было механически невозможно произвести звуки, которые воздействовали на мой живот. Чтобы производить звуки такой интенсивности, им было бы необходимо приспособление за пределами их средств и их понимания. Очевидно, необыкновенное явление, которое я переживал, не было игрой и «еще одной шуткой дона Хуана» — эта теория была только моим примитивным объяснением.

У меня были судороги и неодолимое желание опрокинуться и протянуть ноги. Я решил передвинуться вправо для того, чтобы отвернуться от места, где меня стошнило. Мгновение спустя, когда я начал ползти, я услышал очень мягкий скрип прямо над моим левым ухом. Я застыл на месте. Скрип повторился с другой стороны моей головы. Это был единственный звук. Я подумал, что он походил на скрип двери. Я ждал, но не слышал больше ничего, поэтому я решил двинуться снова. Как только я начал передвигать осторожно свою голову

вправо, я почти подпрыгнул. Поток скрипов поглотил меня сразу. Они были подобны иногда скрипу дверей, а в другой раз походили на пiski крыс или морских свинок. Они не были громкими или сильными, но были очень мягкими и подкрадывающимися и вызывали мучительные спазмы тошноты во мне. Они прекратились, как и начались, убывая постепенно, пока я не мог слышать только один или два из них одновременно.

Затем я услышал что-то подобное крыльям большой птицы, пронесшейся над верхушками кустов. Оно, казалось, летало кругами над моей головой. Мягкие скрипы начали возрастать снова, и так же возрастало хлопанье крыльев. Над моей головой, казалось, было что-то, подобное стае гигантских птиц, махавших своими мягкими крыльями. Оба звука слились, производя охватывающую волну вокруг меня. Я почувствовал, что плавал, взвешенный в огромной волнообразной пульсации. Скрипы и хлопанье были такими плавными, что я мог чувствовать их всем телом. Хлопанье крыльев стаи птиц, казалось, подтягивало меня вверх, в то время, как пiski крыс, казалось, толкали меня снизу и вокруг моего тела.

Я уже не сомневался, что, благодаря своей неуместной глупости, я спустил с привязи что-то ужасное на себя. Я стиснул зубы и, глубоко вздохнув, запел пейотные песни.

Звуки продолжались очень долгое время, и я сопротивлялся им со всей своей силой. Когда они умолкли, снова наступила «тишина», такая, какой я привык воспринимать тишину, то есть я мог обнаружить только естественные звуки насекомых и ветра. Это время тишины было для меня более вредным, чем время шумов. Я начал думать и оценивать мое положение, и мое обдумывание бросило меня в панику. Я знал, что я погиб; у меня не было ни знания, ни выносливости, чтобы отразить то, что приставало ко мне. Я был совершенно беспомощен, припав к земле над своей собственной рвотой. Я подумал, что пришел конец моей жизни, и заплакал. Я хотел подумать о своей жизни, но не знал, с чего начать. Ничто из того, что я делал в своей жизни, не было в действительности достойно этого последнего конечного выражения, поэтому мне не о чем было думать. Это было острое осознание. Я изменился с тех пор, как последний раз переживал подобный испуг. На этот раз я был более пустой. Я имел меньше личных чувств, чтобы унести с собой.

Я спросил себя, что сделал бы воин в подобном положении, и пришел к различным заключениям. Что-то чрезвычайно важное было вокруг моей пупочной области; в звуках было что-то сверхестественное — они были нацелены на мой живот; и мысль, что дон Хуан обманывал меня, была совершенно несостоятельна.

Мышцы моего живота были очень напряжены, хотя у меня не было больше никаких судорог. Я продолжал петь и глубоко дышать, и почувствовал успокаивающее тепло, заполняющее все мое тело. Мне стало ясно, что, если я собираюсь выжить, я должен продолжать так, как меня учил дон Хуан. Я повторил его инструкции в уме. Я помнил точную точку, где солнце скрылось за горами в отношении к холму, где я был, и к месту, где я упал на землю. Я переориентировался и, когда я убедился, что моя оценка основных точек была правильной, начал менять свое положение, чтобы моя голова указывала в новом, «лучшем» направлении, на юго-восток. Я медленно начал передвигать свои ноги влево, дюйм за дюймом, пока я не подогнул их в икрам. Затем я начал выравнивать свое тело ногами, но как только я начал переползать горизонтально, я почувствовал необычный толчок; у меня было действительно физическое ощущение какого-то прикосновения к незакрытой поверхности задней стороны моей шеи. Это случилось так быстро, что я невольно вскрикнул и снова замер. Я напряг мышцы моего живота и начал глубоко дышать, и запел мои пейотные песни. Мгновение спустя я еще раз почувствовал такой же легкий удар по своей шее. Я съежился. Моя шея не была закрыта, и я не мог ничего сделать, чтобы защитить себя. По мне снова постучали. Моей шее касался очень мягкий, почти шелковистый предмет, подобно меховой лапке громадного кролика. Он коснулся меня снова, а затем он начал пересекать мою шею взад и вперед до тех пор, пока у меня не выступили слезы. Это было так, как будто стадо молчаливых, мягких, невесомых кенгуру ступали ногами по моей шее. Я мог узнать мягкий большой палец их лап, когда они нежно ступали по мне. Это вовсе не было болезненным ощущением, но, тем не менее, это раздражало. Я знал, что, если я не займусь каким-нибудь делом, я сойду с ума, вскочу и побегу. Поэтому я медленно начал снова маневрировать своим телом в новое положение. Моя попытка двинуться, казалось, усилила похлопывание по моей шее. Оно, наконец, достигло такого бешенства, что я дернулся всем своим телом и сразу выровнял его в новом направлении. У меня не было никакой мысли относительно результата моего действия. Я просто действовал, чтобы защититься от полного буйного сумасшествия.

Как только я изменил направление, похлопывание по моей шее прекратилось. После долгой, мучительной паузы я услышал ломающиеся в отдалении ветки. Шум не приближался. Он как будто отступал в другое положение далеко от меня. Звук трескавшихся веток через мгновение слился со звуком сорванных, шелестевших листьев, как будто

сильный ветер пронесся по всему холму. Все кусты вокруг меня, казалось, затрепетали, однако, ветра не было. Шелестящий звук и треск веток вызвал во мне чувство, что весь холм был в огне. Мое тело было твердым, как камень. Я сильно вспотел. Я начал чувствовать себя все теплее и теплее. В этот момент я был совершенно убежден, что холм горел. Я не вскочил и не побежал, потому что я так оцепенел, что был парализован; фактически, я не мог даже открыть глаза. Все, что имело значение для меня в этот момент, это вскочить и убежать от огня. У меня в животе были ужасные спазмы, которые начали отрезать мне поглощение воздуха. Мне стало очень трудно дышать. После долгой борьбы я был способен снова глубоко дышать и мог также заметить, что шелест утих; был только время от времени потрескивающий звук. Звук ломающихся веток становился все более и более отдаленным и спорадическим, пока совершенно не прекратился.

Я мог открыть глаза. Я посмотрел сквозь полуоткрытые веки на землю перед собой. Был уже рассвет. Я долгое время ждал, не двигаясь, а затем начал вытягивать свое тело. Я перекатился на спину. На востоке над холмами было солнце. У меня заняло часы выпрямить ноги и потащиться вниз по склону. Я пошел к месту, где дон Хуан покинул меня, которое было, возможно, только в миле; к полудню я был только на опушке леса, все еще в доброй четверти мили от него.

Я не мог больше идти, но не по какой-нибудь причине. Я подумал о горных львах и попытался взобраться на дерево, но мои руки не могли удержать мой вес. Я прислонился к скале и примирился с мыслью умереть здесь. Я был убежден, что стану пищей для горных львов или других хищников. У меня не было силы даже бросить камень. Я не был голоден и не хотел пить. Около полудня я нашел маленький ручеек и выпил много воды, но вода не помогла мне восстановить силы. Так как я сидел там в совершенной беспомощности, я чувствовал себя больше подавленным, чем испуганным. Я был таким уставшим, что не заботился о своей судьбе и заснул.

Я проснулся от какой-то встряски. Дон Хуан склонился надо мной. Он помог мне сесть и дал мне воды и жидкой каши. Он засмеялся и сказал, что я жалко выглядел. Я попытался рассказать ему о том, что случилось, но он не стал слушать и сказал, что я не заметил свою отметку — место, где я предполагал встретиться с ним, было в сотне ярдов в стороне. Затем он почти понес меня вниз. Он сказал, что он вел меня к большому потоку и собирался искупать меня в нем. По пути он заткнул мне уши какими-то листьями, которые были у него в сумке, а затем завязал мне глаза, наложив по одному листу на каждый глаз и примотав из куском ткани. Он заставил меня снять одежду и велел мне положить руки на глаза и уши, чтобы быть уверенным, что я не мог видеть и слышать ничего.

Дон Хуан натер мое тело листьями, а затем сбросил меня в реку. Я почувствовал, что это была большая река. Было глубоко. Я стоял и не мог достать дна. Дон Хуан держал меня за правый локоть. Сначала я не почувствовал холода воды, но мало-помалу я начал застывать, а затем холод стал нестерпимым. Дон Хуан вытащил меня и обтер какими-то листьями, которые имели специфический запах. Он одел меня и повел прочь; мы прошли большое расстояние прежде, чем он снял листья с моих глаз и из моих ушей. Дон Хуан спросил меня, чувствую ли я себя достаточно сильным, чтобы вернуться к своей машине. Была странная вещь: я чувствовал себя очень сильным. Я даже взбежал на крутой холм, чтобы удостовериться в этом.

По пути к своей машине я находился очень близко к дону Хуану. Я спотыкался множество раз, а он смеялся. Я заметил, что его смех был особенно укрепляющим, и он стал центральной точкой моего пополнения силы: чем больше он смеялся, тем лучше я себя чувствовал.

На следующий день я рассказал дону Хуану последовательность событий со времени, когда он оставил меня. Он смеялся все время при моем отчете, особенно когда я рассказал ему, что я думал, что это была одна из его хитростей.

— Ты всегда думаешь, что над тобой шутят, — сказал он. — ты веришь себе слишком много. Ты действуешь так, как будто ты знаешь все ответы. Ты не знаешь ничего, мой маленький друг, ничего.

В первый раз дон Хуан назвал меня «маленьким другом». Это захватило меня врасплох. Он заметил это и улыбнулся. В его голосе была огромная теплота, и это заставило меня сильно опечалиться. Я сказал ему, что я был беззаботным и неспособным потому, что это была врожденная склонность моей личности, и что я никогда не пойму его мира. Я чувствовал себя глубоко взволнованным. Он был очень ободрен и заявил, что я сделал хорошо.

Я спросил его о значении моего переживания.

— Это не имело значения, — ответил он. — та же самая вещь могла случиться с каждым, особенно с подобным тебе, кто имеет свой просвет уже открытым. Это очень обычно. Любой

воин, который отправляется на поиски олли, расскажет тебе об их действиях. То, что они делали с тобой, было мягким. Однако, твой просвет открыт, и вот почему ты такой нервный. Никто не может превратиться в воина сразу. Теперь ты должен отправляться домой и не возвращаться до тех пор, пока не излечишься и пока твой просвет не закроется.

17

Я не возвращался в Мексику несколько месяцев; я использовал это время, чтобы работать над своими записями, и впервые за 10 лет, с тех пор, как начал ученичество, учение дона Хуана начало приобретать реальный смысл. Я чувствовал, что долгие периоды времени, когда я должен был оставаться вдалеке от ученичества, производили очень отрезвляющее и благотворное действие на меня; они предоставляли мне возможность проверить сведения и расположить их в интеллектуальном порядке, свойственном моему воспитанию и интересу. Однако, события, которые имели место в мой последний визит на поле действия, указывали на ошибочность моего оптимизма по отношению к пониманию знания дона Хуана.

Я сделал последнюю запись в своих заметках 16 октября 1970 года. События, которые имели место в этом случае, отметили переходный период. Они не только закрыли цикл обучения, но они также открыли новый цикл, который так сильно отличался от того, что я делал до сих пор, что я чувствую, что это точка, где я должен кончить мой репортаж.

Когда я приблизился к дому дон Хуана, я увидел его сидящим на его обычном месте под рамада под дверью. Я поставил машину в тени дерева, взял свой портфель и чемодан с бакалейными товарами из машины и подошел к нему, громко поздоровавшись с ним. Затем я заметил, что он был не один. Позади высокой кучи дров сидел другой человек. Они оба смотрели на меня. Дон Хуан помахал мне рукой и так же сделал другой человек. Судя по его наряду, он не был индейцем, а был мексиканцем с юго-запада. Он был одет, как левис: в бежевую рубашку, техасскую ковбойскую шляпу и ковбойские ботинки.

Я заговорил с доном Хуаном и затем посмотрел на человека: он улыбался мне. Я пристально смотрел на него некоторое время.

— Здесь маленький Карлос, — сказал человек дону Хуану, — И он совсем не разговаривает со мной. Не говори мне, что он сердит на меня!

Прежде, чем я мог сказать что-нибудь, они оба разразились смехом, и только тогда я понял, что незнакомец был дон Хенаро.

— Ты не узнал меня, да? — спросил он, все еще смеясь.

Я должен был признаться, что его наряд сбил меня с толку.

— Что ты делаешь в этой части мира, дон Хенаро? — спросил я.

— Он прибыл насладиться теплым воздухом, — сказал дон Хуан. — не правда ли?

— Верно, — вторил дон Хенаро. — Ты не представляешь, что может сделать теплый воздух для тела старого человека, подобного мне.

Я сел между ними.

— Что делает он с твоим телом? — спросил я.

— Теплый ветер говорит необычайные вещи моему телу, — сказал он.

Он повернулся к дону Хуану и глаза его заблестели.

— Не так ли?

— Дон Хуан кивнул ему головой утвердительно.

Я сказал им, что это время горячих ветров санта-ана было худшей частью года для меня и поэтому очень странно, что дон Хенаро приехал искать теплый ветер, в то время как я убежал от него.

— Карлос не переносит жары, — сказал дон Хуан дону Хенаро. — когда наступает жара, он становится, как ребенок, и задыхается.

— За... Что?

— За... дышется.

— Мой бог! — сказал дон Хенаро, прикинувшись обеспокоенным, и сделал жест отчаяния, который был неопишимо забавным.

Затем дон Хуан объяснил ему, что меня не было несколько месяцев из-за неудачного случая с олли.

— Итак, ты наконец столкнулся с олли! — сказал дон Хенаро.

— Я думаю, да, — сказал я осторожно.

Они громко расхохотались. Дон Хенаро два или три раза похлопал меня по спине. Это было легкое похлопывание, которое я воспринял, как дружеское выражение участия. Он задержал свою руку на моем плече и посмотрел на меня, и я почувствовал спокойную удовлетворенность, которая длилась только момент, а затем дон Хенаро сделал со мной что-то необъяснимое. Я внезапно почувствовал, что он положил валун на мою спину. У меня

было ощущение, что он увеличил вес своей руки, которая лежала на моем правом плече, так, что он заставил меня согнуться вниз и удариться головой о землю.

— Мы должны помочь Карлуше, — сказал дон Хенаро и бросил заговорщический взгляд на дона Хуана.

Я снова выпрямился и повернулся к дону Хуану, но он смотрел в сторону. У меня возникло колебание и досадная мысль, что дон Хуан вел себя так, как будто он был в стороне, отдельно от меня. Дон Хенаро смеялся; он, казалось, ждал моей реакции.

Я попросил его положить свою руку на мое плечо еще раз, но он не хотел делать этого. Я убеждал его по крайней мере объяснить мне, что он делал со мной. Он довольно посмеивался. Я снова повернулся к дону Хуану и сказал ему, что вес руки дона Хенаро едва не раздавил меня.

— Я ничего не знаю об этом, — сказал дон Хуан самым комическим тоном. — он не клал свою руку на мое плечо.

— Тут они оба расхохотались.

— Что ты делал со мной, дон Хенаро? — спросил я.

— Я просто положил свою руку на твое плечо, — сказал он невинно.

— Положи ее снова, — сказал я.

Он отказался. Дон Хуан вступил в этом месте и попросил меня описать дону Хенаро то, что я ощущал в моем последнем переживании. Я подумал, что он хотел, чтобы я добросовестно описал то, что происходило со мной, но чем серьезнее становилось мое описание, тем больше они смеялись. Я останавливался два или три раза, но они убеждали меня продолжать.

— Олли явился к тебе, не считаясь с твоими чувствами, — сказал дон Хуан, когда я кончил свое повествование. — я имею в виду, что ты не сделаешь ничего, чтобы соблазнить его. Ты можешь сидеть, бездельничая или думая о женщинах, а затем внезапно — легкий удар по твоему плечу, ты поворачиваешься — и олли стоит перед тобой.

— Что я могу сделать, если случается что-то, подобное этому? — спросил я.

— Эй! Эй! Подожди минутку! — сказал дон Хенаро. — это нехороший вопрос. Не спрашивай о том, что ты можешь сделать, — Очевидно, что ты не можешь сделать ничего. Спроси о том, что может сделать воин.

Он повернулся ко мне, прищурившись. Его голова слегка наклонилась вправо, а его рот сморщился.

Я посмотрел на дона Хуана, чтобы он намекнул мне, не было ли это положение шуткой, но он сохранял непроницаемое лицо.

— Хорошо! — сказал я. — что может сделать воин?

Дон Хенаро прищурился и зачмокал своими губами, как будто ища подходящие слова. Он взглянул на меня пристально, поддерживая свой подбородок.

— Воин мочит в свои штаны, — сказал он с индейским спокойствием.

Дон Хуан закрыл свое лицо, а дон Хенаро хлопнулся на землю, разразившись воющим смехом.

— Испуг — это нечто такое, отчего никогда нельзя навсегда избавиться, — сказал дон Хуан, когда смех утих. — Когда воин попадает в такое трудное положение, он просто повернется к олли спиной, не думая дважды. Воин не может потакать себе, поэтому он не может умереть от испуга. Воин позволяет олли прийти только тогда, когда он в хорошей форме и готов. Когда он достаточно силен, чтобы сразиться с олли, он открывает свой просвет, выманивает олли, хватает его, держит его прижатым к земле и сохраняет свой пристальный взгляд на нем ровно столько, сколько ему надо; затем он отводит свои глаза, освобождает олли и отпускает его. Воин, мой дружок, — это мастер в любое время.

— Что случится, если ты будешь слишком долго пристально смотреть на олли? — спросил я.

Дон Хенаро посмотрел на меня и изобразил комический жест высматривания.

— Кто знает? — сказал дон Хуан. — может быть, Хенаро расскажет тебе, что случилось с ним.

— Может быть, — сказал дон Хенаро и захихикал.

— Ты расскажешь мне, пожалуйста?

Дон Хенаро встал, потрещал костями, выпрямляя свои руки, и открыл свои глаза до такой степени, что они стали круглыми и выглядели безумно.

— Хенаро собирается произвести дрожь пустыни, — сказал он и пошел в чапараль.

— Хенаро решил помочь тебе, — сказал дон Хуан доверительным тоном. — он делал то же самое для тебя в своем доме, и ты почти видел.

Я подумал, что он ссылался на то, что случилось у водопада, но он говорил о таинственных грохочущих звуках, которые я слышал у дома дона Хенаро.

— Между прочим, что это было? — спросил я. — мы смеялись над этим, но ты никогда не объяснял мне, что это было.

— Ты никогда не спрашивал.

— Спрашивал.

— Нет. Ты спрашивал меня обо всем, за исключением этого.

Дон Хуан обвиняюще посмотрел на меня.

— Да.

— Это было искусство Хенаро, — сказал он. — только Хенаро может делать это. Ты почти видел тогда.

Я сказал ему, что мне никогда не приходило в голову связать «виденье» с необычными шумами, которые я слышал тогда.

А почему ты не связывал? — спросил он решительно.

— «Видеть» — это значит глазами для меня, — сказал я.

Он рассматривал меня некоторое время, как будто со мной было что-то не так.

— Я никогда не говорил, что «виденье» — это только глазами, — сказал он, покачивая с недоверием головой.

— Как он делает это? — настаивал я.

— Он уже сказал тебе, как он делает это, — резко сказал дон Хуан.

В этот самый момент я услышал необычайный грохот.

Я вскочил, а дон Хуан начал смеяться. Грохот был подобен грому лавины. Прислушавшись к нему, я сделал забавное заключение, что воспринимаемые мною звуки определенно происходили в кино. Низкий гул, который я слышал, походил на звуковой трюк кино, когда целая сторона горы рушится в долину.

Дон Хуан держался за бока, как будто они болели от смеха. Грохочущий гуд потрясал землю, где я стоял. Я отчетливо услышал удар чего-то, что, казалось, было увесистым булыжником, который катился вниз. Я услышал ряд сокрушительных ударов, что создало у меня впечатление, что валун неумолимо катился ко мне. Я испытал момент крайнего замешательства. Мои мускулы напряглись; все мое тело было готово к бегству.

Я взглянул на дона Хуана. Он пристально смотрел на меня. Затем я услышал самый ужасающий удар, какой я когда-либо слышал в моей жизни. Как будто огромный валун приземлился прямо позади дома. Все содрогнулось, и в этот момент у меня возникло наиболее необычное ощущение. На мгновение я действительно «увидел» валун величиной с гору прямо позади дома. Это не было образом, наложенным на картину дома, на который я смотрел. Это также не было видом настоящего булыжника. Это было, скорее, тем, как если бы шум создавал образ валуна, катящегося на своих огромных боках. Я действительно «увидел» шум. Необъяснимый образ моего восприятия привел меня к глубокому отчаянию и замешательству. Никогда в жизни я не представлял себе, что мои чувства могли воспринимать таким образом. На меня напал рациональный страх, и я решил спастись бегством, чтобы сохранить свою жизнь. Дон Хуан схватил меня рукой и повелительно приказал мне не убегать и также не оглядываться, но повернуться лицом в направлении, куда ушел дон Хенаро.

Я услышал следующую серию шумов, которые походили на звук камней, падающих и громоздящихся друг на друга, а затем все снова стало спокойно. Через несколько минут дон Хенаро вернулся и сел. Он спросил, «увидел» ли я. Я не знал, что сказать. Я повернулся к дону Хуану за указаниями. Он пристально смотрел на меня.

— Я думаю, что он «увидел», — сказал он и засмеялся.

Я хотел сказать, что не понимаю, о чем они говорят. Я чувствовал себя ужасно расстроенным. У меня было физическое ощущение возмущения, крайнего неудобства.

— Я думаю, мы оставим его здесь сидеть одного, — сказал дон Хуан.

Они встали и прошли мимо меня.

— Карлос потекает себе в своем замешательстве, — сказал дон Хуан очень громко.

Я оставался один несколько часов и имел время написать свои заметки и обдумать нелепость моего переживания. Думая об этом, мне стало ясно, что с того самого момента, когда я увидел дона Хенаро, сидевшим под рамада, ситуация приняла нелепый вид. Чем больше я раздумывал над этим, тем больше убеждался, что дон Хуан уступил контроль надо мной дону Хенаро, и эта мысль наполнила меня мрачным предчувствием.

Дон Хуан и дон Хенаро вернулись в сумерках. Они сели рядом со мной, сбоку от меня. Дон Хенаро сидел ближе и почти прислонился ко мне. Его худое и хрупкое плечо слегка касалось меня, и я испытывал то же самое чувство, которое у меня было, когда он похлопал меня. Сокрушительная тяжесть навалилась на меня, и я упал на колено дона Хуана. Он помог мне сесть прямо и спросил в шутливом тоне, не пытался ли я уснуть на его колене.

Дон Хенаро, казалось, наслаждался; его глаза блестели. Мне хотелось заплакать. У меня было чувство, что я был подобен животному, которое было загнано в загон.

— Я пугаю тебя, Карлуша? — спросил дон Хенаро, казалось, действительно озабоченно. — Ты выглядишь подобно дикой лошади.

— Расскажи ему сказку, — сказал дон Хуан. — Только это успокаивает его.

Они передвинулись и сели напротив меня. Они оба наблюдали за мной с любопытством. В полутьме их глаза казались зеркальными, как огромные темные лужи воды. Их глаза внушали страх; это не были глаза людей. Мы пристально смотрели друг на друга некоторое время, а затем я отвел свои глаза. Я заметил, что я не боялся их, и, тем не менее, их глаза напугали меня до такой степени, что я задрожал. Я почувствовал очень неудобное замешательство.

Помолчав немного, дон Хуан убедил дону Хенаро рассказать мне о том, что случилось с ним один раз, когда он попробовал пересмотреть своего олли. Дон Хенаро сидел в нескольких футах от меня, лицом ко мне; он ничего не говорил. Я взглянул на него: его глаза, казалось, были в четыре или в пять раз больше обычных человеческих глаз; они сияли и непреодолимо притягивали. То, что, казалось, было светом его глаз, господствовало над всем вокруг него. Тело дон Хенаро, казалось, съежилось и выглядело подобно телу кошки. Я заметил движение его кошачьего тела и испугался. Совершенно автоматически, как будто я делал это всю свою жизнь, я принял «боевую позу» и начал ритмично бить по своей правой икре. Когда я стал сознавать свои действия, я смутился и взглянул на дону Хуана. Он всматривался в меня, как он делал обычно; его глаза были добрыми и успокаивающими. Он громко засмеялся. Дон Хенаро издал мурлыкающий звук, встал и вошел в дом.

Дон Хуан объяснил мне, что дон Хенаро был очень сильным и не любил заниматься пустяками, и что он просто дразнил меня своими глазами. Он сказал, что, как обычно, я знал больше, чем ожидал сам. Он сделал замечание, что каждый, кто был связан с магией, был ужасно опасен в часы сумерек и что маги, подобные дону Хенаро, могли совершать чудеса в это время.

Мы молчали несколько минут, я чувствовал себя лучше. Разговор с доном Хуаном расслабил меня и восстановил мою уверенность. Затем он сказал, что он хотел поесть что-нибудь и что мы собираемся прогуляться для того, чтобы дон Хенаро мог показать мне технику прятанья. Я попросил его объяснить, что он подразумевает под техникой прятанья. Он сказал, что он закончил с объяснением вещей мне, потому что объяснение только усиливало мое потакание себе.

Мы вошли в дом. Дон Хенаро при свете керосиновой лампы пережевывал пищу.

После еды мы трое пошли в густой пустынный чапараль. Дон Хуан шел почти рядом со мной. Дон Хенаро был передо мной, в нескольких ярдах впереди меня.

Была ясная ночь; были тяжелые тучи, но было достаточно лунного света, чтобы ясно представлять себе окружающее. В один момент дон Хуан остановился и сказал мне, чтобы я шел вперед и догонял дону Хенаро. Я заколебался; он нежно подтолкнул меня и заверил, что все хорошо. Он сказал, что я всегда должен быть готов и всегда должен доверять собственной силе.

Я догонял дону Хенаро следующие два часа и пытался поравняться с ним, но как сильно я ни старался, я не мог догнать его. Силуэт дон Хенаро был всегда впереди меня. Иногда он исчезал, как будто прыгал в сторону от тропинки, только чтобы снова появиться впереди меня. Что касалось меня, то это, казалось, была странная, бессмысленная ходьба в темноте. Я шел потому, что я не знал, как вернуться к дому. Я не мог понять, что делал дон Хенаро. Я подумал, что он вел меня к какому-то неясному месту в чапарале, чтобы показать мне технику, о которой говорил дон Хуан. В одном месте, однако, у меня возникло необычное ощущение, что дон Хенаро был позади меня. Я повернулся и мельком увидел человека в некотором отдалении позади меня. Эффект был потрясающим. Я изо всех сил старался увидеть в темноте и верил, что мог различить силуэт человека, стоявшего примерно в пятнадцати ярдах от меня. Фигура почти сливалась с кустами; она как будто хотела скрыться. Я пристально вглядывался момент и мог действительно разобрать силуэт человека в поле моего восприятия, даже хотя он и старался спрятаться за темными очертаниями кустов. Тогда логичная мысль пришла мне в голову: этим человеком должен быть дон Хуан, который должен был следовать за нами все время. Мгновенно я стал убежден, что это было так, я также понял, что я не мог больше различать его силуэт; все, что было передо мной, это неразличимая темная масса пустынного чапарала.

Я пошел к месту, где я видел человека, но не мог никого найти. Дона Хенаро также нигде не было видно, и, так как я не знал дороги, я сел ждать. Через полчаса дон Хуан и дон Хенаро пришли. Они громко звали меня по имени. Я встал и присоединился к ним.

Мы шли к дому в полной тишине. Я приветствовал этот антракт тишины, потому что я чувствовал себя совершенно дезориентированным. Фактически, я чувствовал себя неизвестным самому себе. Дон Хенаро сделал что-то для меня, что-то, что удерживало меня от формулирования моих мыслей тем путем, каим я привык это делать. Мне стало это очевидно, когда я сидел на тропинке. Я автоматически проверил время, когда сел, и затем оставался спокойным, как будто мой ум был выключен. Все же, я сидел в состоянии настороженности, какую я никогда не испытывал прежде. Это было состояние безмыслия, возможно, сравнимое с беззаботностью ко всему. Мир, казалось, был в течение этого времени, в странном равновесии: я ничего не мог добавить к нему и ничего не мог вычестить из него.

Когда мы пришли к дому, дон Хенаро раскатал соломенный мат и лег спать. Я чувствовал необходимость воспроизвести свои переживания дону Хуану. Но он не позволил мне говорить.

13 октября 1970 года.

— Я думаю, что я понял то, что дон Хенаро пытался сделать прошлой ночью, — сказал я дону Хуану.

Я сказал это для того, чтобы вызывать его на разговор. Его постоянные отказы разговаривать лишали меня присутствия духа.

Дон Хуан улыбнулся и медленно покачал головой, как будто соглашаясь со мной. Я должен был принять этот жест как подтверждение, если бы не странный блеск в его глазах. Его глаза как будто смеялись надо мной.

— Ты думаешь, я не понимаю, да? — спросил я непридужденно.

— Я полагаю, да... Понимаешь, на самом деле; ты понимаешь, что Хенаро был позади тебя в то время. Однако, понимание — это не настоящее дело.

Его утверждение, что дон Хенаро был позади меня все время, потрясло меня. Я попросил его объяснить это.

— Твой ум направлен так, что ищет только одну сторону этого, — сказал он.

Он взял сухую ветку и стал двигать ею по воздуху. Он не бросал ее воздух и не рисовал фигуры; то, что он делал, походило на движения, которые он делает своими пальцами, когда вычищает сор из кучи зерна. Его движения были подобны мягкому уколу или царапанью воздуха веткой.

Он обернулся и посмотрел на меня, а я машинально пожал плечами в недоумении. Он стал чертить ближе и повторять свои движения, сделав восемь точек на земле. Он обвел первую точку.

— Ты здесь, — сказал он. — Все мы здесь — это чувство, и мы двигаемся отсюда сюда.

Он описал вторую, которую он начертил прямо над первой точкой. Затем он стал двигать своей веткой взад и вперед между двумя точками, чтобы изобразить тяжелое движение.

— Однако, человек имеет еще шесть точек, которыми он способен управлять, — сказал он. — Большинство людей ничего не знают о них.

Он поместил свою ветку между первой и второй точками и ткнул землю ею.

— Движение между этими двумя точками ты называешь пониманием. Ты делал это всю свою жизнь. Когда ты говоришь, что понимаешь мое знание, ты не делаешь ничего нового.

Затем он соединил некоторые из восьми точек линиями; получилась вытянутая трапецевидная фигура, которая имела восемь центров с неровными лучами.

— Каждая из этих шести оставшихся точек — это мир, точно так же, как чувство или понимание — это два мира для тебя, — сказал он.

— Почему здесь восемь точек? Почему не бесконечное число, как в круге? — спросил я.

Я начертил круг на земле. Дон Хуан улыбнулся.

— Насколько я знаю, есть только восемь точек, которыми человек способен управлять. Возможно, люди не могут превысить этого. И я сказал управлением, не пониманием, что ты получил?

Его тон был таким забавным, что я засмеялся. Он подражал или, скорее, передразнивал мое настаивание на точном употреблении слов.

— Твоя проблема в том, что ты хочешь все понять, а это невозможно. Если ты настаиваешь на понимании, ты не учишь всю свою судьбу, как человеческого существа. Твой камень преткновения цел. Поэтому, ты не сделал почти ничего за все эти годы. Ты, правда, вытряхнулся из своей полной дремоты, но этого можно было достичь при любых других обстоятельствах.

После паузы дон Хуан велел мне подняться, потому что мы собирались к водному каньону. Когда мы садились в мою машину, из-за дома вышел дон Хенаро и присоединился к нам. Мы проехали часть пути, а затем пошли пешком в глубоком ущелье. Дон Хуан выбрал место в тени большого дерева, чтобы отдохнуть.

— Ты однажды упомянул, — начал дон Хуан, — что твой друг сказал, когда вы наблюдали лист, падавший с самой вершины сикомора, что тот же самый лист не упадет снова с того же самого сикомора никогда в вечности, помнишь?

Я вспомнил, что рассказывал ему об этом случае.

— Мы у большого дерева, — продолжал он, — и теперь, если мы посмотрим на другое дерево перед нами, мы можем увидеть лист, падающий с самой вершины. Он указал мне смотреть. На другой стороне оврага было большое дерево, его листья были пожелтевшими и сухими. Он побудил меня движением своей головы сохранять взгляд на дереве. После нескольких минут ожидания с вершины сорвался лист и начал падать на землю; он ударился о другие листья и ветки дерева три раза, прежде чем упал на высокий подлесок.

— Ты видел его?

— Да.

— Ты скажешь, что тот же самый лист никогда снова не упадет с того же самого дерева, правда?

— Правда.

— Насколько ты понимаешь — это истина. Но это только насколько ты понимаешь. Смотри снова.

Я машинально взглянул и увидел падающий лист. Он действительно ударялся о те же самые листья и ветки, что и предыдущий лист. Я как будто смотрел текущую телевизионную передачу. Я проследил за волнообразным падением листа, пока он не упал на землю. Я поднялся узнать, были ли это два листа, но высокий подлесок вокруг дерева препятствовал мне рассмотреть, где лист действительно приземлился.

Дон Хуан рассмеялся и велел мне сесть.

Смотри, — сказал он, указав своей головой на вершину дерева. — Там падает тот же самый лист снова.

Я еще раз увидел лист, падающий точно таким же образом, что и два предыдущие.

Когда он упал, я знал, что дон Хуан собирается указать мне снова посмотреть на вершину дерева, но прежде, чем он сделал это, я поднял глаза. Лист падал снова. Тогда я понял, что только видел первый сорвавшийся лист, или, скорее, первый раз лист упал, когда я видел его с того мгновения, когда он отделился от ветки; другие три раза лист был уже упавшим, когда я поднимал голову посмотреть.

Я сказал это дону Хуану и настаивал, чтобы он объяснил мне то, что он делал.

— Я не понимаю, как ты заставляешь меня видеть повторение того, что я видел прежде. Что ты сделал со мной, дон Хуан?

Он засмеялся, но не отвечал, и я настаивал, что он должен сказать мне, как я мог видеть этот лист, падающим снова и снова. Я сказал, что, по моему мнению, это невозможно.

Дон Хуан сказал, что его разум говорит ему то же самое, однако, я был свидетелем падения листа снова и снова. Затем он повернулся к дону Хенаро.

— Не так ли? — спросил он.

Дон Хенаро не ответил. Его глаза были сосредоточены на мне.

— Это невозможно! — сказал я.

— Ты привязан! — воскликнул дон Хуан. — Ты привязан к своему разуму.

Он объяснил, что лист падал снова и снова с того же самого дерева, если только я остановлю попытки понять. Доверительным тоном он сказал мне, что вся вещь у меня прошла удачно, но, однако, моя мания всегда ослепляла меня в конце.

— В этом нечего понимать. Понимание — это только очень небольшое дело, очень маленькое, — сказал он.

В этот момент дон Хенаро встал. Он бросил острый взгляд на дону Хуана, их глаза встретились и дон Хуан посмотрел на землю перед собой. Дон Хенаро стоял передо мной и начал размахивать своими руками в стороны, взад и вперед ритмично.

— Смотри, Карлуша, — сказал он. — Смотри! Смотри!

Он издал чрезвычайно резкий, свистящий звук. Это был звук чего-то рвущегося. Точно в то мгновение, когда раздался звук, я почувствовал ощущение пустоты внизу моего живота. Это было ужасно мучительное ощущение падения, не болезненного, но, скорее, неприятного и поглощающего. Это продолжалось несколько секунд, а затем спало, оставив странный зуд в моих коленях. В то время, как длилось ощущение, я переживал другой невероятный феномен. Я увидел дону Хенаро на вершине гор, которые были, возможно, в десяти милях. Восприятие длилось только несколько секунд и случилось так неожиданно, что у меня не было времени действительно рассмотреть его. Я не мог воскресить, видел ли я человеческую фигурку на вершине горы или это был уменьшенный образ дону Хенаро. Я не мог даже вспомнить, был ли это дон Хенаро или нет. Однако, в этот момент для меня не было

никакого сомнения, что я видел его, стоящим на вершине гор. Однако, в тот момент я подумал, что я не мог различить человека в десяти милях, и восприятие исчезло.

Я повернулся, чтобы посмотреть на дона Хенаро, но его не было.

Недоумение, которое я переживал, было таким же удивительным, как все другое, что случалось со мной. Мой ум согнулся от напряжения. Я чувствовал себя совершенно дезориентированным.

Дон Хуан встал и велел мне закрыть нижнюю часть моего живота руками и плотно прижать ноги к телу в этом положении. Мы в молчании некоторое время, а затем он сказал, что действительно собирался воздержаться от объяснения чего-нибудь мне, потому что только действуя, человек может стать магом. Он посоветовал мне немедленно уехать, иначе дон Хенаро, возможно, убьет меня в своем усилии помочь мне.

— Ты собираешься изменить направление, — сказал он, — и ты разобьешь свои оковы.

Он сказал, что мне нечего было понимать в действиях его и дона Хенаро и что маги были вполне способны совершать необыкновенные проявления.

— Хенаро и я действуем отсюда, — сказал он и указал на один из центров на своей диафрагме. — а это центр понимания, и все же ты знаешь, что это такое.

Я хотел сказать, что я в действительности не знал, о чем он говорил, но он не дал мне времени, встал и указал мне следовать за ним. Он начал идти быстро необыкновенно, и я, пытая и потя, старался не отставать от него.

Когда мы сели в машину, я огляделся, ища дона Хенаро.

— Где он? — спросил я.

— Ты знаешь, где он, — резко ответил дон Хуан.

Прежде, чем уехать, я посидел с ним, как я делал всегда. У меня было непреодолимое побуждение спросить разъяснений. Как говорит дон Хуан, — объяснения — это в действительности мое потакание себе.

— Где дон Хенаро? — осторожно спросил я.

— Ты знаешь, где, — сказал он. — все же ты каждый раз терпишь поражение, потому что ты настаиваешь на понимании. Например, ты знал в ту ночь, что Хенаро был позади тебя все время, ты даже повернулся и увидел его.

— Нет, — запротестовал я. — нет, я не знал этого.

Я был искренен в этом. Мой ум отказывался принять этот вид влияния, как «реальное», и, однако, после десяти лет ученичества с доном Хуаном мой ум не мог больше защищать мои старые обычные критерии того, что является реальным. Однако, все предположения, которые я до сих пор возбуждал о природе реальности, были просто интеллектуальными махинациями; доказательством тому было то, что под давлением действий дона Хуана и дона Хенаро, мой ум зашел в тупик.

Дон Хуан посмотрел на меня, и в его глазах была такая печаль, что я заплакал. Слезы потекли сами. В первый раз в своей жизни я чувствовал обременяющий вес моего разума. Неопишуемая мука овладела мной. Я невольно завыл и обнял его. Он быстро стукнул меня суставами пальцев по макушке моей головы. Я почувствовал это как волну вниз по позвоночнику. Это имело отрезвляющее действие.

— Ты слишком много потакаешь себе, — сказал он мягко.

ЭПИЛОГ

Дон Хуан медленно ходил вокруг меня. Он, казалось, раздумывал, говорить или не говорить что-то мне. Дважды он останавливался и, казалось, передумывал.

— Вернешься ты или нет — это совершенно неважно, — наконец, сказал он. — однако, теперь тебе необходимо жить, как воину. Ты всегда знал это, теперь ты просто в положении, что вынужден использовать нечто, чем ты пренебрегал прежде. Но ты должен бороться за это знание; оно не просто дано тебе; оно не просто вручено тебе свыше. Ты должен выбить его из себя. Все же, ты все еще светящееся существо. Ты все еще собираешься умереть подобно всем другим. Я однажды говорил тебе, что ничего нельзя изменить в светящемся яйце.

Он помолчал момент. Я знал, что он смотрел на меня, но я избегал его глаз.

— Ничто реально не изменилось в тебе, — сказал он.